УДК 340.1
ББК 67.2

Л. А. Корчагина
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский юридический институт (филиал)
Российской правовой академии Минюста России

КОРОЛЕВСКАЯ (ИМПЕРАТОРСКАЯ) ВЛАСТЬ В ГЕРМАНИИ В X–XIII ВВ.

Статья посвящена общей характеристике монархической формы правления в Германии в X–XIII вв. В статье рассматриваются отличительные черты германской монархии, анализируются различные аспекты эволюции королевской (императорской) власти. Особое внимание уделено правовому положению главы государства, порядку замещения престола. Кроме того, определяется объем полномочий монарха и его взаимоотношения с другими государственными органами. В частности, исследуются исключительные права короны, например, право применять принудительную силу в виде административных и судебных мер (Bannrecht — право банна), королевские регалии (привилегии прежде всего имущественного характера, такие как исключительное право на полезные ископаемые, постройку и содержание бургов и т. д.).

Ключевые слова: королевская (императорская) власть; регалии; банн; престолонаследие; дезигнация; выборный и наследственный принципы; королевская юрисдикция; иммунитетные грамоты; лен; земский мир; инвеституура.

L. A. Korchagina
Ph.D. in Law, Ass. Professor
Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation

KING'S (EMPEROR'S) POWER IN GERMANY IN THE 10–13TH CENTURIES

The paper is devoted to the general characteristics of monarchic power in Germany in the 10-13th centuries. It describes specific features of German monarchy, analyzes different aspects of king's (emperor's) power evolution. The author pays special attention to the legal position of the head of state and the order of succession. Besides, the paper outlines the limits of a monarch's jurisdiction and his relations with other bodies of state power. Specifically, the author researches exclusive rights of the crown, for example, the right to use obligatory force in the form of administrative and judicial measures (Bannrecht — the right of Bann), king's regalia (privileges primarily of ownership character, for example, exclusive right to mineral resources, construction and maintenance of burgs, etc.).

Keywords: king's (emperor's) power; regalia; Bann; succession to the throne; designation; elective and hereditary principles; king's jurisdiction; charters of immunity; fief; general peace; investiture.

Раздел Франкской империи Карла Великого в 843 г. являлся необходимым условием последующего становления немецкой нации и немецкой государственности. В это время Германия была разрозненной и не имела ни политического, ни национального единства. Власть короля признавалась герцогами лишь номинально, а германские короли избирались согласно обычаям первобытнообщинного строя.

Начиная с короля Оттона I (936–973), положение меняется в пользу королевской власти. Этому благоприятствовало то обстоятельство, что короли сосредотачивали у себя довольно крупные материальные средства от так называемых регалий (прав, принадлежащих исключительно королям: судебных пошлин, земных недр и т. п.). Кроме того, Оттон I провел ряд мероприятий, поставивших духовенство в зависимость от королевской власти. Чтобы расширить свою власть над духовенством, Оттон I решил завладеть Римом, как центром католической церкви. В 962 г. он от-

© Л. А. Корчагина, 2013

правился в Рим, заставил папу возложить на него корону римских императоров, и Германия получила название Священная Римская империя германской нации. В результате Оттон I и его преемники подчинили себе герцогов, преодолели феодальную раздробленность и тенденции областного сепаратизма. В X–XIII вв. Германия стала централизованным государством с сильной королевской властью.

Престолонаследие в X–XIII вв. Германии было выборно-наследственным и до середины XIII в. наследственность и выборность осуществлялись параллельно [9, S. 511]. На протяжении всего этого периода конкурировали два указанных принципа, а исход дела решало политическое превосходство претендентов на трон. Когда в X в. германские императоры находились в зените власти, то путем дезигнации (права назначать преемника) легко решали вопрос о наследнике [Ibid, S. 513].

Постепенно сложилась компромиссная практика: знать, сохраняя за собой право выбора короля, не выходила за пределы династического круга, членам которого принадлежало право на престол, а выборы короля происходили под эгидой господствующей идеи права крови. Германский император еще при жизни назначал себе преемника, чаще всего своего сына — мера, которая служила гарантией наследования и устранения спора за трон. Наследник престола еще во время правления отца возвышался до короля. Выборы и коронование определенного наследника придавали ему положение со-короля, наряду с живущим королем (императором). Правовой статус со-короля зависел от короля (императора).

После смерти правящего короля (императора) избранный и коронованный наследник без дальнейших правовых актов становился королем, а после коронования в Риме получал титул императора. Помазание и коронование происходили во время мессы в соборе Св. Петра в Риме, затем ему передавали регалии (корону, меч, скипетр, глобус). На императора надевали церковное одеяние, а торжественное шествие заканчивалось праздничным обедом. Последним коронованным в Риме германским наследником был Фридрих III в 1452 г. [7, S. 233].

Королевская власть занимала центральное место в системе германского феодального общества. Король считался носителем верховной власти. Он назначал и смещал высших должностных лиц, осуществлял высшую военную власть, распоряжался королевской казной. Правовой статус королевской (императорской) власти связан с комплексом средневековых институтов, основанных на нормах и принципах обычного права, традициях, средневековом правосознании, таких как королевский банн, королевские регалии, королевская юрисдикция. На этих институтах основывались и другие исключительные права короны.

Нормы королевского права нашли отражение в сборниках записей обычного права XIII в. — Саксонском зерцале и Швабском зерцале. Швабское зерцало содержало в основном запись прав и привилегий императора и поэтому его называли императорским правом. Характерной чертой Швабского зерцало было и то, что в нем использовались для обоснования власти императора нормы римского публичного права [12, S. 117]. Фактическое функционирование королевского (императорского) права отражено в сохранившихся и дошедших до нас многочисленных королевских актах — дипломах, грамотах, привилегиях, решениях гофтагов (съездов князей), королевского суда. Например, после Оттона I остался фонд дипломов в количестве 431 единицы [14, S. 169].

Еще во времена Франкской монархии начал складываться правовой институт, называемый банном. Его суть состояла в праве короля отдавать своим именем приказы управленческо-принудительного характера, которым обязаны были подчиняться все жители государства. Уже в X в. исключительное право применять принудительную силу в виде административных и судебных мер (Bannrecht — право банна) относилось к основным признакам королевской верховной власти.

Королевский банн имел разное содержание, первостепенным считался войсковой банн (Heerbann) — право короля решать военные вопросы, требовать военной службы, участия в походах от всех подданных, а также право освобождать от военной повинности. Король являлся первым профессиональным воином государства, первым рыцарем. Саксонское зерцало, перечисляя семь военных щитов, первый щит отводило королю и более того, провозглашало короля единственным носителем первого щита. В случае необходимости король имел право требовать от своих вассалов военной имперской службы [5, с. 179]. Так, Фридрих I в 1160 г. приказывает архиепископу Эберхарду Зальцбургскому присоединиться со своей дружиной через 14 дней после Пасхи следующего года в г. Павия к его

войску [9, S. 141]. Эта вассальная обязанность обеспечивалась возможностью применения санкций. Например, за отказ пойти в Италию с подсобным войском Генрих Лев Вельф был предан суду княжеской курии и осужден, так как из-за его неявки Фридрих Барбаросса потерпел поражение в битве под Леньяно (Италия) в 1176 г.

Каждого нового короля, отправлявшегося в Рим за императорской короной, сопровождали в походе шесть князей, которые были первыми при его избрании, а также и все другие, державшие имперские лены [5, с. 120]. Эти походы носили военный характер. Королевская власть над Италией требовала присутствия там императорского войска. Королевская функция верховного военачальника имела весьма важное значение в условиях непрерывных захватнических войн, которые велись Германией в течение X–XIII вв. Войны требовали известного объединения сил господствующего класса, а король был необходим как полководец. Естественно, что в указанный период в Германии сложилась достаточно эффективная система военно-административного руководства [2, с. 13].

Бурговый банн выражался в праве закладывать бурги и принуждать окрестное население к постройке крепостей, торговый банн — в праве на беспошлинную торговлю, охотничий банн — в праве разрешать охоту на определенной территории, право банна распространялось также на юрисдикцию. Высшая юрисдикция принадлежала королю, но он мог ее передавать своим доверенным лицам, поэтому фактически судебный банн вскоре стал означать «судить приказом короля». В сферу действия королевского банна входило применение возмездия за некоторые наиболее тяжкие преступления, преследование за правонарушение в условиях объявленного королем земского мира. В таких случаях вступал в действие институт королевской опалы, что грозило нарушителю утратой правоспособности.

Другим важным институтом выступали королевские регалии (regalio regatio — принадлежащие царю). В широком смысле к ним относились не только права на различные доходы короны, но также важнейшие элементы королевской верховной власти в виде высшей юрисдикции. Более узкое и распространенное понятие регалий как исключительного права короны, относящееся прежде всего к вещному праву, стало употребляться в XII–XIII вв. В целом королевские (императорские) регалии представляли собой совокупность высших политических, судебных, земельных, финансовых и хозяйственных прав и привилегий, принадлежавших монарху в качестве правителя империи [15, S. 234]. Не трудно заметить, что между регалиями и банном не существовало четкого юридического разграничения.

В виде доходов от регалий немецкие короли сосредоточили у себя крупные материальные средства, что усиливало королевскую власть. Кроме того, регалии принадлежали к важнейшим факторам ограничения собственности и прав различных сословий, территорий, городов со стороны королевской власти и имели существенное политико-правовое значение [10, S. 156]. Регалии могли представляться специальными королевскими актами. В королевских и императорских дипломах и грамотах X–XIII вв. при предоставлении иммунитета, например, епископу часто передавался целый комплекс различных регалий вплоть до приобретения иммунистами политических, судебных и административных прав графов, в том числе прав на открытие рынков и ярмарок, чеканки монет.

Иммунитетные грамоты городам предоставляли жителям городов права на устройство ярмарок и рынков, чеканку монеты, возведение укреплений, строительство дорог и мостов, освобождали от ряда сборов и пошлин.

Распространение иммунитетных привилегий фактически приводило к постепенной ликвидации ряда королевских регалий, к переходу этих прав и прерогатив к феодалам и городам.

К концу XIII в. многие регалии и элементы высшей королевской власти перешли к духовным и светским князьям, в результате чего последние приобретали почти полную независимость.

Монетная регалия исходила из более широкого понятия — монетной власти короля [5, с. 60] и давала исключительное право на чеканку монеты и замену ее новой, право извлекать доход из чеканки монет, а также другие права, связанные с монетным обращением. С X в. право чеканки монеты стало предоставляться в качестве королевской привилегии отдельным магнатам, и масштабы этой передачи расширялись по мере усиления власти местных феодалов. Сложился обычай замены монеты при смене владетельного князя на его территории: «Деньги нужно менять при приходе нового господина», — гласит Саксонское зерцало [Там же, с. 61].

В XIII в. ленное право предусматривало возможность получения права чеканки монеты в качестве лена. Таким образом, за королевской властью оставалось лишь право общего надзора за монетной системой.

К группе специфических регалий относилось исключительное право на закладывание торгов, городов, пфальцев, создание епископств. Закладывание в X в. бургов и купеческих городов было объектом особого королевского права: «Только король мог строить бурги и содержать их», — пишет Г. Планиц [16, S. 60]. В 1158 г. Фридрих I издал закон, устанавливающий, что «императору принадлежит право сооружать пфальцы и претории на местах, которые ему нравятся» [9, S. 30]. К этой группе регалий примыкают также получение рыночных пошлин, портовых и таможенных сборов, пошлин морского и речного судоходства, торговли [5, с. 61]. С развитием торговли и городов в XIII в. появляется новая королевская регалия — поддержание порядка на главных транспортных артериях государства.

Большое значение имела горная регалия, распространявшаяся на полезные ископаемые: «Все сокровища, находящиеся в земле глубже, чем вспахивает плуг, принадлежат королевской власти» [Там же, с. 32]. Это правило зафиксировано в Саксонском зерцале. Горная регалия поначалу регламентировала добычу золота и серебра и поэтому считалась наиболее ценной. Король имел также право на добычу соли (соляная регалия). Так как земельные владения определяли силу и объем политической власти, к основным регалиям в монархии относилась и земельная, из которой и к которой примыкали многие другие (охотничья, рыболовная, лесная, водная).

Право короля быть изначально верховным собственником и распорядителем земли вытекало естественным образом из средневековой патримониальной теории государства. Оно нашло свое отражение в германском праве, где сказано, что «ленный щит начинается с короля» [Там же, с. 119]. Король признавался источником всех ленных пожалований. С другой стороны, всякий лен базировался на иерархии, во главе которой стоял король. «Короля избирают судьей над земельной собственностью, и леном, и над жизнью каждого» [Там же, с. 100]. Со сменой монарха все правовые акты королевской власти о передаче земли вассалам теряли юридическую силу, а земли возвращались короне. Новый король после коронации каждый раз решал вопрос о возобновлении прежних земельных пожалований или об отказе в нем. Вместе с тем в распоряжении землей, как и в некоторых других сферах, король не был абсолютно свободен. В этом вопросе его ограничивала норма права, в соответствии с которой «ни один знаменный лен не должен оставаться вакантным более года и дня» [Там же, с. 104], т. е. король имел обязательство передачи лена. Такого ограничения права, как у германского короля, не существовало ни в английском, ни во французском праве. Эта норма означала уступку местной знати. Сами германские короли в качестве феодалов обладали личной земельной собственностью, королевскими землями, крестьянами, пфальцами, городами, т. е. доменом.

Доходы от имений короны вместе с поступлениями от налогов и судебных штрафов составляли материальную базу королевской власти. После упадка центральной власти в середине XII в. только Конраду III (1138–1152) и Фридриху I (1152–1190) удалось достичь цели объединения королевских земель в последний раз [11, S. 34]. В Германии, как писал Г. Миттайс, ленное право все более развивалось в пользу вассалов и усиливало их позицию по отношению к центральной власти. Большим коронным вассалам удалось поставить себя во главе ленной пирамиды и тем самым разрушить связь короля с нижними вассалами [13, S. 462].

Королевская власть в Германии осуществляла судебные функции, характерные в общих чертах для европейской феодальной монархии, но вместе с тем, имеющие свои особенности.

Как и в других странах, «судебная власть была неотъемлема от земельной собственности, а право суда неразрывно связано с правом на судебный лен» [1, с. 210]. Король повсеместно выступал всеобщим судьей. Он являлся верховным судьей как по общему земскому праву, так и по ленному [5, с. 88]. Высшим судом был королевский (суд королевского двора). Он являлся высшей инстанцией, где король мог заменить любого судью. Находясь в каком-либо месте страны, король мог принять к личному производству любое дело, вынести решение в отношении лиц, содержащихся под арестом [Там же, с. 104].

Вначале суду короля подлежали все светские и духовные лица, но в XI в. появился особый церковный суд, и дела о церковных служителях были изъяты из общей подсудности. Провозглашалось всеобщее право каждого светского лица на суд

у короля [5, с. 91]. Подтверждая это право, в день коронации по обычаю король принимал жалобы от представителей любых социальных слоев, включая неимущих [13, S. 161–162]. К королю можно было апеллировать на решение любого судьи, если одна из сторон судебного спора считала, что решение противозаконно. Согласно нормам Саксонского зерцала только король мог передавать право высшего суда — «власть судить приказом (банном) короля» [5, с. 106].

Однако к концу XIII в., вследствие ослабления королевской власти, наделение судебными ленами в княжествах проводили сами князья, формально выступавшие в качестве представителей короля. «Вместе с падением старого административно-территориального деления на графства, — отмечает Л. И. Дембо, — суд превратился из королевского суда в суд владетельного князя, феодального сеньора» [1, с. 213].

В целях ограничения феодальных войн и борьбы с самовольными захватами земли и имущества, распространившимся самоуправством и преступлениями, королевская власть использовала институт «земского мира». «Земский мир» провозглашался на гофтаге или рейхстаге королевским актом на определенной территории и вводил ограничения междоусобных воин, и устанавливал суровую ответственность за правонарушения. Необходимость охраны правопорядка с помощью «земского мира» повышало государственную роль королевской власти.

К важнейшим регалиям короля относилось право назначения должностных лиц государства, а также инвеститура, т. е. облачение и введение в сан высших церковных иерархов в государстве — епископов и аббатов.

Что касается законодательной власти, то ее роль в странах Западной Европы в эпоху средневековья была незначительна [4, с. 71], тем не менее, разнообразные нормативные акты издавались иногда германским королем (императором) единолично, а чаще под его председательством — съездом феодалов (гофтагом). В отличие от других европейских государств, где в рассматриваемый период шел процесс укрепления центральной власти, неуклонно росло число королевских нормативных актов, внося известное единообразие в сферу управления, судопроизводства, торговли, в Германии подобное явление отсутствовало.

Во второй половине IX в. правителями Восточно-Франкского королевства (Людовиком Немецким, Арнульфом) еще издавались капитулярии, формально сохранявшие по традиции силу во всей бывшей империи Каролингов. Это были акты, касающиеся преимущественно интересов церкви, чаще всего подтверждавшие прежние постановления об охране церковной собственности и церковных привилегий, о взыскании десятины и других повинностей в пользу церкви [8, S. 63]. Но в X — начале XI вв. издание подобных актов постепенно прекращается. Юридическая практика королевской канцелярии стала ограничиваться в основном составлением дипломов (актов, удостоверяющих присвоения королем особых прав и привилегий отдельным лицам, монастырям и грамот) [Ibid, S. 16].

С середины XI в. нормотворческая деятельность королевской власти и собрания феодалов стала оживленнее. В это время издают ряд постановлений по отдельным вопросам юрисдикции и суда о сервах, о министериалах, несколько общих актов против феодальных войн и анархии и о сохранении мира. Немалую роль в развитии германского ленного права сыграл эдикт Конрада II «О бенефициях в Итальянском королевстве». С тех пор ленное право постепенно пополнялось нормами императорских актов, такими как постановления Фридриха I (1154) об утрате вассалами ленов в случае пропуска установленного срока для возобновления вассального договора или непредоставления в определенный срок военной охраны в поход на Рим [9, S. 29]. Фридрих I издал еще ряд актов, способствовавших усилению центральной власти. Среди них можно отметить акт, согласно которому «вся юрисдикция и вся верховная принудительная власть принадлежит императору: все судьи должны получать все управление от него и при этом давать клятву, установленную законом» [Ibid, S. 30]. Ряд значительных по своему содержанию актов принадлежали также другим императорам. Например, по императорскому закону Фридриха II «ни один духовный князь не может давать в лен принадлежащие империи права — такие, как: таможня, чеканка монеты, шультгейство, светский суд и подобное этому без императорского на то разрешения» [6, S. 91].

Можно согласиться с В. П. Прокопьевым, что в этот период трудно говорить о наличии единого королевского начала власти в государстве [3, с. 6]. В целом анализ королевской власти в Германии X–XIII вв. показывает, что несмотря на отдельные периоды ее усиления, явно просматривается общая тенденция упадка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дембо Л. И.* Саксонское зерцало — выдающийся памятник истории германского феодального права // Саксонское зерцало: Памятник, комментарии, исследования / отв. ред. *В. М. Корецкий*. — М., 1985. — С. 152–224.

2. *Прокопьев В. П.* Армия и государство в истории Германии X–XX вв. — Л., 1982. — 145 с.

3. *Прокопьев В. П.* История германской государственности: X–XIII вв. — Калининград, 1984. — 160 с.

4. *Рене Д.* Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. — М., 1988. — 495 с.

5. Саксонское зерцало: Памятник, комментарии, исследования / отв. ред. *В. М. Корецкий*. — М., 1985. — 272 с.

6. *Bohmer J. F.* Die Regesta Imperii. Salischen Haus: 1024–1039. Die Regesten des Kaiserlichen unter Konrad II. — Graz, 1951. — Bd. 3. — 123 S.

7. *Conrad H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Fruhzeit und Mittelalter. — Karlsruhe, 1962. — 233 S.

8. Die Urkunden der deutschen Karolinger. Die Urkunden Ludwigs des Deutschen, Karlsmanns und Ludwigs des Jungeren. — Berlin, 1934. — Bd. 1. — 266 S.

9. Die Urkunden der deutschen Konige und Kaiser. Die Urkunden Friedrich I (1158–1167). — Hannover, 1985. — Bd. 10. — T. 2. — 263 S.

10. *Haverkamp A.* Die Regalien-, Schutz — und Steuepolitik in Italien unter Friedrich Barbarossas bis zur Entstehung des Lombardenbundes // Zeitschrift fur Bayerische Landesgeschichte. — 1966. — № 29. — S. 3–156.

11. *Koch H.* Auf dem Wege zum Sacrum Imperium. — Berlin, 1972. — 276 S.

12. *Krause H.* Kaiserrecht und Rezeption. — Heidelberg, 1952. — 180 S.

13. *Mitteis H.* Der Staat des hohen Mittelalters. — Weimar, 1986. — 462 S.

14. *Muller-Mertens E.* Die Reihsstruktur im Spiegel der Herrschaftspraxis Ottos des Grossen. — Berlin, 1980. — 269 S.

15. *Ott I.* Der Regalienbegriff im 12. Jh // Zeitschrift der Sawigni. — 1948. — № 35. — S. 234–304.

16. *Planitz H.* Die deutsche Stadt im Mittelalter. — Weimar, 1977. — 307 S.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Корчагина Людмила Александровна (Иркутск) — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права. Иркутский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: rpa38@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Korchagina, Lyudmila Aleksandrovna (Irkutsk) — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Chair of Theory and History of State and Law. Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Nekrasova st., 4, Irkutsk, 664011, e-mail: rpa38@mail.ru)

УДК 342.9
ББК 67.301

Е. В. Кирильчик
Иркутский юридический институт (филиал)
Российской правовой академии Минюста России

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СИСТЕМЫ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВЗЫСКАНИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

В статье рассматривается проблема совершенствования системы дисциплинарных взысканий, применяемых к государственным гражданским служащим. Корректировка действующих положений законодательства в указанной сфере представляется необходимой. Используя зарубежный опыт применения к государственным служащим дисциплинарных мер материального характера, следует дополнить перечень видов дисциплинарных взысканий. Нуждается в конкретизации и порядок применения некоторых уже закрепленных законодательством дисциплинарных взысканий. В настоящее время к гражданским служащим применяются либо меры морального воздействия, не имеющие между собой существенных различий, либо увольнение, которое весьма проблематично из-за неполноты правового регулирования.

Ключевые слова: государственная служба; гражданский служащий; дисциплинарная ответственность; виды дисциплинарных взысканий.

Ye. V. Kirilchik
Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation

ON IMPROVING THE SYSTEM OF DISCIPLINARY PUNISHMENTS FOR CIVIL SERVANTS

The paper examines the issues of improving the system of disciplinary punishments for civil servants. The author believes that it is necessary to amend the active legislative provisions in this sphere and that the existing list of disciplinary punishments should be supplemented using the international experience of applying disciplinary measures of material type to public servants. The procedure of using some disciplinary measures already embodied in laws should be specified. The measures used for civil servants at present are either moral pressure measures that are not substantially differentiated or dismissal from office that is quite problematic due to incomplete legal regulation.

Keywords: public service; civil servant; disciplinary liability; types of disciplinary punishment.

Реформированию института государственной гражданской службы в последние годы уделяется серьезное внимание. Однако до настоящего времени некоторые стороны государственно-служебных отношений урегулированы недостаточно полно. В частности, в совершенствовании нуждаются положения, касающиеся дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих (далее — гражданские служащие).

В Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее — Закон)[1] предусмотрено пять видов дисциплинарных взысканий, применяемых к гражданским служащим за совершение дисциплинарных проступков: замечание, выговор, предупреждение о неполном должностном соответствии, освобождение от замещаемой должности государственной гражданской службы и увольнение.

Однако перечисленные виды дисциплинарных взысканий можно было бы сократить до двух: выговор и увольнение. Анализ установленных Законом видов дисциплинарных взысканий позволяет сделать вывод о том, что замечание и выговор представляются полностью идентичными — это меры морального воздействия, порядок применения которых и юридические последствия абсолютно одинаковы. Встречающееся мнение о том, что замечание является более «мягким» видом взыскания, ничем не обо-

[1] О государственной гражданской службе Российской Федерации : федер. закон РФ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2004. — № 31, ст. 3215.

© Е. В. Кирильчик, 2013

сновано. Общие правила назначения дисциплинарных взысканий установлены в отношении всех дисциплинарных взысканий и не предусматривают каких-либо особенностей в отношении замечания [2, с. 103].

Предупреждение о неполном должностном соответствии, при всей внешней серьезности этого взыскания, фактически не отличается от выговора и автоматически снимается через год. Поэтому следует согласиться с мнением М. В. Преснякова и С. Е. Чаннова о том, что если гражданский служащий в момент наложения взыскания не в полной мере соответствует замещаемой должности, ниоткуда, собственно, не вытекает, что через год он будет ей соответствовать. По их мнению, выглядело бы более логичным, если бы гражданские служащие, к которым применялось дисциплинарное взыскание в виде неполного должностного соответствия, по истечении года (или ранее, по инициативе представителя нанимателя) направлялись бы на внеочередную аттестацию [Там же, с. 105]. Представляется также необходимым закрепить, что если по результатам этой внеочередной аттестации гражданский служащий будет вновь признан не соответствующим замещаемой должности, то должен быть освобожден от замещаемой должности и уволен с гражданской службы.

Целесообразно установить, что гражданские служащие, к которым применено дисциплинарное взыскание в виде предупреждения о неполном должностном соответствии, в обязательном порядке направляются на переподготовку или повышение квалификации. Это будет способствовать совершенствованию профессиональных знаний, навыков и умений и создаст условия для соответствия гражданского служащего замещаемой должности.

Освобождение от замещаемой должности (по смыслу п. 10 ст. 58 Закона) является разновидностью увольнения, с той лишь разницей, что гражданский служащий, освобожденный от замещаемой должности в связи с дисциплинарным взысканием, включается в кадровый резерв для замещения иной должности гражданской службы на конкурсной основе. По логике (к сожалению, Закон не содержит прямого указания на этот счет), под иной должностью следует понимать должность, которая является ниже, чем замещаемая гражданским служащим до применения данного вида дисциплинарного взыскания. Таким образом, освобождение от замещаемой должности можно рассматривать и как «завуалированное» понижение в должности, которое не закреплено в законодательстве России в качестве самостоятельного дисциплинарного взыскания. В то же время следует помнить, что институт государственной службы является публично-правовым, а основная задача государственной службы — обеспечение исполнения полномочий государственных органов. Как справедливо указывает С. Е. Чаннов, представляется абсолютно неправильным, что публичная дисциплинарная ответственность в системе государственной службы строится на тех же принципах и подходах, что и частная дисциплинарная ответственность по нормам трудового законодательства [3, с. 41]. В дисциплинарных отношениях гражданскому служащему противостоит не отдельный работодатель, преследующий частный интерес, а государство — наниматель, устанавливающее правила служебного поведения и требующее их соблюдения [1, с. 169]. Следовательно, представляется возможным установить дисциплинарное взыскание в виде понижения в должности в отношении гражданских служащих. В США в дисциплинарной практике отдельных ведомств используется такое дисциплинарное взыскание, как понижение в должности, во Франции допускается перевод государственного служащего на другое место работы[1]. Такое взыскание представляется весьма действенным, поскольку является мерой не только морального, но и материального воздействия.

Увольнение как наиболее строгая мера дисциплинарного взыскания допускается только по основаниям, установленным Законом, одно из них — однократное грубое нарушение должностных обязанностей. Некоторые проявления данного нарушения нуждаются в детализации. Так, в соответствии с подп. «а» п. 3 ч. 1 ст. 37 Закона прогулом считается отсутствие на служебном месте более четырех часов подряд в течение служебного дня. В соответствии со ст. 45 Закона нормальная продолжительность служебного времени для гражданского служащего не может превышать 40 ч в неделю, при этом установлена пятидневная служебная неделя. Таким образом, служебное время в течение дня — 8 ч, из которых, как правило, 4 ч составляет служебное время до перерыва на обед и 4 ч после этого перерыва. Следовательно, отсутствовать на служебном месте более четырех часов подряд не представляется возможным. Таким образом, увольнение за прогул на практике достаточно проблематично. По нашему

[1] URL : http://student.zoomru.ru/adminpravo/disciplinarnoe-proizvodstvo/13217.126457.s2.html.

мнению, следует подкорректировать понятие прогула, исключив слово «подряд» и определив, что прогулом является отсутствие на служебном месте более четырех часов в течение служебного дня.

Сложности при увольнении гражданского служащего за появление на службе в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения могут возникнуть в связи с тем, что законодатель не определяет, каким образом следует доказывать нахождение в состоянии опьянения. Представляется вполне достаточным закрепить, что необходимо на служебном месте составить соответствующий акт в присутствии не менее двух гражданских служащих, которые должны этот акт подписать. Акт должен быть составлен непосредственным, либо, в отсутствие непосредственного, вышестоящим руководителем. При этом, если гражданский служащий посчитает необходимым, то он может по собственной инициативе пройти медицинское освидетельствование на состояние опьянения.

Внесение указанных дополнений могло бы способствовать единообразию правоприменительной практики, однако, как было отмечено ранее, в совершенствовании нуждается и сама система дисциплинарных взысканий. Представляется возможным заимствовать зарубежный опыт применения к гражданским служащим дисциплинарных взысканий материального характера. Например, во Франции кроме привычных предупреждения и выговора к государственным служащим применяются такие виды дисциплинарных взысканий, как прекращение повышения в разряде; временное увольнение сроком до 15 дней; перевод на другое место работы; понижение в разряде; временное увольнение от 6 месяцев до 2 лет. В отдельных ведомствах США используются такие меры, как понижение в должности и временное отстранение от работы без выплаты зарплаты. В Японии в отношении государственных служащих широко применяются следующие дисциплинарные санкции: временное отстранение от должности сроком от 1 дня до 1 года (за это время государственный служащий не получает заработную плату), удержание из должностного оклада (до 1/3 жалования за период от 1 дня до 1 года)[1]. Представляется, что на современном этапе развития нашего государства аналогичные меры явились бы более действенными, чем меры морального характера. Это не значит, что следует заимствовать все вышеперечисленные виды дисциплинарных взысканий, так как временное отстранение от должности (временное увольнение) не будет способствовать повышению профессионального уровня и качественному исполнению должностных обязанностей после восстановления на службе. Однако положительный зарубежный опыт дает основания полагать, что применение отдельных мер, связанных с материальным воздействием (понижение классного чина, перевод на нижеоплачиваемую должность или удержание из должностного оклада части жалования), способствовало бы более эффективному исполнению должностных обязанностей гражданскими служащими. В то же время зарубежный опыт свидетельствует о том, что закрепление в законодательстве дисциплинарных мер материального характера должно повлечь и изменение системы мер поощрения — кроме единовременных материальных поощрений необходимо предусмотреть и меры, направленные на стабильное увеличение денежного содержания гражданских служащих.

[1] URL : http://student.zoomru.ru/adminpravo/disciplinarnoe-proizvodstvo/13217.126457.s2.html.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гусев А. В.* Российская государственная гражданская служба: проблемы правового регулирования. — Екатеринбург, 2005. — 488 с.

2. *Пресняков М. В., Чаннов С. Е.* Дисциплинарная ответственность гражданских служащих: проблемы нормативной определенности и справедливой дифференциации // Трудовое право. — 2009. — № 9. — С. 103–110.

3. *Чаннов С. Е.* Публичная дисциплинарная ответственность государственных служащих: проблемы построения модели // Государственная власть и местное самоуправление. — 2011. — № 2. — С. 40–42.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кирильчик Елена Валерьевна (Иркутск) — старший преподаватель кафедры конституционного права. Иркутский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: konst.law@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirilchik, Yelena Valeryevna (Irkutsk) — Senior Instructor, Chair of Constitutional Law. Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Nekrasova st., 4, Irkutsk, 664011, e-mail: konst.law@mail.ru)

УДК 347.4
ББК 67.304

Л. А. Майорова
кандидат юридических наук
Восточно-Сибирское управление государственного речного надзора

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СДЕЛОК, ПОДЛЕЖАЩИХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ (на примере аренды недвижимых de jure вещей)

Российская система регистрации прав на недвижимость представляет собой смешение классической титульной системы регистрации прав (в ее относительном варианте) и актовой системы регистрации сделок (актов), установленных законом. При этом отсутствует логическое обоснование как законодательного выбора оснований регистрации сделок с недвижимым имуществом, так и дифференциации последствий несоблюдения такой регистрации. Непоследовательность законодателя в концептуальном стремлении к переходу на подлинно титульную систему регистрации прав можно проследить на примере аренды недвижимых de jure вещей, «частично» подлежащей государственной регистрации.

Ключевые слова: государственная регистрация сделок с недвижимостью; недвижимые по закону вещи; договор аренды; аренда транспортных средств; обременение недвижимости; незаключенность договора; ничтожная сделка.

L. A. Maiorova
Ph.D. in Law
East Siberian Office of State River Supervision

SOME ASPECTS OF REGISTRABLE TRANSACTIONS (USING THE EXAMPLE OF LEASING DE JURE REAL ESTATE)

Russian system of real estate rights registry is a mixture of the classical title system of rights registry (in its relative variant) and the act system of registering transactions (acts) established by law. At the same time, there is no logical reasoning for both the legislative choice of the grounds for registering real estate transactions and the differentiation of the consequences of violating such registration procedures. The legislative inconsistency in the conceptual desire to switch to a true title real estate registry system could be shown using the example of leasing de jure real estate which is «partially» subject to state registration.

Keywords: state registration of property transactions; de jure real estate; leasing contract; leasing of vehicles; encumbrance of property; loss of a contract; void contract.

Несмотря на то, что российская система регистрации прав на недвижимость стремится к титульной модели, в которой регистрируются права, в российском законодательстве предмет государственной регистрации существенно расширен и включает наряду с государственной регистрацией прав сделки с недвижимостью. Подобное состояние регистрационного режима характеризуется наукой как «хаотичное вследствие отсутствия четкого понимания природы и назначения государственной регистрации и поэтому допускающее неоправданное расширение ее предмета» [4, с. 68].

Легитимное требование государственной регистрации некоторых видов сделок позволило выделить в принятой в законодательстве и доктрине гражданского права дифференциации договоров по перфекции на «реальные — консенсуальные» особой категории договоров, которые О. Н. Садиков именует формальными [3, с. 703], а в исследовании Е. С. Болтановой они получили название региструмальных [1, с. 7].

Вопрос о сохранении договоров, подлежащих государственной регистрации, на протяжении долгого периода являлся предметом научных дискуссий, итог кото-

© Л. А. Майорова, 2013

рым подвели авторы Концепции развития гражданского законодательства РФ, признавшие целесообразность устранения смешения различных систем регистрации и необходимость перехода на подлинную систему регистрации прав [5, с. 32].

Частично «дуализм» иммобилиарной системы государственной регистрации был устранен принятием Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ[1], согласно которому правила о государственной регистрации сделок с недвижимым имуществом, содержащиеся в том числе, в ст. 609, 651 и 658 ГК РФ, не подлежат применению к договорам, заключенным после 1 марта 2013 г. (п. 8 ст. 2).

Однако данная норма еще до ее вступления в силу вызвала существенные опасения со стороны предпринимательского и юридического сообщества в отношении целесообразности отмены государственной регистрации договоров аренды недвижимого имущества. Причина опасений состояла в особенностях правового регулирования арендных отношений, а именно в наличии, так называемого, «вещного эффекта» аренды, вытекающего из положений ст. 305, 617 ГК РФ. Потенциальная возможность злоупотребления правом со стороны недобросовестного арендодателя в виде «двойной аренды», непредоставления информации покупателю об обременении недвижимости арендой, угрожающие стабильности оборота недвижимого имущества повлекли принятие Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 21-ФЗ[2], возобновившего государственную регистрацию договоров аренды недвижимости с 4 марта 2013 г. (ст. 3).

В соответствии с ГК РФ государственная регистрация имеет либо конститутивное значение, определяя момент заключения договора (п. 3 ст. 433), либо является условием его действительности, когда законом прямо предусмотрена недействительность сделки вследствие нарушения требования о ее регистрации (п. 1 ст. 165). Правило о «незаключенности», будучи общим, действует и во всех тех случаях, когда законодатель, устанавливая обязательность государственной регистрации договора, не определяет последствий невыполнения указанных требований. По превалирующему мнению, государственная регистрация представляет собой особую стадию заключения договора, отсутствие которой означает незавершенность процесса заключения договора. Если сделка, требующая государственной регистрации, совершена в надлежащей форме, но одна из сторон уклоняется от ее регистрации, суд вправе по требованию другой стороны вынести решение о регистрации сделки (п. 3 ст. 165 ГК РФ). Как полагают некоторые цивилисты, такая санация сделки возможна как в отношении недействительной, так и незаключенной сделки [8, с. 65; 1, с. 125]. По мнению авторов Концепции развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе, разделяемому автором настоящей публикации, при понуждении к регистрации несовершенной сделки через суд, фактически речь идет о понуждении к заключению договора. Такое положение порождает неоправданные различия в правовом регулировании оборота различных видов недвижимого имущества. Иск о понуждении к заключению договора может быть предъявлен только в случае, предусмотренном п. 4 ст. 445 ГК РФ, когда заключение договора обязательно для одной из сторон [4, с. 70]. Согласно судебному толкованию, изложенному в п. 7 Информационного письма президиума ВАС РФ от 16 февраля 2001 г. № 59, «из буквального содержания п. 3 ст. 165 ГК РФ не следует, что она применяется только в случаях, когда при отсутствии государственной регистрации сделка считается недействительной. Гражданский кодекс РФ не устанавливает каких-либо особых положений для сделок, которые при отсутствии государственной регистрации считаются незаключенными. Таким образом, требование п. 3 ст. 165 ГК РФ носит общий характер, и сторона, заинтересованная в государственной регистрации сделки, вправе предъявить в суд требование о ее регистрации и тогда, когда в соответствии с законом сделка при отсутствии регистрации считается незаключенной»[3].

До недавнего времени позиция, согласно которой при отсутствии государственной регистрации договор аренды недвижимого

[1] О внесении изменений в гл. 1, 2, 3 и 4 ч. 1 ГК РФ : федер. закон от 30 дек. 2012 г. № 302-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : федер. закон от 4 марта 2013 г. № 21-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Обзор практики разрешения споров, связанных с применением Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» : информ. письмо Президиума ВАС РФ от 16 февр. 2001 г. № 59 // Вестник ВАС РФ. — 2001. — № 4.

имущества, подлежащий государственной регистрации, считается незаключенным[1], являлась в судебной практике преобладающей. Иное толкование, обусловленное реалиями предпринимательского оборота, изложено в п. 14 постановления Пленума ВАС РФ от 17 ноября 2011 г. № 73, согласно которому отсутствие государственной регистрации аренды в случаях, когда необходимость такой регистрации установлена законом, не означает отсутствия обязательственных связей между контрагентами по этому соглашению[2]. Такой незарегистрированный договор аренды связывает его стороны условиями об арендной плате и о неустойке за нарушение условий пользования имуществом, если: контрагенты согласовали его существенные и иные условия; была соблюдена форма договора; собственник передал имущество в пользование, а другое лицо приняло его без каких-либо замечаний; договор исполнялся сторонами. В то же время у арендатора по такому договору не возникают права, которые касаются третьих лиц (право преимущественного заключения договора на новый срок, право на сохранение договора аренды в силе при смене арендодателя и др.), т. е. «вещный эффект» у незарегистрированного договора аренды не возникает.

Хотя в литературе и существует мнение о признании незаключенных сделок недействительными [10, с. 93], правовые последствия исполнения таких сделок различны. Так, предоставленное по незаключенной сделке подлежит истребованию по правилам виндикации (ст. 302 ГК РФ) или кондикции (гл. 60 ГК РФ), последствием недействительных сделок является реституция (п. 2 ст. 167 ГК РФ), которая в ряде случаев может сочетаться с конфискацией (ст. 179 ГК ГФ) и даже заменяться ею (ст. 169 ГК РФ).

Поскольку дифференцированный подход к последствиям несоблюдения требования о государственной регистрации сделки не имеет ни научного, ни практического обоснования, полагаем, что при сохранении в иммобилиарном режиме категории региструмальных сделок de lege ferenda целесообразно такие последствия унифицировать. Учитывая легитимную возможность понуждения к государственной регистрации сделки в судебном порядке по требованию одной из сторон, сделки, подлежащие государственной регистрации, но не прошедшие ее, следует признавать недействительными.

Частным примером законодательной непоследовательности в регламентации региструмальных сделок являются положения о договоре аренды недвижимости «условной» [11, с. 60], «нестационарной» [7, с. 39], «нетипичной» [6, с. 131], «недвижимости по закону» [4, с. 7], а именно подлежащих государственной регистрации воздушных и морских судов, судов внутреннего плавания и космических объектов (абз. 2 п. 1 ст. 130 ГК РФ).

В соответствии с п. 2 ст. 609 ГК РФ договор аренды недвижимого имущества подлежит государственной регистрации, если иное не установлено законом. К договору аренды транспортного средства как с экипажем, так и без экипажа правила о регистрации договоров аренды не применяются (ст. 633, 643 ГК РФ).

Несмотря на положения ГК РФ, законодатель с 1 января 2013 г.[3] предусмотрел обязательную регистрацию договора аренды судна без экипажа (п. 4 ст. 63 КВВТ РФ). Договор аренды судна с экипажем, согласно п. 2 ст. 60 КВВТ РФ, вступает в силу по правилам гражданского законодательства, изложенным в параграф 3 гл. 34 ГК РФ «Аренда транспортных средств».

Следуя иносказательному библейскому выражению при оценке такой избирательности к видам региструмальных сделок, а также учитывая концептуальный курс на переход системы регистрации прав на недвижимость к подлинно титульной, истинно — «левая рука законодателя не знает, что делает правая».

В ГК РФ понятие «транспортного средства» не раскрывается. Отсутствие легальной дефиниции породило немало судебных споров в отношении договоров аренды средств, предназначенных для передвижения, но недвижимых по закону. В обоснование необходимости государственной регистрации договора аренды судна обычно спорящая сторона ссылается на ст. 131, 164,

[1] Обзор практики разрешения споров, связанных с применением Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним : информ. письмо Президиума ВАС РФ от 16 февр. 2001 г. № 59, п. 7.

[2] Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды : постановление Пленума ВАС РФ от 17 нояб. 2011 г. № 73 // Вестник ВАС РФ. — 2012. — № 1. — С. 114–117.

[3] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 28 июля 2012 г. № 131-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

п. 2 ст. 609 ГК РФ, аргументируя тем, что судно, подлежащее государственной регистрации, относится к недвижимому имуществу, в связи с чем, не может одновременно быть транспортным средством[1].

Этимологически термин «транспортное средство» восходит к латинскому «transport» — переношу, перемещаю. В Федеральном законе «О транспортной безопасности» от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ[2] в понятие «транспортные средства» включаются воздушные суда, суда, используемые в целях торгового мореплавания или судоходства, железнодорожный подвижной состав, подвижной состав автомобильного и электрического городского наземного пассажирского транспорта в значениях, устанавливаемых транспортными кодексами и уставами. Рассмотренное понятие, хотя и используемое в целях соответствующего нормативного акта, подтверждает фактический статус судов как транспортных средств, то положение космических объектов, не имеющих ни надлежащего определения, ни классификации, достаточно неопределенно.

Д. В. Чеканов, исследуя проблему гражданских правоотношений с искусственными космическими объектами (ИКО), предложил их классификацию по различным основаниям: в зависимости от типа средств выведения, качественных и технических параметров; специфики полетов — пилотируемые (космические корабли, обитаемые орбитальные станции, обитаемые станции на небесных телах) и непилотируемые; возможного количества использования — ИКО многоразового использования, ИКО однократного использования; по регистрации — зарегистрированные и незарегистрированные в реестре ООН космические объекты [9, с. 55–71].

Исходя из целевого назначения использования транспортного средства, таковым является техническое устройство, предназначенное для перемещения в пространстве (в том числе учитывается принципиальная возможность, например стоечное судно). Поскольку не все космические объекты предназначены для перемещения в пространстве (обитаемые станции на небесных телах, отдельные ступени ракет-носителей и др.), то арендные отношения по их поводу регулируются различными нормами ГК РФ. Так, договор аренды космических объектов (транспортных средств) регистрации не подлежит и считается заключенным с момента согласования существенных условий договора и предоставления транспортного средства во временное владение и пользование арендатору, для договоров аренды космических объектов, не относящихся к категории транспортных средств, государственная регистрация является условием перфекции.

Еще одним спорным моментом является «передача» транспортного средства и ее значение для договора аренды. Особенностью договора аренды транспортных средств является момент его перфекции — в обеих модификациях, с экипажем и без экипажа, данный договор сформулирован в ГК РФ как реальный, хотя как в доктрине, так и судебной практике мнения по данному вопросу расходятся. Так, В. В. Витрянский все договоры аренды относит к категории консенсуальных, «поэтому в тех случаях, когда момент вступления договора в силу совпадает с фактической передачей арендованного имущества, можно говорить об особом порядке заключения договора аренды и о том, что он исполняется в момент заключения, но не о реальном характере договора» [2, с. 441–442]. Суды также считают договор бербоут-чартера заключенным «с момента достижения сторонами согласия на его заключение и подписание»[3]. Как замечают Б. Л. Хаскельберг и В. В. Ровный, «поскольку используемый в ст. 632 и 642 ГК РФ термин “предоставляет” с семантической точки зрения не тождественен “передаче”, о которой говорится в п. 2 ст. 433 ГК РФ, учитывая принцип и целесообразность соблюдения единообразия терминов в нормах права, в стремлении сформулировать договор аренды транспортного средства в качестве реального законодателю ничего не мешало вместо термина “предоставляет” употребить термин “передает”» [8, с. 26]. В то же время договоры фрахтования судна на время (тайм-чартер) и фрахтования судна без экипажа (бербоут-чартер) сформулированы законодателем в ст. 198 и ст. 211 КТМ РФ как консенсуальные, модель которого больше соответствует потребностям рыночного оборота.

[1] Постановление ФАС Дальневосточного округа от 27 февр. 2006 г. № Ф03-А51/06-1/436; постановление ФАС Волго-Вятского округа от 9 дек. 2008 г. № А29-1538/2008 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Российская газета. — 2007. — 14 февр.

[3] Постановление ФАС Дальневосточного округа от 9 марта 2005 г. № Ф03-А51/05-1/87 // СПС «КонсультантПлюс».

Кроме договора, аренда как правовое явление может рассматриваться в качестве обременения права собственности арендодателя и субъективного права арендатора. Согласно п. 1 ст. 131 ГК РФ, право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации. Для регистрации аренды предусмотрен раздел соответствующего реестра прав для внесения записи об ограничении (обременении) прав. Поскольку государственная регистрация осуществляется с учетом и на основании положений гражданского законодательства, а ГК РФ не предусматривает государственной регистрации ни права аренды, ни аренды как обременения, регистрация возникающих из договора аренды прав арендатора производится только в том случае, когда регистрации подлежит сам договор аренды недвижимости. При этом регистрация права аренды не является самостоятельной государственной регистрацией, а представляет собой запись в реестре о произведенной государственной регистрации договора аренды недвижимого имущества, на основании которого возникают права арендатора, обременяющие недвижимое имущество. Поскольку договор аренды транспортного средства по общему правилу не подлежит государственной регистрации и регистрации в соответствующем государственном реестре прав и обременения в виде права арендатора, возникающих на основании данного договора. Указанный вывод основан на буквальном толковании закона, а также с позиций высших судебных инстанций[1].

Иная точка зрения изложена в письме Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы от 22 января 2013 г. № 3.3-6/94, изданному в связи с частичной отменой сделок, подлежащих государственной регистрации, согласно которому: «Договор аренды влечет для собственника имущества, сдающего имущество в аренду (арендодателя), невозможность самостоятельного использования переданного в аренду имущества, следовательно, является обременением недвижимого имущества и, соответственно, выступает основанием для государственной регистрации такого обременения. В действующем законодательстве отсутствуют какие бы то ни было положения, исключающие возможность государственной регистрации аренды недвижимого имущества в качестве обременения. Таким образом, аренда недвижимого имущества как обременение подлежит государственной регистрации… Таким образом, и с 1 марта 2013 года будут продолжать сохранять силу правовые основания для государственной регистрации обременения недвижимости в виде аренды на основании договора аренды, заключенного сторонами в простой письменной форме».

Несмотря на некоторую законодательную хаотичность, соглашаясь с тем, что государственная регистрация сделок является «излишним и обременительным требованием по отношению к участникам имущественного оборота» [4, с. 79], полагаем, что внесение изменений в ГК РФ будет реализовываться по пути, намеченному Концепциями, что подтверждается принципиальной позицией Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства[2].

[1] См.: Решение Верховного Суда РФ от 5 июля 2010 г. № ГКПИ10-618 // Бюллетень ВС РФ. — 2011. — № 12; постановление Президиума ВАС РФ от 3 июля 2012 г. № 1218/12 // Вестник ВАС РФ. — 2012. — № 10; информационное письмо Президиума ВАС РФ от 16 февр. 2001 г. № 59.

[2] Экспертное заключение по проекту федерального закона № 240676-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты» : принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 14 июля 2010 г. (протокол № 83). — URL : http://www.privlaw.ru/files/14_07_10_6.pdf.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Болтанова Е. С.* Договор купли-продажи недвижимости (общие положения) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03. — Томск, 2001. — 248 с.

2. *Брагинский М. И.* Договоры о передаче имущества // Договорное право. — М., 2000. — Кн. 2. — 800 с.

3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. *О. Н. Садикова*. — М., 1997. — 778 с.

4. Концепция развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе : принята на заседании Совета при президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию

гражданского законодательства 15 дек. 2003 г. / под общ. ред. *В. В. Витрянского, О. М. Козырь, А. А. Маковской*. — М., 2004. — 95 с.

5. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации : одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 окт. 2009 г. / вступ. ст. *А. Л. Маковского*. — М., 2009. — 160 с.

6. *Степанов С. А.* Недвижимое имущество в гражданском праве. — М., 2004. — 223 с.

7. *Хаскельберг Б. Л.* Индивидуальное и родовое в гражданском праве. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2004. — 236 с.

8. *Хаскельберг Б. Л.* Консенсуальные и реальные договоры в гражданском праве. — Томск, 2003. — 134 с.

9. *Чеканов Д. В.* Гражданские правоотношения с искусственными космическими объектами : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03. — М., 2003. — 189 с.

10. *Шахматов В. П.* Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. — Томск, 1967. — 311 с.

11. *Эрделевский А. М.* Государственная регистрация ипотеки // Закон. — 2002. — № 10. — С. 60–62.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Майорова Лариса Александровна (Иркутск) — кандидат юридических наук, заместитель начальника. Восточно-Сибирское управление государственного речного надзора (664007, г. Иркутск, ул. Декабрьских событий, 97, e-mail: sonika2006@rambler.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maiorova, Larisa Aleksandrovna (Irkutsk) —Ph.D. in Law, Deputy Head. East Siberian Office of State River Supervision (Dekabrskikh Sobitiy st., 97, Irkutsk, 664007, e-mail: sonika2006@rambler.ru)

УДК 347.4
ББК 67.304

Ю. С. Поваров
кандидат юридических наук, доцент
Самарский государственный университет

ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ СДЕЛОЧНЫХ УСЛОВИЙ В КАЧЕСТВЕ НОРМАТИВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ

В статье выявляются и критически анализируются основные подходы к освещению нормативности (общего характера) правовой нормы; поднимаются вопросы о допустимости признания предписания нормативным при его частичной (а не полной) неперсонифицированности, а также о целесообразности (нецелесообразности) пересмотра традиционных представлений относительно многократности применения и неперсонифицированности нормы права; обосновывается поднормативный (индивидуальный) характер сделки как правового акта — регулятора общественных отношений.

Ключевые слова: норма права; правовой акт; сделка; публичный договор; нормативность.

Yu. S. Povarov
Ph.D. in Law, Ass. Professor
Samara State University

THE ISSUE OF QUALIFYING TRANSACTION TERMS AS REGULATORY PROVISIONS

The author identifies and analyzes major approaches to describing the normativity (the general character) of a legal provision; he discusses the possibility of treating an order as a normative one when it is partially (and not fully) non-personified and whether it is reasonable (or not) to reconsider the traditional ideas regarding the multiple application and non-personification of a legal provision; the author also argues for the sub-normative (individual) character of a transaction as a legal act regulating social relations.

Keywords: provision of law; legal act; transaction; public contract; normativity.

Важнейшим *регулятором общественных отношений*, фундирующихся на равенстве и автономии воли их участников, выступает сделка, прежде всего, договор. «Главное свойство договора как юридического средства, — отмечает Б. И. Пугинский, — возможность решения на его основе, т.е. правовым способом, широкого круга вопросов, возникающих во взаимоотношениях контрагентов… Указанное свойство может быть определено как регулятивные возможности договора в организации взаимосвязанной деятельности субъектов» [19, с. 116].

Тезис о регламентационном функциональном предназначении договора является общепризнанным и в науке практически не подвергается сомнению: Р. О. Халфина подчеркивает, что качество средства регулирования поведения сторон присуще всем договорам [25, с. 112]; В. А. Семеусов прямо указывает, что у договора есть, в том числе, регулятивная функция и функция локального регулирования общественных отношений [21, с. 83]; по мнению З. И. Цыбуленко, «в отличие от иных юридических фактов, которые влекут только установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений, договор, кроме того, непосредственно и регулирует поведение сторон» [9, с. 357]; С. Н. Мызров констатирует, что договор является «одним из важнейших средств правового регулирования в имущественной сфере» [8, с. 131]; о многоаспектном регулятивном потенциале договора пишет О. С. Ерахтина [10, с. 122–130]. В свете изложенного ремарка В. А. Белова по поводу того, что регулятивное значение юридических актов «прямо почти никем в литературе не признается» [5, с. 177], кажется несколько преувеличенной; скорее, следует сожалеть о том, что «исследовательская мысль за редким исключением не простирается дальше констатации регулирующей роли гражданско-правового договора» [12, с. 5].

Регулятивная «ипостась» сделки предполагает восприятие ее условий (всех или некоторых) в качестве обязательных (по крайней мере, для участников сделки)

© Ю. С. Поваров, 2013

правил поведения, что свидетельствует о нормативности (пускай, и в «усеченном» варианте) сделки как правового акта. Но можно ли (а точнее — стоит ли) в этой связи ставить вопрос о придании сделке статуса акта, содержащего *нормы права*?

Вообще, характеристика *нормативности* (или его «аналога» в случае неиспользования термина «нормативность») *как имманентного свойства* (наряду с формальной определенностью, ясностью и т. д.) нормы права (особенно, с учетом интерпретационного «отягощения» юридическими моментами) является достаточно имплицитной. Позволительно выделить следующие получившие широкое распространение в литературных источниках основные направления, отражающие существующую *терминологическую «разноголосицу»* (в содержательном же плане, подчеркнем, представленные подходы во многом перекликаются):

1) установка на указание в составе признаков нормы права именно *нормативности* (И. Ш. Муксинов [24, с. 33]), причем нормативность порою прямо *отождествляется с общеобязательностью* поведенческого правила (В. А. Белов [5, с. 138]); иногда же, напротив, *упоминается наряду с общеобязательностью* (В. С. Белых [6, с. 96]), тем самым, подразумевается размежевание данных понятий;

2) «линия», исходя из которой речь ведется не о собственно нормативности, а об *общем характере нормы* права (О. Э. Лейст [15, с. 154], В. С. Нерсесянц [14, с. 394], В. Д. Попков [18, с. 707] и др.) либо *общеобязательности* (М. И. Абдулаев [1, с. 203]);

3) подход, при котором *признаки правовой нормы дробятся*, не подвергаясь укрупнению: например, А. Б. Венгеров, не прибегая к понятиям «нормативность» и «общий характер», относит к числу признаков нормы права их общеобязательность, неперсонифицированность, неоднократность (или многократность) действия и т. д. [7, с. 362–366].

Заметим, что вовлечение в «орбиту» нормативности критерия *общеобязательности* (причем единообразия в установлении соотношения признака общеобязательности с иными свойствами нормы права не наблюдается — общеобязательность рассматривается и как самостоятельный признак, и как синоним или компонент нормативности, и в одном ряду с неперсонифицированностью) видится не совсем органичным: принимая во внимание нацеленность термина «обязательность нормы» на фиксацию безусловности следования предписанию и его властного характера (например, раскрывая признак общеобязательности, А. Б. Венгеров отмечает, что «норма права — это общеобязательное веление, выраженное в виде государственно-властного предписания» [7, с. 362]; по мысли М. Ю. Тихомирова и И. В. Котелевской, общеобязательность правового акта означает, что «акт официально признан государством и его институтами. Его обязаны исполнять физические и юридические лица, которым он адресован» [23, с. 18]), уместнее, полагаем, говорить об обязательности наряду с нормативностью (более того, в дополнительном обсуждении нуждается и вопрос о корректности универсализации признака общеобязательности с позиции признания существования *рекомендательных* правовых норм).

Довольно традиционным стало освещение нормативности (либо общего характера) юридической нормы с помощью двух ключевых параметров — ситуационного и субъектного; причем подразумеваемым, но фактически никогда прямо не оглашаемым является положение о необходимости их одновременного наличия для признания правила нормативно-правовым.

Ситуационный момент обычно сводится к заключению, в соответствии с которым нормативное правило предполагает возможность его неоднократного (в неограниченном количестве случаев) *применения*. Нередко также разбираемый ракурс нюансируется вспомогательными замечаниями темпорального порядка (непосредственно вытекающими из неоднократности применения) — положениями о том, что норма права действует непрерывно [15, с. 165] и после реализации в индивидуальных отношениях, т. е. не исчерпывается разовым применением. Кроме того, в рамках «ситуационного» или дополнительного аспекта заявляется о направленности нормы права на регламентацию не единичного (конкретного) отношения, а вида общественных отношений [22, с. 119].

Субъектный аспект нормативности принято раскрывать через констатацию *неопределенности круга лиц*, на который рассчитано нормативное положение, при этом:

– как правило, обозначается персональная (условно — *качественная*) неопределенность, выражающаяся в неконкретизированности (неперсонифицированности, обезличенности) субъектного состава (что, конечно, не исключает фиксации тех или иных, вполне конкретных, требований к

лицам, на которые ориентируется правовая норма). Так, «юридические нормы, — по словам Л. С. Явича, — создают целый комплекс неперсонифицированных масштабов поведения» [27, с. 118]; В. М. Сырых называет одним из критериев и внешних признаков нормативности «неперсонифицированность (неконкретность) адресата нормы» [22, с. 119]; признаком нормы права рассматривает неперсонифицированность и А. Б. Венгеров [7, с. 363]. По мнению О. Э. Лейст, «общий характер нормы означает персональную неконкретность ее адресатов — она распространяет свое действие не на индивидуально-определенных, а на любых лиц, которые вступают или могут вступать в правоотношения на ее основе» [15, с. 154]; признак нормативности И. Ш. Муксинов усматривает, в том числе, в отсутствии конкретного адресата [24, с. 33]; «в отличие от команд, велений, распоряжений по конкретным вопросам, норма, — доказывает В. Д. Попков, — адресована не отдельному лицу, а кругу лиц, определяемых типическими признаками» [18, с. 707]. Из постулата, в соответствии с которым нормативный правовой акт содержит правила поведения, адресованные *персонально неопределенному кругу лиц*, исходит Конституционный Суд РФ (см., к примеру, определение от 2 марта 2006 г. № 58-О);

– иногда же акцент переносится на *количественный* аспект: в частности, по мысли Д. Н. Бахраха, нормативный правовой акт (в отличие от индивидуального, правоприменительного) «рассчитан на неопределенное число лиц» [4, с. 26]. М. Ю. Тихомиров и И. В. Котелевская, вообще, нормативным называют акт «адресованный к *широкому* кругу лиц — субъектов права» (курсив наш. — *Ю. П.*) [23, с. 29]. Однако данное утверждение, как представляется, не может претендовать на статус дефинитивно-критериального, ибо «широта» субъектного состава не предопределяет в обязательном порядке его качественную и (или) количественную неопределенность, а признак значительности (либо незначительности) множественности лиц лишен должной смысловой четкости.

Противополагание персональной неопределенности количественной, думается, не носит антагонистический характер (первая предполагает вторую и наоборот), вследствие чего теоретически уместными оказываются оба изучаемых ракурса, а равно их совместное использование. Вместе с тем, с точки зрения словесного отражения сущности «безликости» нормативных положений все-таки первостепенным полагаем фокусирование внимания на неперсонифицированности их адресата.

Неясность сохраняется по вопросу о достаточности *частичной неперсонифицированности* для квалификации правила в качестве нормы. Нам импонирует подход, в соответствии с которым конкретизированность какого-либо субъекта (при условии неопределенности «противостоящего» ему круга лиц) сама по себе не должна приводить к отрицанию нормативности. Так, В. М. Сырых рассматривает как нормативные «все предписания, которыми устанавливается правовой статус конкретных предприятий, организаций, учреждений» («…например, уставы юридических лиц»): «нормативный характер таких предписаний, — на взгляд автора, — выражается в том, что в них *определен индивидуально лишь один субъект* правоотношения. В то же время *субъекты, с которыми* конкретное юридическое лицо … *будет вступать в правоотношения*, уставами … *неперсонифицированы*» (курсив наш. — *Ю. П.*) [22, с. 120]. Оставляя за скобками проблематику правовой природы учредительных документов юридических лиц (сопряженную с освещением целого ряда дополнительных моментов — возможность правотворчества со стороны частных лиц, сущность и вариации санкционирования норм государством и пр.), подчеркнем лишь целесообразность принципиальной допустимости трактовки предписания, пусть и с неполной субъектной неперсонифицированностью, в качестве нормативного (с учетом того, что такое правило в целом не утрачивает персональную неопределенность, а выведение еще одной группы предписаний, помимо нормы, которое бы отразило частичную неперсонифицированность, повлечет едва ли рациональное «утяжеление» терминологического аппарата).

Попутно укажем, что оба затронутых момента нормативности (и ситуационный, и субъектный) с отграничением их, кстати, от признака общеобязательности оказались задействованными разработчиками законопроекта «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (сотрудниками Института государства и права РАН) при формулировании понятия правовых норм, под которыми предлагается понимать «общеобязательные правила постоянного или временного характера, адресованные *неопределенному кругу лиц* и рассчитанные на *многократное применение*» [16, с. 84].

Вне всяких сомнений, «…той неопределенности круга адресатов и числа случаев применения — *свойств, присущих постановлениям нормативных актов*, — *у условий* односторонних сделок и договоров *не наблюдается* (курсив наш. — *Ю. П.*); соответственно на эти условия, — совершенно обоснованно заявляет В. А. Белов, — не может сослаться никто, кроме участников гражданских правоотношений, порожденных соответствующими сделками, и лишь в споре с себе подобными…» (важно учитывать при этом, что определенность круга субъектов «…отнюдь не означает неизменности этого круга») [5, с. 138, 182].

Сказанное в полной мере относится и к *публичному договору*, хотя в литературе представлено и иное видение вопроса. Так, В. С. Нерсесянц считает, что нормативно-правовое значение (в смысле договорного *источника права*) имеет публичный договор в области гражданского права…», поскольку «положения публичного договора (его условия и т. п.) распространяются на *неопределенное множество лиц* и обязательны для сторон всех конкретных договоров, которые могут быть заключены на основе общих положений (норм) соответствующего публичного договора», причем «по существу под публичным договором имеется в виду типовой или примерный договор, напротив, обычный договор в области гражданского права» есть акт реализации действующих норм права, имеющий индивидуальный характер и значимый лишь для *конкретно определенных лиц*, а не акт установления новых норм права. Подобные договоры являются актами индивидуального, а не нормативного (нормоустанавливающего) характера, а потому они не являются источниками права» (курсив наш. — *Ю. П.*) [14, с. 413–414]. Полемичность приведенного высказывания [см.: 6, с. 96–97] обусловлена, среди прочего, тем, что:

– нормативно предусмотренная обязанность установления условий публичного договора одинаковыми для всех потребителей (п. 2 ст. 426 ГК РФ), опосредуя известную стандартизацию содержания конкретных договоров, не делает, тем не менее, условия последних неперсонифицированными (они касаются только сторон заключенных соглашений);

– типовые (примерные) договоры, которые вправе издавать уполномоченные государственные органы в соответствии с п. 4 ст. 426 ГК РФ (на которую ссылается ученый), действительно, содержащие правовые нормы, не являются собственно публичными договорами, заключаемыми конкретными субъектами гражданских правоотношений.

Изложенное (а равно иные аргументы, не ставшие предметом обсуждения в настоящей работе) дает повод для заявлений *не о нормативном*, а о *поднормативном* и (или) *индивидуальном*, *автономном*, иногда — локальном[1] *регулятивном значении сделок*. Так, М. В. Батянов усматривает в договоре «средство поднормативного регулирования» [3, с. 45]; С. С. Алексеев пишет о договоре как средстве индивидуального (автономного) регулирования [2, с. 56]; В. Б. Исаков причисляет договор к индивидуальным правовым актам [11, с. 69]; В. Р. Шарифуллин указывает на то, что «…индивидуально-правовое регулирование осуществляется в форме специального вида — индивидуально-договорного регулирования, основанного на индивидуальном договоре, заключенном сторонами» [26, с. 53]; С. Т. Максименко рассматривает договоры и односторонние сделки в качестве «источника индивидуальных норм» [13, с. 130]; В. Ф. Попондопуло обозначает актом локального правотворчества «…договоры, в которых по соглашению сторон устанавливаются локальные предписания, учитываются индивидуальные интересы сторон» [17, с. 61]. Принципиальным здесь видится то, что различие в терминологии выражает идею отграничения норм права, имеющих общий характер, от сделочных условий. В частности, А. А. Серветник специально подчеркивает, что «определяющим для всех отраслей права способом регламентации общественных отношений является их нормативное регулирование. В то же время не исключается и поднормативное, индивидуальное регулирование, которое наиболее яркое выражение находит в гражданско-правовых обязательствах. Особая роль в этом отношении принадлежит договорам» [20, с. 114].

Вместе с тем, в литературе все чаще звучат *предложения о пересмотре традиционных представлений* о сущности нормативности правовых предписаний и отказе от субъектного и (или) ситуационного признаков (что дает «шанс» для иного понимания сделки, в том числе и как нормативного правового акта, а также источника права). К примеру, В. А. Белов гипотетически до-

[1] Термин «локальный» обычно употребляют применительно к актам, принимаемым организациями (уставы юридических лиц и т. п.).

пускает возможность отрешиться от указанных свойств правовой нормы и считать таковой *юридически обязательное* (неважно, для сколь широкого круга лиц) *правило поведения*, тогда условия односторонних сделок и договоров будут играть самую непосредственную роль в гражданско-правовом регулировании конкретных общественных отношений [5, с. 182]. Заметим, что в русле обозначенного подхода сделка должна интерпретироваться в качестве источника именно правовых *норм* (это, однако, вступает в определенное логическое противоречие с авторской мыслью о том, что «источниками гражданского права должны быть признаны *внешние формы выражения* не одних только *правовых норм* — общеобязательных универсальных (абстрактных) правил поведения государственного происхождения, но и *всяких вообще суждений юридического значения*…» [Там же, с. 177], ибо рассмотрение в качестве норм права лишь универсальных (абстрактных) предписаний исключает возможность квалификации условий сделки как правовых норм).

С точки зрения М. Ф. Казанцева, «для признания правового акта нормативным достаточно того, что акт рассчитан на неоднократную реализацию. При подобном подходе нормативные правовые акты могут быть как общеобязательными, так и необщеобязательными, в том числе индивидуальными (свойства индивидуальности и ненормативности не тождественны)» [12, с. 102–103]; таким образом, автор «выдворяет» субъектный аспект за пределы нормативности (и признаков нормы права в целом), что служит ему логичным поводом для рубрикации договоров на нормативные, ненормативные и нормативно-ненормативные.

Не отвергая приведенные рассуждения, все же заметим, что, учитывая необходимость весьма серьезной модернизации соответствующего терминологического ряда («норма права», «нормативный правовой акт» и др.) в случае конвенционального признания предлагаемой трактовки нормативности, а равно неумаление и при сегодняшнем подходе регулятивной силы сделок (бесспорно отличающейся от регулятивного воздействия нормативных правовых актов), рассмотренные «обновленческие» устремления (несколько «затушевывающие» самобытность нормативного правового акта, с одной стороны, и индивидуального юридического акта, с другой) видятся не совсем очевидными.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдулаев М. И.* Теория государства и права : учеб. для вузов. — СПб., 2003. — 397 с.
2. *Алексеев С. С.* Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Антология уральской цивилистики. 1925–1989 : сб. ст. — М., 2001. — С. 54–68.
3. *Батянов М. В.* Срок действия гражданско-правового договора. — Самара, 2013. — 146 с.
4. *Бахрах Д. Н.* Признаки нормативного правового акта. Очерки теории российского права. — М., 2008. — 288 с.
5. *Белов В. А.* Гражданское право. Общая часть. Введение в гражданское право : учеб. : в 3 т. — М., 2011. — Т. 1. — 521 с.
6. *Белых В. С.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. — М., 2010. — 432 с.
7. *Венгеров А. Б.* Теория государства и права : учеб. для юридических вузов. — М., 2000. — 528 с.
8. Гражданское право (краткий курс) / отв. ред. *Н. М. Коршунов*. — Ульяновск, 2011. — 264 с.
9. Гражданское право России : учеб. / под ред. *З. И. Цыбуленко*. — М., 2000. — 464 с.
10. *Ерахтина О. С.* Проблема оптимизации регулирующей функции гражданского договора // Вестник Пермского университета. — 2012. — Вып. 2 (16). — С. 122–130.
11. *Исаков В. Б.* Юридические факты в советском праве. — М., 1984. — 144 с.
12. *Казанцев М. Ф.* Договорное регулирование: Цивилистическая концепция. — Екатеринбург, 2005. — 452 с.
13. *Максименко С. Т.* К вопросу об особенностях частноправовой сферы регулирования // Актуальные проблемы частного права в России : межвуз. сб. науч. ст., посвящ. 75-летию З. И. Цыбуленко / отв. ред. *Т. И. Хмелева*. — Саратов, 2012. — С. 128–133.
14. *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства : учеб. — М., 2010. — 560 с.
15. Общая теория права : учеб. для юридических вузов / под общ. ред. *А. С. Пиголкина*. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1995. — 384 с.
16. О проекте Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» // Журнал российского права. — 2013. — № 3. — С. 84–99.
17. *Попондопуло В. Ф.* Коммерческое (предпринимательское) право : учеб. — М., 2005. — 668 с.
18. Проблемы теории государства и права : учеб. / под ред. *М. Н. Марченко*. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2008. — 637 с.

19. *Пугинский Б. И.* Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. — М., 1984. — 224 с.
20. *Рузанова В. Д., Серветник А. А., Хмелева Т. И., Цыбулевская О. И.* Проблемы эффективности применения гражданского законодательства. — Саратов, 2004. — 196 с.
21. *Семеусов В. А.* Функции хозяйственного договора : учеб. пособие. — Иркутск, 1979. — 86 с.
22. *Сырых В. М.* Теория государства и права : учеб. для вузов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2007.
23. *Тихомиров М. Ю., Котелевская И. В.* Правовые акты. — М., 1999. — 381 с.
24. Управленческие процедуры / отв. ред. *Б. М. Лазарев.* — М., 1988. — 272 с.
25. *Халфина Р. О.* Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. — М., 1954. — 237 с.
26. *Шарифуллин В. Р.* Индивидуально-договорное регулирование как характерная особенность частноправового регулирования // Актуальные проблемы гражданского права и процесса : материалы Междунар. науч.-практ. конф. г. Казань, 12–13 окт. 2006 г. / отв. ред. *Д. Х. Валеев, М. Ю. Челышев.* — Казань, 2006. — Вып. 2. — С. 52–54.
27. *Явич Л. С.* Общая теория права. — Л., 1976. — 286 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Поваров Юрий Сергеевич (Самара) — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права. ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет» (443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1, e-mail: cl@ssu.samara.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Povarov, Yuriy Sergeyevich (Samara) — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Chair of Civil and Business Law. Samara State University (Akademika Pavlova st., 1, Samara 443011, e-mail: cl@ssu.samara.ru)

УДК 347.1
ББК 67.404

И. О. Ромащенко
Киевский национальный университет им. Т. Шевченко

СООТНОШЕНИЕ МЕР ОТВЕТСТВЕННОСТИ, САНКЦИЙ И СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

В статье анализируются различные подходы к пониманию мер гражданско-правовой ответственности, санкций и способов защиты гражданских прав с использованием трудов представителей науки гражданского права. Сравнительная характеристика мер ответственности и способов защиты гражданских прав производится путем установления возможности отнесения каждого из пяти присущих гражданско-правовой ответственности признаков к свойствам способов защиты прав. На основании проведенного исследования сделаны выводы о присущих способам защиты гражданских прав признаках.

Ключевые слова: мера гражданско-правовой ответственности; санкция; способ защиты гражданских прав.

I. O. Romashchenko
Taras Shevchenko Kyiv National University

CORRELATION BETWEEN LIABILITIES, SANCTIONS AND PROTECTION MEASURES IN CIVIL LAW

The paper analyzes different approaches to understanding civil law liability measures, sanctions and civil rights' protection measures in the works of scholars specializing in civil law. The author offers a comparative characteristic of liability measures and civil rights' protection measures by determining the possibility of ascribing each of the five civil law liability attributes to the properties of civil rights' protection measures. The conducted research allows the author to draw some conclusions regarding the attributes of civil rights' protection measures.

Keywords: civil law liability measures; sanction; civil rights' protection measure.

В науке гражданского права и практике делового оборота укоренились понятия «способы защиты прав», «меры ответственности» и «санкции». Каждому из упомянутых терминов посвящено большое количество научных трудов, в частности, авторами в достаточной мере проанализированы основания и виды гражданско-правовой ответственности. Однако остаются не до конца изученными особенности гражданско-правовой ответственности с точки зрения их соотношения со способами защиты гражданских прав. В связи с этим, целью (задачей) настоящей статьи является выделение общих и отличных признаков мер гражданско-правовой ответственности, санкций и способов защиты гражданских прав с учетом существующих достижений науки гражданского права.

По тексту работы остановимся подробнее на каждом из сформулированных О. С. Иоффе признаков гражданско-правовой ответственности в одной из первых и наиболее известных работ в этой сфере [4, с. 17].

Один из признаков заключается в том, что ответственность является санкцией за правонарушение, и требует обращения к продолжительной в науке дискуссии о соотношении санкций и мер ответственности. Наиболее приемлемым для сравнения с гражданско-правовой ответственностью является понимание санкций как общих невыгодных имущественных последствий [5, с. 17].

В литературе можно выделить два основных подхода к пониманию соотношения санкций и ответственности. Первый подход, представителем которого считается В. К. Райхер [8, с. 71], заключается в узком толковании и отождествлении санкции с мерой ответственности. Второй подход основывается на расширенном понимании санкции, которая в таком случае охватывает не только меры ответственности, но и другие правовые последствия нарушения обязательства [11, с. 70].

Основное отличие между указанными подходами в том, что, с точки зрения авторов, включающих меры ответственности в перечень санкций, последние приводят к применению не только неблагоприятных последствий в форме возложения на обязанное лицо дополнительной обязанности

© И. О. Ромащенко, 2013

либо лишения его права, но и других последствий, вызванных нарушением гражданского права либо законного интереса.

Следовательно, можно прийти к выводу, что санкции выражаются в неблагоприятных (негативных) для правонарушителя последствиях. Такое видение находит поддержку в литературе [7, с. 3; 10, с. 18]. В связи с этим возникает вопрос: в чем может проявляться неблагоприятный характер последствий, выраженных санкциями? По этому поводу целесообразно вспомнить тех авторов, которые признают неблагоприятные последствия свойственными принудительному исполнению обязанности в натуре исходя из того, что субъект точно также лишается определенных благ и переносит страдания от признания его вины в неисполнении (ненадлежащем исполнении) той или иной обязанности и его принуждении к исполнению определенной обязанности независимо от его воли [9, с. 58]. Такое понимание неблагоприятного характера не вступает в противоречие с категориями защиты и ответственности, а также не лишает санкцию свойственной ей особенности реакции на совершенное правонарушение. Ошибочно было бы считать, что санкции, не являющиеся мерами гражданско-правовой ответственности, не наделены неблагоприятным характером для правонарушителя, поскольку даже при отсутствии дополнительных обязанностей либо сохранении всех принадлежащих нарушителю прав негативный (неблагоприятный) характер правовых последствий применения санкций может проявляться в моральных страданиях, обусловленных признанием лица виновным в совершении правонарушения, либо в применении к нему принуждения.

В то же время, несмотря на обозначенное расширительное толкование негативных последствий, не все способы защиты приводят к неблагоприятному для правонарушителей результату, например, в случае признания права правонарушитель может не ощущать последствий негативного характера. При оспаривании права собственности лица его право подлежит защите путем его признания, но от такого способа защиты совсем не страдает лицо, которое это право не признает. Следовательно, можно утверждать, что не все способы защиты гражданских прав являются санкциями.

Среди санкций есть также меры, которые не могут признаваться ни способами защиты, ни тем более мерами ответственности, например, освобождение должника от ответственности в случае просрочки кредитора является гражданско-правовой санкцией, поскольку наступает в результате просрочки кредитора, последний лишается права на получение возмещения [11, с. 77]. Это правовое последствие наступает независимо от совершения уполномоченными органами государственной власти, местного самоуправления либо частными лицами действий, направленных на защиту прав, поскольку в результате поведения кредитора автоматически достигается правовой результат, при котором права и интересы должника можно считать защищенными. Однако такой характер санкций не свойственен способам защиты гражданских прав, суть которых проявляется в определенных действиях (а не бездеятельности) уполномоченных органов или лиц [14, с. 17], которые в данном случае отсутствуют.

Таким образом, способы защиты гражданских прав и санкции по объему понятий пересекаются в той части, которая касается мер защиты, применяющихся к правонарушителю судом, иными уполномоченными органами государственной власти либо непосредственно потерпевшим лицом и предусматривают наступление для последнего определенных неблагоприятных последствий вследствие правонарушения. Меры ответственности при этом системно входят в понятие санкций и заключаются в наступлении для нарушителя негативных последствий, проявляющихся в дополнительном обременении (возложении на правонарушителя дополнительной обязанности либо лишении его права).

Будучи ответственностью юридической, гражданско-правовая ответственность, по мнению И. С. Самощенко и М. Ф. Фарукшина, носит государственно-принудительный характер и возлагается на нарушителя независимо от его воли и желания, а также имеет внешний характер [9, с. 44]. Следует согласиться с учеными в утверждении о наличии государственно-принудительного характера ответственности даже в случае отсутствия обращения потерпевшего субъекта к компетентным органам государственной власти, когда правонарушитель сам признает свою вину и несет ответственность без вмешательства соответствующих органов [Там же, с. 50], поскольку лицо постоянно пребывает под правовой охраной государства, а потому заслуживает одобрения предложение рассматривать как признак гражданско-правовой ответственности именно возможность при-

менения государственного принуждения, которая может не быть реализована потерпевшим лицом. Исключением из общего правила об обеспечении ответственности возможностью применения государственного принуждения допустимо считать ответственность государства, поскольку небеспочвенное сомнение у некоторых авторов вызывает научная обоснованность утверждения о возможности применения государственного принуждения непосредственно к государству [13, с. 5].

Возвращаясь к соотношению санкций и мер гражданско-правовой ответственности, следует согласиться с теми авторами, которые признают, что санкция также обеспечена возможностью её реализации через государственное принуждение и являет основанную на правовой норме принудительную меру [2, с. 603]. Принудительность относительно правонарушителя характерна также для способов защиты гражданских прав и для защиты гражданских прав в целом [15, с. 173].

Признак ответственности, предполагающий осуждение правонарушителя, заключается в негативной реакции государства и общества на правонарушение и правонарушителя [16, с. 84]. Объяснить на примерах, в чем именно заключается осуждение правонарушителя, является непростой задачей, поскольку термин «осуждение» допускает разные варианты толкования. По нашему мнению, исходя из того, что одной из форм деятельности государства является правотворчество, то соответственно осуждение правонарушителя со стороны государства заключается в запрете поведения лиц, вследствие которого нарушаются нормы права и (или) субъективные права либо охраняемые законом интересы участников правоотношений, путем признания определенных видов действий (бездеятельности) правонарушениями. В то же время, если гражданско-правовая ответственность наступает исключительно при наличии нарушения права, защита прав соответствующими способами возможна также при наличии иного посягательства (оспаривание, непризнание либо даже реальная угроза нарушения).

Одним из квалифицирующих признаков ответственности является установление позитивных последствий для потерпевшего лица в результате применения мер ответственности и неблагоприятных последствий для правонарушителя. Такие последствия составляют содержание ответственности [12, с. 115] и, по мнению ученых [4, с. 14; 1, с. 615], могут выражаться в замене невыполненной обязанности новой, присоединении новой обязанности к уже существующей либо в лишении права, из которого происходила возложенная на соответствующее лицо обязанность. Признание за гражданско-правовой ответственностью характера дополнительных негативных последствий в виде лишения субъективных гражданских прав или возложения новых гражданско-правовых обязанностей приводит к невозможности признания принудительного исполнения обязанности в натуре гражданско-правовой ответственностью. Таким образом, дополнительный характер обязательств при гражданско-правовой ответственности несвойственен всем без исключения способам защиты гражданских прав и законных интересов.

Касательно последнего из обозначенных О. С. Иоффе признаков ответственности, заключающегося в её направленности на обеспечение нормального развития урегулированных гражданским правом общественных отношений, следует отметить, что указанная цель не лишает характерных для гражданско-правовой ответственности функций, в том числе особенной именно для гражданского права компенсаторной функции ответственности, влияющей непосредственно на имущественную сферу правонарушителя, а не на его личность [3, с. 70]. В то же время, подлежит полному принятию позиция Н. С. Кузнецовой, утверждающей, что общая цель этих правовых средств — четко выраженная правозащитная цель, но способы защиты по своему объему являются более широким понятием, поскольку предусматривают не только восстановление нарушенного права или компенсацию потерь, но и предотвращение, прекращение и устранение нарушения гражданского права [6, с. 45].

Изложение основных признаков гражданско-правовой ответственности на данный момент позволяет определить общее и отличительное со способами защиты гражданских прав. Во-первых, если все меры гражданско-правовой ответственности одновременно являются санкциями за совершенные правонарушения, то соотношение санкций со способами защиты гражданских прав по сути представляется более сложным и заключается в частичном пересечении объема этих понятий. Во-вторых, отличительным признаком гражданско-правовой ответственности, не характерным для всех без исключения способов защиты гражданских прав и

охраняемых законом интересов, служит наличие негативных для правонарушителя последствий, заключающихся в возложении на него дополнительных обязанностей либо в лишении его прав. В-третьих, гражданско-правовая ответственность наступает в случае нарушения прав, которое вызывает осуждение правонарушителя, а способы защиты применяются также при непризнании, оспаривании либо реальной угрозе нарушения прав или охраняемых законом интересов. При этом одновременно способам защиты гражданских прав и мерам ответственности свойственны обеспеченность возможностью применения государственного принуждения (с определенными оговорками относительно субъектов) и правозащитная цель. В целом можно констатировать, что способы защиты гражданских прав и охраняемых законом интересов охватывают меры гражданско-правовой ответственности. Что касается дальнейших перспектив исследования проблем в этой сфере, то представляется актуальным углубленный анализ отдельных видов и мер гражданско-правовой ответственности на предмет их защитной составляющей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право : в 5 кн. — М., 2000. — Кн. 1 : Общие положения. — 796 с.
2. *Грибанов В. П.* Осуществление и защита гражданских прав. — М., 2000. — 448 с.
3. *Губаева А. К.* Принципы деликтной ответственности // Осуществление и защита гражданских и трудовых прав : сб. науч. тр. — Краснодар, 1989. — С. 69–74.
4. *Иоффе О. С.* Ответственность по советскому гражданскому праву. — Л., 1955. — 308 с.
5. *Карпов М. С.* Гражданско-правовые меры оперативного воздействия. — М., 2004. — 141 с.
6. *Кузнецова Н. С.* Гражданско-правовая ответственность: понятие, условия и механизм применения // Альманах цивилистики : сб. ст. — Киев, 2010. — Вып. 3. — С. 30–48.
7. *Пронина М. Г.* Стимулирующая функция гражданско-правовых санкций. — Минск, 1977. — 200 с.
8. *Райхер В. К.* Правовые вопросы договорной дисциплины в СССР. — Л., 1958. — 267 с.
9. *Самощенко И. С., Фарукшин М. Х.* Ответственность по советскому законодательству. — М., 1971. — 239 с.
10. *Слесарев В. Л.* Экономические санкции в советском гражданском праве. — Красноярск, 1989. — 192 с.
11. *Сулейменов М. К.* Ответственность за нарушение сроков исполнения договорных обязательств. — Алма-Ата, 1971. — 180 с.
12. *Травкин А. А.* К вопросу о понятии и основании гражданско-правовой ответственности // Юридическая ответственность в советском обществе. — Волгоград, 1974. — Вып. 9. — С. 111–120.
13. *Хоменко М. М.* Возмещение вреда, причиненного органами государственной власти, их должностными и (или) служебными лицами : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Киев, 2013. — 21 с.
14. *Притика Ю. Д.* Поняття і диференціація способів захисту цивільних прав та інтересів // Вісник Київського Національного Університету імені Тараса Шевченка. — 2004. — Вып. 60–62. — С. 16–19.
15. Цивільний кодекс України: Науково-практичний коментар (пояснення, тлумачення, рекомендації з використанням позицій вищих судових інстанцій, Міністерства юстиції, науковців, фахівців) : в 12 т. — Харків, 2010. — Т. 1 : Загальні положення / за ред. *І. В. Спасибо-Фатєєвої*. — 320 с.
16. Цивільне право України: Академічний курс: Підруч. : в 2 т. / за заг. ред. *Я. М. Шевченко*. — Київ, 2003. — Т. 1 : Загальна частина. — 520 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ромащенко Иван Олегович (Киев) — магистр права (LL.M.), ассистент кафедры гражданского права. Киевский национальный университет им. Т. Шевченко (01601, г. Киев, ул. Владимирская, 60, e-mail: iromashchenko@gmail.com)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Romashchenko, Ivan Olegovich (Kyiv) — Master of Laws (LL.M.), Taras Shevchenko National University of Kyiv (Vladimirskaya st., 60, Kyiv, 01601, e-mail: iromashchenko@gmail.com)

УДК 343.28/.29
ББК 67.408

В. С. Карпов
кандидат юридических наук
Иркутский юридический институт (филиал)
Российской правовой академии Минюста России

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА И ЕГО РЕГЛАМЕНТАЦИИ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РФ

В статье рассматриваются содержательные характеристики понятия мер уголовно-правового характера. Автор вносит предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства относительно необходимости исключения из уголовного закона понятия «иные меры уголовно-правового характера», возвращения термина «конфискация» в разд. III УК РФ. На основе проведенного анализа признаков высказывается мнение о несовершенстве действующего уголовного закона, а также о необходимости в законодательной формулировке понятия «меры уголовного правового характера», предлагается система данных мер. Представляется, что рекомендуемые изменения уголовного закона повысят эффективность его применения и упростят деятельность правоприменителей.

Ключевые слова: уголовная ответственность; меры уголовно-правового характера; иные меры уголовно-правового характера; наказание; конфискация имущества; принудительные меры медицинского характера; несовершенство уголовного закона.

V. S. Karpov
Ph.D. in Law
Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation

TO THE ISSUE OF DEFINING THE CONCEPT OF A CRIMINAL LAW MEASURE AND ITS REGULATION IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The paper discusses the content of the concept of criminal law measures. The author presents his ideas for the improvement of active criminal legislation by eliminating from it the concept of «other criminal law measures» and returning the term «forfeiture» into Section III of the Criminal Code of the Russian Federation. Using the presented analysis of attributes, the author argues that active criminal legislation is not perfect and that it is necessary to introduce a legislative definition of the term «criminal law measures»; he also offers a system of such measures. The author believes that the recommended changes to the criminal law will improve the efficiency of its application and simplify the work of law enforcement bodies.

Keywords: criminal liability; criminal law measures; other criminal law measures; punishment; forfeiture of property; compulsory medical treatment; imperfect character of criminal law.

Необходимость дать определение мерам уголовно-правового характера, по нашему мнению, продиктована самим временем. Отсутствие на протяжении почти двух десятилетий четких и однозначных формулировок основополагающих понятий, используемых в УК РФ, есть ни что иное как недооценка важности и значимости данного вопроса. Безусловно, следует подвергнуть весьма тщательному анализу не только подход законодателя к данному вопросу, но и существующие в специальной литературе точки зрения ученых-юристов.

Для полноты и объективности рассмотрим и проанализируем имеющиеся в специальной литературе дискуссии по поводу системы иных мер уголовно-правового характера. Анализ мнений ученых-юристов представит дополнительные аргументы в пользу отказа от выделения в качестве самостоятельного института иных мер уголовно-правового характера, либо поможет обо-

© В. С. Карпов, 2013

сновать необходимость их «присутствия» в УК РФ. Кроме того, неоднозначные и нередко противоречивые подходы к системе иных мер уголовно-правового характера свидетельствуют о невозможности выработки единой (универсальной) системы данных мер. Условно к понятию системы иных мер уголовно-правового характера можно выделить три наиболее часто встречающихся подхода: «система с позиции законодательной регламентации» (официальная трактовка, содержащаяся в УК РФ), «система в узком смысле» (элементный состав не превышает 3–4 составляющих) и «система в широком смысле» (5 и более элементов структуры).

Законодатель четко регламентировал систему иных мер уголовно-правового характера, включив в разд. VI с одноименным названием УК РФ, только два структурных элемента: 1) принудительные меры медицинского характера; 2) конфискацию имущества.

В свою очередь, ученые-юристы высказали множество различных мнений относительно количественного и качественного состава системы иных мер.

Так, например, одними авторами система иных мер уголовно-правового характера представлена как совокупность: 1) принудительных мер медицинского характера; 2) конфискации имущества; 3) принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых к несовершеннолетним [5] (система в узком смысле).

Некоторые авторы более широко трактуют систему иных мер, включая в нее, кроме перечисленных трех, следующие признаки: условное осуждение; отсрочку исполнения наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей; условно-досрочное освобождение; некоторые дополнительные наказания; судимость [2, с. 286–287].

Во многих источниках система иных мер уголовно-правового характера представляется как совокупность условного осуждения, отсрочки отбывания наказания; принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых к несовершеннолетним вместо наказания; мер, применяемых к лицу, совершившему преступление, на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования; мер уголовно-правового воздействия, связанных с судимостью; освобождения от уголовной ответственности; освобождения от наказания; досрочное снятие судимости; принудительные меры медицинского характера, применяемые к лицам, признанным невменяемыми на момент совершения общественно опасного деяния, а также признанным невменяемыми после совершения преступления и др. [3; 4; 6].

В специальной литературе наиболее распространена точка зрения на систему иных мер уголовно-правового характера как систему «в узком смысле», в состав которой включаются: 1) принудительные меры медицинского характера; 2) конфискация имущества; 3) принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним.

Анализируя любую из приведенных систем иных мер уголовно-правового характера, можно высказать ряд общих критических замечаний.

Во-первых, ни один из «элементов» существующих систем «иных мер уголовно-правового характера» не является самостоятельным. Другими словами, каждая из иных мер уголовно-правового характера непосредственно взаимосвязана с наказанием и применяется либо наряду (в связи) с назначенным наказанием (условное осуждение, отсрочка отбывания наказания, конфискация имущества), либо вместо него (принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним, принудительные меры медицинского характера), либо является своего рода последствием назначения наказания (судимость).

Во-вторых, систематическое неисполнение либо уклонение или нарушение назначенной субъекту иной меры уголовно-правового характера в итоге может повлечь ее отмену и, как следствие, привлечение субъекта к уголовной ответственности либо назначению ему наказания как такового или более сурового наказания.

Таким образом, совершенно справедливо мнение А. Н. Батанова, который считает, что в целом перечисленные меры не представляют собой единую систему. Они не взаимосвязаны, не могут применяться в комплексе, не дополняют друг друга. Более того, применение одной из рассматриваемых мер прямо исключает применение другой меры. Так, применение принудительной меры воспитательного воздействия исключает применение принудительной меры медицинского характера и конфискации имущества. То же самое можно утверждать и относительно других мер [1].

Проведенный анализ «узких мест» существующих подходов к созданию и структурированию системы иных мер уголовно-правового характера показыва-

ет «искусственность» ее формирования и неудачность попыток содержательного ее наполнения. Кроме этого, такой анализ убедительно доказывает возможность безболезненного исключения института иных мер уголовно-правового характера из уголовного закона, а также создания и детальной проработки именно системы мер уголовно-правового характера как на теоретическом, так и на законодательном уровне.

Следует согласиться с утверждением, что иные меры уголовно-правового характера не составляют единого института уголовного права. Не представляется возможным дать такое определение общего понятия указанных мер, которое охватило бы все столь разнородные признаки, им присущие. Следовательно, попытки сформулировать данное определение, провести классификацию этих мер не состоятельны и не имеют теоретического или практического значения. Более целесообразно рассмотреть каждую из этих мер самостоятельно. Комплексное же исследование необходимо проводить в рамках изучения всех мер уголовно-правового характера, включая наказание, а также иные меры уголовно-правового характера [1].

Восприняв за один из главных постулатов — необходимость отказа от употребления термина «иные меры уголовно-правового характера», следующий логичный шаг — дать определение собственно мерам уголовно-правового характера, структурировать их систему, высказав при этом мнение о необходимости производства каких-либо изменений на законодательном уровне, прежде всего, в УК РФ.

Наиболее удачным и верным будет соотнесение мер уголовно-правового характера не с понятием преступления, а с понятием причинения вреда либо посягательства на общественные отношения, охраняемые уголовным законом[1]. Такая «привязка», думается, позволит в какой-то степени унифицировать понятие мер уголовно-правового характера, применить данную дефиницию к различным видам мер.

Безусловно, попасть в «поле зрения» Уголовного закона возможно лишь, посягнув на общественные отношения, охраняемые УК РФ, круг которых четко и конкретно определен в ч. 1 ст. 2 УК РФ.

Важным содержательным аспектом мер уголовно-правового характера является применение их в отношении конкретного субъекта — физического лица, в соответствии со ст. 2, 3, 5, 19 УК РФ.

При применении государством к лицу любой из мер уголовно-правового характера в той или иной степени происходит изменение правового статуса субъекта.

Сама же по себе любая из мер уголовно-правового характера, будь то какой-то из видов наказания, условное осуждение, меры воспитательного или медицинского характера — как в своей совокупности, так и каждая в отдельности, выступают в качестве средства воздействия на физическое лицо. Поведение лица под воздействием примененных к нему мер уголовно-правового характера должно перейти в разряд законопослушного, перестать представлять общественную опасность и наносить вред общественным отношениям, охраняемых уголовным законом.

На основе проведенного анализа содержательных характеристик, присущих мерам уголовно-правового характера, можно предложить следующее определение.

Меры уголовно-правового характера — это предусмотренные уголовным законом средства воздействия, применяемые к физическому лицу в связи с юридически значимым поведением, попадающим под действие уголовного закона, и изменяющие его правовой статус.

В свою очередь, нужно еще раз акцентировать внимание на том, что выделение в качестве самостоятельного института «иных мер уголовно-правового характера» является надуманным и абсолютно не логичным. Как уже отмечалось, до настоящего времени отсутствует легальное определение данного понятия, помимо этого, «законодателем не определены цели иных мер уголовно-правового характера в целом как группы мер, применяемых к совершившим преступления лицам наряду с наказанием либо вместо наказания» [7].

В рамках предложенной модели хотелось бы высказаться и о системе мер уголовно-правового характера, сделав предварительно несколько пояснений.

Во-первых, отличительной особенностью предлагаемой системы является то, что при структурировании системы и выделении элементов за основу взято определение мер уголовно-правового характера.

Во-вторых, система сконструирована, исходя из употребления в уголовном законе исключительно одного понятия — «меры уголовно-правового характера» без выделения в УК РФ и наполнения содержа-

[1] Исходим из концепции, что объектом преступного посягательства являются общественные отношения, а не конкретное материальное благо.

нием понятия «иные меры уголовно-правового характера».

В-третьих, конфискация имущества, безусловно, отнесена к дополнительным видам наказания, т. е. презюмируется ее нахождение в гл. 9 разд. III УК РФ.

В-четвертых, в соответствие с ч. 1 и 2 ст. 81 УК РФ уполномоченным должностным лицам, с учетом конкретных обстоятельств дела, предоставлена возможность либо просто освобождать субъект от наказания, либо одновременно с этим применять принудительные меры медицинского характера.

В-пятых, акты амнистии и помилования (ч. 2 ст. 84, 85 УК РФ) после их принятия могут повлечь для субъекта целый ряд уголовно-правовых последствий: освобождение от уголовной ответственности; освобождение от наказания (отбывания наказания) или его смягчение; снятие судимости. Определяющим фактором для наступления указанных последствий, предусмотренных ч. 2 ст. 84 и ч. 2 ст. 85 УК РФ, выступает стадия развития уголовного правоотношения и «местоположение» субъекта в ней.

Во всем остальном при проведении систематизации мер уголовно-правового характера за основу взята действующая редакция УК РФ[1].

Итак, система мер уголовно-правового характера может быть представлена в виде трех крупных подсистем (блоков), включающих в себя более мелкие структурные элементы (элементный состав).

1. Подсистема мер уголовно-правового характера, связанных с освобождением субъекта от уголовной ответственности, в том числе с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 31, 75, 76, 76-1, 78, ч. 2 ст. 84, ч. 2 ст. 85[2], ч. 1 ст. 90 УК РФ, соответствующие примечания к статьям Особенной части УК РФ);

2. Подсистема мер уголовно-правового характера, связанных с применением наказания или освобождением от наказания субъекта, в том числе, с применением принудительных мер воспитательного воздействия, включающая в себя[3]:

– виды наказания (ст. 44, 88 УК РФ);

– смягчение или ужесточение наказания (ст. 61, 62, 63, 63-1, 64, 65, ч. 2 ст. 84, ч. 2 ст. 85 УК РФ);

– условное осуждение (ст. 73, 74 УК РФ);

– освобождение от наказания (ст. 80-1, ч. 1 и 2 ст. 81, ст. 83, ч. 2 ст. 84, ч. 2 ст. 85, ст. 93 УК РФ[4]);

– освобождение от отбывания наказания (ст. 79, ч. 1 и 2 ст. 81, ч. 3 ст. 82, ст. 83, ч. 2 ст. 84, ч. 2 ст. 85, ст. 93 УК РФ);

– отсрочка отбывания наказания (ст. 82, 82-1 УК РФ);

– замена неотбытой части наказания более мягким или строгим наказанием[5] (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53, ч. 6 ст. 53-1, ст. 80, ч. 3 ст. 82, ч. 3 ст. 82-1, ч. 2 ст. 84, ч. 2 ст. 85 УК РФ);

– погашение или снятие судимости (ст. 86 УК РФ)[6];

3. Подсистема мер уголовно-правового характера, связанных с применением к субъекту принудительных мер медицинского характера (ч. 1 и 2 ст. 81, ст. 99, 104 УК РФ).

Приведенная совокупность взаимосвязанных и взаимодополняющих элементов образует собой именно систему мер уголовно-правового характера. Об этом свидетельствует то, что, фактически, любой элемент имеет непосредственное отношение к наказанию либо уголовной ответственности[7], о которых, собственно, и идет речь в ч. 2 ст. 2 УК РФ. Наказание и уголовную ответственность можно в данном случае представить в роли своеобразной «двухъядерной кон-

[1] При написании настоящей статьи использован текст УК РФ из СПС «КонсультантПлюс» (по состоянию на 5 июня 2013 г.) без анализа причин и необходимости включения законодателем в уголовный закон некоторых мер уголовно-правового характера, например ст. 76-1 УК РФ (освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности).

[2] Здесь и далее все упоминания в тексте ч. 2 ст. 84, ч. 2 ст. 85 УК РФ сделаны с учетом данных пояснений к системе мер уголовно-правового характера.

[3] Внутренний элементный состав данной подсистемы сформирован как с учетом динамики уголовного правоотношения, возникающего в связи с совершением субъектом уголовного правонарушения, так и с учетом структуры УК РФ.

[4] Здесь и далее все упоминания в тексте ч. 1 и 2 ст. 81 УК РФ сделаны с учетом данных пояснений к системе мер уголовно-правового характера.

[5] В данном элементе подсистемы сначала указаны статьи УК РФ, предусматривающие замену наказания более строгим, затем статьи УК РФ, предусматривающие замену наказания более мягким.

[6] Вопросы погашения и снятия судимости в той или иной мере регламентируются и в других статьях общей части УК РФ, например, ч. 3 ст. 82, ч. 2 ст. 84 и др. Однако, на наш взгляд, ст. 86, специально посвященная судимости, наиболее полно и детально регламентирует снятие и погашение судимости, в связи с чем в данный элемент подсистемы иные статьи УК РФ не включены.

[7] Союз «либо» в данном случае предполагает его употребление в смысле как «и», так и «или».

струкции», «притягивающей» элементы системы мер уголовно-правового характера.

Меры уголовно-правового характера, образующие в своей совокупности единую систему, могут быть классифицированы по различным основаниям. Однако во главу угла при создании той или иной классификации следует ставить ее ценность (значимость) с теоретической и практической точек зрения.

Думается, что отсутствие конкретных законодательных понятий, в частности такого как «иные меры уголовно-правового характера», вряд ли можно отнести к «случайностям». Отсутствие четких, понятных и лаконичных формулировок — не что иное, как невозможность их определения. Наличие максимального количества дефиниций непосредственно в тексте уголовного закона имеет и еще один, безусловно, положительный аспект — избавление от необходимости бесконечного обращения правоприменителей к текстам других нормативно-правовых актов (вне зависимости от даты их принятия и юридической силы). К сожалению, на сегодняшний день, УК РФ содержит значительное количество бланкетных норм, которые, в свою очередь, отнюдь, не повышают эффективность и простоту его применения. Все это усугубляется избыточным количеством изменений и дополнений, постоянно вносимых в УК РФ, по воле или в угоду различным интересам. Точность и тщательность в формулировании тех или иных понятий — идеал, к которому надо стремиться. Вне зависимости от того, сохранится действующий УК РФ или будет принят новый кодекс, следует отходить от размытости, отсутствия строгости в употреблении понятий. Уголовный закон не терпит не только аналогии, он не терпит к себе пренебрежительного отношения, безграмотности при написании тех или иных дефиниций, вольного отношения к системе и структуре кодекса, манипулирования и бесконечных, нередко, противоречиво-бездумных правок. Формулировки УК РФ должны дать возможность уполномоченному должностному лицу единообразно его применять, виновному лицу нести соразмерную ответственность, потерпевшему — получить исчерпывающую защиту своих прав и законных интересов в разумные сроки.

Таким образом, при восприятии предлагаемой модели — оставления в уголовном законе исключительно одного понятия «меры уголовно-правового характера», помимо прочего, отпадет необходимость «искусственного» выделения понятия «иные меры уголовно-правового характера», наполнения данного понятия содержанием, определения целей данных мер, а также прекращена длительная научная дискуссия о месте и роли данных мер в системе уголовного закона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Батанов А. Н.* Иные меры уголовно-правового характера — самостоятельный институт Российского уголовного законодательства? // Общество и право. — 2011. — № 5. — С. 150–154.

2. *Келина С. Г.* «Иные меры уголовно-правового характера» как институт уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 25–26 января 2007 г. — М., 2007. — С. 283–288.

3. *Максимов С. В.* Цель в уголовном праве : методологические аспекты. — Ульяновск, 2002. — 148 с.

4. *Минязева Т. Ф.* Цели наказания и иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения в современном уголовном праве // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2007. — № 5. — С. 81–87.

5. Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера : учеб. пособие / *М. Ф. Костюк, А.Н. Батанов, В. А. Посохова, Т. М. Калинина.* — М., 2011. — 320 с.

6. *Тюшнякова О. В.* Отсрочка отбывания наказания женщинам как мера уголовно-правового воздействия : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08. — Тольятти, 2002. — 227 с.

7. *Черных О. В.* Иные меры уголовно-правового характера: понятие и содержание // Общество и право. — 2010. — № 4. — С. 198–202.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпов Виктор Сергеевич (Иркутск) — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, директор. Иркутский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: bbb740@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karpov, Viktor Sergeyevich (Irkutsk) — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Chair of Criminal Process and Criminalistics, Head. Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Nekrasova st., 4, Irkutsk, 664011, e-mail: bbb740@mail.ru)

УДК 343.2
ББК 67.99

Е. В. Рогова
кандидат юридических наук, доцент
Академия управления МВД России

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Рассматриваются вопросы, связанные с изменениями уголовного закона в части, касающейся категорий преступлений, внесенными Федеральным законом РФ от 7 декабря 2011 г. № 420. Критически оценивается нововведение, дающее право суду понижать категорию преступления на одну ступень (ч. 6 ст. 15 УК РФ). На перспективу предлагается введение категории «уголовный проступок».

Ключевые слова: дифференциация уголовной ответственности; категории преступлений; уголовный проступок; преступление; уголовная ответственность.

Ye. V. Rogova
Ph.D. in Law, Ass. Professor
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY AND CATEGORIZATION OF CRIMES

The paper examines some changes in the criminal law regarding the category of crimes that were included by the Federal Law of the Russian Federation of Dec. 7, 2011, No 420. The author criticizes the innovation that allows the court to downgrade crimes by one category (Part 6 Art. 15 of the Criminal Code of the Russian Federation). For the future the author proposes introducing the category of «criminal offence».

Keywords: differentiation of criminal liability; crime categories; criminal offence; crime; criminal liability.

Поведение человека бывает правомерным и неправомерным. Говоря о неправомерном поведении, можно сказать, что оно выражается в совершении лицом преступлений и проступков (административных, гражданско-правовых, дисциплинарных).

В действующем уголовном законодательстве преступления в зависимости от характера и степени общественной опасности подразделяются на четыре категории: преступления небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления (ст. 15 УК РФ). Такая классификация общественно опасных деяний имеет существенное значение для обеспечения оптимальной дифференциации уголовной ответственности. Она важна для построения институтов как Общей части, так и Особенной части УК РФ. При этом приоритетным направлением совершенствования уголовного закона является дальнейшая дифференциация уголовной ответственности в зависимости от тяжести преступления.

В декабре 2011 г. в УК РФ были внесены изменения и дополнения Федеральным законом РФ № 420-ФЗ[1], что вызвало бурное обсуждение в юридических кругах как до его принятия, так и после вступления его в законную силу [1–3]. Особого внимания заслуживают изменения, внесенные в ст. 15 УК РФ, закрепляющую категории преступлений. Преобразования уголовно-правовых норм свидетельствуют об изменении в России концептуальных подходов в регулировании целого ряда важнейших проблем, связанных с категориями преступлений в том числе.

Во-первых, в категорию преступлений небольшой тяжести включены деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает трех лет лишения свободы. Характеризуя данное изменение, следует отметить, что законодатель произвел переоценку степени общественной опасности преступлений небольшой и средней

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон РФ от 7 дек. 2011 г. № 420-ФЗ // Российская газета. — 2011. — 9 дек.

© Е. В. Рогова, 2013

тяжести. Как отмечает Г. В. Верина, такая позиция законодателя свидетельствует о том, что общественная опасность как признак преступления, несмотря на свою объективную природу, — категория исторически изменчивая. Здесь следует добавить, что она не только исторически, но и социально изменчивая. По мнению автора, процесс сокращения преступлений средней тяжести идет искусственным путем, за счет расширения круга преступлений небольшой тяжести [1, с. 55].

Нам представляется, что это изменение направлено на дальнейшую гуманизацию уголовного законодательства России, которая в большей степени коснется именно преступлений в сфере экономической деятельности, где большинство основных составов относится к категории небольшой или средней тяжести.

Следует добавить также то, что в целях более глубокой дифференциации уголовной ответственности за различные по степени тяжести преступления реформирование уголовного закона должно идти по пути введения категории «уголовного проступка». Основой этой категории должны стать преступления небольшой тяжести, т. е. умышленные и неосторожные преступления, за совершение которых наказание в виде лишения свободы не превышает трех лет. Следует отметить, что в России более половины приговоренных к лишению свободы (55 %) осуждены на краткие сроки (до трех лет). Такое законодательное решение имело бы ряд положительных моментов, основным из которых является осмысление роли уголовного закона в воздействии на преступников, совершивших противоправные деяния, не представляющие большой общественной опасности.

Кроме того, ст. 15 УК РФ дополнена ч. 6, согласно которой с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе изменить категорию преступления (средней тяжести, тяжкого и особо тяжкого) на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления. Этим законодатель показал, что нормативная дифференциация категорий преступлений — это не константа, как это было ранее. Теперь по усмотрению суда категория преступления может быть изменена на одну ступень. В этой норме предложено принципиально новое, неизвестное ранее отечественному уголовному законодательству правило, существенно расширяющее пределы судейского усмотрения. В связи с этим некоторые ученые отмечают, что чрезмерно широкое использование судом права снижения категории преступления может повлечь дестабилизацию судебной практики [2, с. 18]. «Данное нововведение наделяет судебные органы излишне широкими возможностями, открывая простор для субъективизма, не отвечает требованиям антикоррупционности, — говорит Г. В. Верина, — казалось бы, столь широкое судейское усмотрение углубит дифференциацию уголовной ответственности, однако нельзя уголовно-правовой принцип превращать в “резиновый мешок”» [1, с. 56]. Полагаем, что в данном случае речь идет не о дифференциации уголовной ответственности, а об индивидуализации, так как эта норма предоставляет суду право в некоторых индивидуальных случаях изменять категорию преступления.

Поддерживая точку зрения ученых, критикующих новшество, закрепленное ч. 6 ст. 15 УК РФ, отметим, что установление категории преступления все же является прерогативой законодателя, нежели правоприменителя в лице суда.

В связи с введением данной нормы, возникает вопрос о том, влечет ли изменение категории преступления изменение юридических последствий, в частности исчисления сроков давности, определения вида рецидива, изменения режима отбывания наказания, освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим и т. д. Например, при переводе преступления из категории особо тяжкого в тяжкое становится возможным применение ст. 73 УК РФ к лицу, совершившему особо тяжкое преступление (условное осуждение), хотя в силу ст. 73 УК РФ условное осуждение не применимо к лицам, виновным в совершении особо тяжких преступлений.

При этом решение данного вопроса можно рассматривать с позиции двух противоположных точек зрения. Так, согласно одной из них изменение категории преступления влечет за собой изменение всех правовых последствий. Суд, в совещательной комнате решив вопрос о виде и размере наказания, рассматривает по каждому преступлению, за исключением небольшой тяжести, возможность изменения категории преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый, на менее тяжкую в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ (п. 6.1 ч. 1 ст. 229 УПК РФ), что, соответственно, влечет за собой изменение правовых последствий.

Противоположное толкование данной нормы заключается в том, что правовые последствия при понижении категории не изменяются, ч. 6 ст. 15 УК РФ имеет преюдициальное значение, т. е. ее действие, по мысли законодателя, рассчитано на будущее. В том случае, если ранее судимым лицом вновь будет совершено преступление, то будет учитываться то, что он совершил ранее преступление менее тяжкой категории при наличии к этому оснований. При понижении категории преступления должны приниматься во внимание такие смягчающие обстоятельства, которые ранее не были учтены сами по себе (например, неудавшийся добровольный отказ, возраст осужденного и т. д.).

В настоящее время много вопросов и обращений граждан возникло в связи с теми приговорами, которые были вынесены и вступили в законную силу до принятия Федерального закона РФ № 420-ФЗ. Сейчас на страницах юридической литературы стали появляться материалы, обобщающие практику применения ч. 6 ст. 15 УК РФ [2, с. 18–19]. Так, Н. Егорова отмечает, что из 150 выборочно изученных приговоров и кассационных определений, вынесенных судами России в период действия данной нормы, в 8 случаях (5,3 %) категория преступления была снижена.

Подводя некоторый итог, заметим, что реформа УК РФ, проведенная в декабре 2011 г., связана как с принятием рациональных правотворческих решений, так и тех, которые есть за что критиковать. Нельзя забывать о том, что за каждой статистической единицей стоит судьба человека, осужденного за совершение того или иного преступления. С другой стороны, за этой же статистической единицей находится и потерпевший, его права и интересы. Приоритетом уголовно-правовой политики России на современном этапе должна стать защита человеческих ценностей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Верина Г.В.* Новые концептуальные подходы к вопросам преступления и наказания в российской уголовно-правовой политике // Журнал российского права. — 2012. — № 5. — С. 55–59.

2. *Егорова Н.* Реформа Уголовного кодекса РФ (декабрь 2011 г.): проблемы применения новых норм // Уголовное право. — 2012. — № 3. — С. 18–22.

3. *Крылова Н.* К вопросу о гармонизации и гуманизации уголовного закона // Уголовное право. — 2011. — № 6. — С. 26–34.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рогова Евгения Викторовна (Москва) — кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры уголовной политики и организации предупреждения преступлений. Академия управления МВД России (125171, г. Москва, ул. З. и А. Космодемьянских, 8, e-mail: rev-80@yandex.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rogova, Yevgeniya Viktorovna (Moscow) — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Post-Doctoral Researcher, Chair of Criminal Policy and Organization of Crime Prevention. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Aleksandra i Zoi Kosmodemyanskikh st., 8, Moscow 125171, rev-80@yandex.ru)

УДК 343.352.3
ББК 67.408

В. А. Номоконов
доктор юридических наук, профессор
Дальневосточный федеральный университет
В. И. Шульга
кандидат юридических наук, доцент
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

О БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ В ВУЗЕ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Статья посвящена уголовно-правовой проблеме квалификации деятельности ряда категорий работников в сфере образования в законодательстве и судебной практике как специального субъекта в составах взятки и коммерческого подкупа. Авторы приходят к выводу о признании того, что только руководящие работники вуза могут быть специальными субъектами названных составов преступлений.

Ключевые слова: должностное лицо; управленческое лицо; исполнительно-распорядительные функции; единая классификация должностей вуза.

V. A. Nomokonov
Doctor of Law, Professor
Far Eastern Federal University
V. I. Shulga
Ph.D. in Law, Ass. Professor
Vladivostok State University of Economics and Service

ON FIGHTING CORRUPTION IN UNIVERSITIES, LEGISLATION AND COURT PRACTICE AT THE PRESENT STAGE

The paper discusses the criminal law issue of qualifying the actions of some groups of educational establishments' employees in legislation and court practice as a special subject in the corpus delicti of bribery and commercial graft. The authors conclude that it should be recognized that only management of higher educational establishments could be special subjects of the above-mentioned corpus delicti.

Keywords: official; manager; executive functions; unified classification of positions in higher educational establishments.

На сегодняшний день борьба с коррупцией в стране стала делом государственных и муниципальных органов власти и их учреждений и общественности на всех уровнях. Завершилась трудоемкая работа по утверждению различных законодательных, организационных, плановых, программных и прочих мер по противодействию коррупции, на что также обратила внимание Комиссия Государственной думы РФ по законодательному обеспечению противодействия коррупции (далее — Комиссия). По мнению Комиссии, стоит согласиться с выводом о том, что необходимо иметь, прежде всего, качественную нормативно-правовую базу противодействия коррупции. Качество такой базы и судебной практики вызывает много споров у законодателей, правоприменителей и ученых при рассмотрении так называемых коррупционных преступлений, в которых особую роль играет фигура должностного лица как специального субъекта. Постоянные изменения в законодательстве и судебной практике не способствуют стабильности ни в праве, ни в жизни общества. Как справедливо отмечает С. Ф. Литвинова, стабильность в праве, основанная только на нормативной основе, еще не способствует стабильности в демократическом правовом государстве [4, с. 6].

При этом камнем преткновения в борьбе с коррупцией явился вопрос об ответ-

© В. А. Номоконов, В. И. Шульга, 2013

ственности специального субъекта преступлений (учителей, врачей и других профессиональных работников) против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30 УК РФ). Причем спор возникает чаще всего по поводу привлечения к уголовной ответственности за получение взятки (ст. 290 УК РФ) представителей именно профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений.

С позиций законодательной и иной нормативно-правовой регламентации определим правовой статус должностного (служебного) положения применительно к нуждам уголовного права.

В примечании 1 ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями» говорится, что должностными лицами в статьях настоящей главы (30 УК РФ) признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

А. Ю. Чаплыгина, поддерживая позиции профессоров Б. В. Волженкина и П. С. Яни, считает, что если субъект занимает должность, в связи с которой он обладает правом совершать по службе юридически значимые действия, влекущие определенные правовые последствия, то он, следовательно, выполняет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции и является должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации. При этом организационно-распорядительные полномочия состоят в наличии у работников государственных и муниципальных учреждений права совершать по службе юридически значимые действия управленческого характера, способные порождать, изменять и прекращать правовые отношения. Поэтому должностным лицом следует признавать субъекта, который постоянно, временно или по специальному полномочию имеет право выдавать от имени государственного или муниципального учреждения официальные документы, подтверждающие определенный юридический факт, и тем самым как-то организовывать, направлять поведение других лиц, для которых этот акт (документ) имеет юридическую силу. Таким образом, исходя из анализа судебной практики и литературы, на вопрос «Является ли преподаватель субъектом получения взятки или коммерческого подкупа?» А. Ю. Чаплыгина дает однозначный ответ: «Конечно, является» [7].

Однако на этом обозначенные проблемы квалификации коррупционных действий преподавателей в образовательных учреждениях с позиции этих авторов и их сторонников, на наш взгляд, не заканчиваются, а только начинаются.

Как правильно подметила профессор Т. Б. Басова, определение должностного лица в УК РФ 1996 г. отличается от дефиниции должностного лица в УК РСФСР (1960). В примечании ст. 285 УК РФ говорится только о функциях должностного лица, а не о занимаемой им должности, а применительно к ст. 170 УК РСФСР говорилось еще и о занятии должности, связанной с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей [1, с. 152–153].

Как представляется в результате анализа современных нормативно-правовых актов, такая позиция законодателя более предпочтительна, и вот почему.

В ст. 1 ФЗ «О противодействии коррупции» речь идет не только о служебных полномочиях, но и о служебном или должностном положении физического лица, а в ст. 8 говорится и о замещении должности государственной или муниципальной службы[1].

В связи с этим П. И. Иванов предлагает как одну из мер ответственности за невыполнение государственным или муниципальным служащим обязанности государственных и муниципальных служащих представлять сведения о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, предусмотренной ч. 1 ст. 8, освобождать от занимаемой должности [2, с. 327].

Данная мера может относиться только к государственной и муниципальной службе и приравненным к ним иным видам службы. Сами служебные полномочия вытекают, как правило, из занимаемой должности в той или иной службе и реализуются через функции полномочного лица. Служебные

[1] О противодействии коррупции : федер. закон Российской Федерации от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ. — URL : http://www.rg.ru/2008/12/30/korrupcia-fz-dok.html.

полномочия могут проистекать и в результате их делегирования (полностью или частично) от полномочного лица к неполномочному лицу[1].

Современная преподавательская деятельность по законодательству России, в отличие от времен СССР, не относится ни к одной из них.

В соответствии с подп. 17–23 ч. 1 ст. 1 «Предмет регулирования настоящего Федерального закона» разд. 1 «Общие положения» ФЗ «Об образовании» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ к организациям различного типа, осуществляющим образовательную деятельность, относятся те, которые на основании соответствующей лицензии реализуют образовательные программы. Образовательная организация создается только в форме, установленной гражданским законодательством для некоммерческих организаций (ст. 21)[2].

Тем самым, вуз согласно гражданскому законодательству (ст. 120 ГК РФ), являясь созданным собственником государственным или муниципальным учреждением, осуществляет управление переданной ему или приобретенной им самим собственностью в названных целях без извлечения коммерческой прибыли[3]. Следовательно, вуз не является государственным или муниципальным учреждением в административно-правовом смысле, а его сотрудники специальными субъектами должностных преступлений в рамках гл. 30 УК РФ.

В ранее действовавшем ФЗ «Об образовании» от 10 июля 1992 г. № 3266-1 (в ред. от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ) предусматривалось создание как государственных, так и негосударственных образовательных организаций в организационно-правовых формах, предусмотренных гражданским законодательством Российской Федерации для некоммерческих организаций, что давало повод считать преподавателя субъектом взятки.

Современная судебная практика на всех ее уровнях, как следует из анализа доступных в Интернете судебных актов, показывает, что суды особенно не старались разбираться и не разбираются в организационно-правовых формах образовательных учреждений и как следствие преподаватели привлекались и привлекаются в качестве специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ.

Так, преподаватель одного из государственного университета в соответствии с приказом ректора университета от 15 апреля 1996 г. входил в состав государственной аттестационной комиссии университета в качестве экзаменатора и в установленном законом порядке был наделен правами и обязанностями по приему экзаменов у студентов, т. е. организационно-распорядительными функциями, которыми наделены должностные лица. Неудовлетворительная сдача экзаменов влекла для студентов правовые последствия — не назначение стипендии, отчисление из вуза, пересдачу экзаменов. В нарушение своих должностных обязанностей преподаватель за взятки в интересах взяткодателей ставил зачеты и оценки за экзамены без самой процедуры их приема[4].

Во-первых, из определения не ясно, к какой организационно-правовой форме относился университет. Термин «государственный» является обязательной составной частью названия также и некоммерческой образовательной организации, учредителем которой становится Российская Федерация как собственник передаваемого в управление государственного имущества.

Во-вторых, преподаватель как член государственной аттестационной комиссии университета не может единолично присутствовать на экзамене, так как решение принимается большинством ее членов и в зачетной книжке за оценку расписываются все члены комиссии.

В-третьих, в любом случае признавать преподавателя должностным лицом как специальным субъектом соответствующих составов должностных преступлений нельзя. Это следует из анализа документов, действующих в сфере образования.

Аналогичная ситуация описана в Обзоре кассационной и надзорной практики Приморского краевого суда за первое полугодие 2011 г.

Приговором Первореченского районного суда г. Владивостока от 28 декабря 2009 г. К. осуждена за то, что являясь доцентом кафедры «Социологии и социальной пси-

[1] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Об образовании в Российской Федерации : федер. закон Российской Федерации от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ. — URL : http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «Гарант».

[4] Постановление № 1180п98пр по делу Красильникова ; определение № 29-098-15 по делу Красильникова // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1999. — № 3.

хологии» Федерального государственного образовательного учреждения «Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет», 23 июня 2009 г. в дневное время в помещении университета получила от учащихся третьего курса института пищевой и холодильной техники в качестве взятки по 1500 р. с каждого за совершение со своей стороны незаконных действий в их пользу — проставления зачета по предмету социология без установленной процедуры принятия зачета. Ее действия квалифицированы судом по двум преступлениям по ч. 2 ст. 290 УК РФ.

Постановлением президиума приговор изменен: ее действия по двум преступлениям переквалифицированы на ч. 1 ст. 290 УК РФ.

В обоснование своего решения президиум указал, что из приговора следует, что К. была наделена правом приема зачетов по предмету социология, т. е. действовала в пределах предоставленных ей полномочий. В связи с этим, действия осужденной подлежат переквалификации на ч. 1 ст. 290 УК РФ, как получение должностным лицом лично взятки в виде денег за действия в пользу взяткодателя, если такие действия входят в служебные полномочия должностного лица, за каждое преступление[1].

В данном случае, как и в предыдущем, на момент постановления приговора и вынесения определения учебное заведение с 17 сентября 2008 г. уже было некоммерческой организацией[2].

Оформленное подобным образом судебное решение вызывает больше вопросов, чем дает ответов, а главное, — повод говорить о несправедливости правосудия.

Судебная практика вопреки существующим документам и принимаемым ранее (в эпоху СССР) судебным решениям высших судебных инстанций на современном этапе пошла почему-то по пути признания такого лица должностным лицом и специальным субъектом состава взятки либо состава коммерческого подкупа как это предлагают некоторые ученые [5].

[1] Обзор судебной практики Приморского краевого суда по уголовным делам в первом полугодии 2011 года. — URL : http://kraevoy.prm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=146&cl=1.

[2] Устав Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет» : утв. приказом Федерального агентства по рыболовству от 17 сент. 2008 г. № 175. — URL : http://bazazakonov.ru/doc/?ID=1156158.

В. Б. Лебедев и другие считают, что когда преподаватель проводит занятия (лекции, семинары), то занимается профессиональной деятельностью и в этом смысле не признается лицом, выполняющим распорядительные функции, но становится им, когда принимает экзамены, в том числе в составе государственной аттестационной комиссии. Поэтому получение вознаграждения за выставленную оценку содержит признаки получения подкупа (ст. 204 УК РФ) [3; 6, с. 416].

В свете действующих документов в образовательной сфере с такой позицией также трудно согласиться.

Из ФЗ «Об образовании» следует, что единоличным исполнительным органом образовательной организации является руководитель образовательной организации (ректор, директор, заведующий, начальник или иной руководитель), который осуществляет текущее руководство деятельностью образовательной организации на основе сочетания принципов единоначалия и коллегиальности (ст. 26).

Из анализа ст. 47 «Правовой статус педагогических работников» данного закона следует, что педагогические работники осуществляют только профессиональную деятельность. Последняя к исполнительно-распорядительной деятельности не относится. Данное положение следует из анализа и других нормативно-правовых актов.

Так, согласно ст. 20 «Работники высших учебных заведений» ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ в высших учебных заведениях предусматриваются должности научно-педагогического (профессорско-преподавательский состав, научные работники), инженерно-технического, административно-хозяйственного, производственного, учебно-вспомогательного и иного персонала. К профессорско-преподавательским должностям относятся должности декана факультета, заведующего кафедрой, профессора, доцента, старшего преподавателя, преподавателя, ассистента[3].

Учебное заведение в своей основной деятельности реализует образовательную программу, которая представляет собой комплекс характеристики образования и

[3] О высшем и послевузовском профессиональном образовании : федер. закон от 22 авг. 1996 г. № 125-ФЗ. — URL : http://минобрнауки.рф/документы/885.

организационно-педагогических условий. Сюда же относятся формы аттестации в виде учебного плана, календарного учебного графика, рабочих программ учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), иных компонентов, а также оценочных и методических материалов.

Учебные занятия в высшем учебном заведении проводятся в виде лекций, консультаций, семинаров, практических занятий, лабораторных, контрольных работ, коллоквиумов, практики, курсового проектирования (курсовой работы) (ст. 42).

Высшее учебное заведение оценивает качество освоения образовательных программ путем осуществления текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации обучающихся и итоговой аттестации выпускников в соответствии с утверждаемыми вузом положениями о каждом из них (ст. 45).

К примеру, Положением об организации и проведении текущей, промежуточной (семестровой) аттестации студентов и Положением о рейтинговой системе оценки успеваемости студентов Владивостокского государственного университета экономики и сервиса текущая и промежуточная аттестации проводятся, как правило, с использованием компьютерных технологий. Во время учебного процесса студент набирает необходимое число баллов, которое проставляется в электронную ведомость. В процессе промежуточной (семестровой) аттестации завершается этап определения уровня освоения учебной дисциплины, а компьютер автоматически переводит баллы в оценки без участия преподавателя, который только их проставляет в зачетную книжку. Тем самым исключается коррупционное поведение преподавателя и студента.

Исключается такое поведение и при итоговой аттестации выпускника высшего учебного заведения, которая осуществляется государственной аттестационной комиссией в соответствии с Положением об итоговой государственной аттестации выпускников высших учебных заведений Российской Федерации, утвержденным приказом Минобразования России от 25 марта 2003 г. № 1155[1]. Перевод на очередной курс обучения и выпуск из высшего учебного заведения студента происходит на основании приказа только ректора вуза.

Аналогичные положения о реализации образовательных программ, полномочий лиц научно-педагогического состава образовательного учреждения и его ректора закреплены в Типовом положении об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении), утвержденном постановлением Правительства РФ от 14 февраля 2008 г. № 71[2].

Для всех категорий должностей учебного заведения устанавливаются единые квалификационные требования независимо от его организационно-правовой формы, типов образовательных организаций и форм собственности с учетом уровней образования.

Согласно Единому квалификационному справочнику (ЕКС) должностей руководителей, специалистов и служащих, утвержденному приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 26 августа 2010 г. № 761н, в сфере общего образования в разделе «Квалификационные характеристики должностей работников образования» установлены квалификационные требования для трех категорий должностей: должности руководителей, должности педагогических работников и должности учебно-вспомогательного персонала, кроме должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования, оцениваемые, по профессиональной, коммуникативной, инновационной и правовой компетенции[3].

По ЕКС к должности руководителя относится директор, заведующий, начальник образовательного учреждения и их заместители, а также руководитель структурного подразделения и старший мастер профессионального (производственного)

[1] Положение об итоговой государственной аттестации выпускников высших учебных заведений Российской Федерации : утв. приказом Минобразования России от 25 марта 2001 г. № 1155. — URL : http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_03/1155.html.

[2] Об утверждении Типового положения об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении) : постановление Правительства РФ от 14 февр. 2008 г. № 71 // СПС «Гарант».

[3] Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования» : приказ Минздравсоцразвития России от 26 авг. 2010 г. № 761н. — URL : http://www.rg.ru/printable/2010/10/20/teacher-dok.html.

обучения начального и (или) среднего профессионального образования.

Анализ должностных обязанностей по ЕКС работников общего образования показывает, что выполнение организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций входит в компетенцию работников только по должности руководителя (заместителя, старшего мастера).

Аналогичная ситуация складывается в сфере высшего профессионального и дополнительного профессионального образования в вузе.

Согласно ЕКС должностей руководителей, специалистов и служащих, утвержденному приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 30 октября 2009 г. № 858, в разделе «Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования» к должности профессорско-преподавательского состава относится должность ассистента, преподавателя, старшего преподавателя, доцента, профессора, заведующего кафедрой, декана факультета (директора института)[1]. Из перечисленных должностей только декан факультета (директор института) обладает полномочиями должностного лица, выполняющего организационно-распорядительные и управленческие функции.

В частности, декан факультета (директор института) переводит обучающихся (студентов) на следующий курс, а также допускает их к экзаменационным сессиям, дает разрешение на досрочную сдачу и пересдачу курсовых экзаменов, принимает решение о допуске обучающихся (студентов) к сдаче государственных экзаменов и защите выпускной квалификационной (дипломной) работы, входит в состав комиссии по итоговой государственной аттестации выпускников факультета, приемной комиссии факультета (института), представляет к зачислению, отчислению и восстановлению обучающихся (студентов, слушателей), назначает стипендии в соответствии с положением о стипендиальном обеспечении обучающихся (студентов).

Тем самым только данное лицо ответственно за решения, имеющие юридическое значение и влекущие определенные юридические последствия для студента. Однако окончательное решение по вузу принимает ректор, издавая соответствующий приказ или распоряжение.

Поэтому можно констатировать, что лицо, состоящее в одной из должностей профессорско-преподавательского состава, за исключением декана факультета (директора института), не может являться специальным субъектом должностных или управленческих преступлений в силу отсутствия организационно-распорядительных или управленческих функций.

Специальным субъектом должностных преступлений, из числа названных, может быть только декан факультета (директор института) и ректор или их заместители с делегированными полномочиями соответствующего характера.

Тем не менее, Верховный Суд СССР[2] и Верховный Суд РФ[3] считали и считают, что преподаватель за нарушение обязанностей, возложенных на него как на члена квалификационной или экзаменационной (аттестационной) комиссии, может нести уголовную ответственность как должностное лицо, что также противоречит документам.

Согласно Положению об итоговой государственной аттестации выпускников высших учебных заведений Российской Федерации, утвержденному приказом Минобразования России от 25 марта 2001 г. № 1155, членами государственной аттестационной (экзаменационной) комиссии могут быть не только лица профессорско-

[1] Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования» : приказ Минздравсоцразвития России от 30 окт. 2009 г. № 858. — URL : http://www.alppp.ru/law/trud-i-zanjatost-naselenija/trud/33/prikaz-minzdravsocrazvitija-rf-ot-30-10-2009--858.pdf.

[2] О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 4. — URL : http://www.lawmix.ru/zkrf/36048.

[3] О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 окт. 2009 г. № 19; О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе : постановление Пленума Верховного Суда от 10 февр. 2000 г. № 6 (с изм. от 6 февр. 2007 г. № 7; 23 дек. 2010 г.; 22 мая 2012 г.) // Документы Верховного Суда Российской Федерации. — URL : http://www.vsrf.ru/Show_pdf.php?Id.

преподавательского состава, но и лица, приглашенные из сторонних организаций: специалисты предприятий, учреждений и организаций — потребители кадров данного профиля, полномочия которых определяются соответствующими документами, не относящихся к сфере образования, а значит, вероятно, и специальными субъектами должностных и управленческих преступлений наравне с преподавателями[1].

При этом государственные экзаменационные (аттестационные) комиссии создаются, а их члены утверждаются приказом ректора вуза после утверждения председателя государственной аттестационной комиссии федеральным органом исполнительной власти, в ведении которого находится высшее учебное заведение. Председатель государственной аттестационной комиссии может возглавлять одну из экзаменационных комиссий и принимать участие в работе любой из них на правах ее члена.

В соответствии с п. 16 Положения об итоговой государственной аттестации выпускников высших учебных заведений Российской Федерации решение о присвоении выпускнику квалификации (степени) по направлению подготовки (специальности) и выдаче диплома о высшем профессиональном образовании государственного образца принимает государственная аттестационная комиссия по положительным результатам итоговой государственной аттестации, оформленным протоколами экзаменационных комиссий.

Решения государственной аттестационной и экзаменационных комиссий принимаются на закрытых заседаниях простым большинством голосов членов комиссий, участвующих в заседании, при обязательном присутствии председателя комиссии или его заместителя. При равном числе голосов председатель комиссии (или заменяющий его заместитель председателя комиссии) обладает правом решающего голоса. Все решения государственной аттестационной и экзаменационных комиссий оформляются протоколами. Протоколы и выставляемые на их основе оценки в зачетные книжки подписываются всеми присутствующими членами и председателями комиссий.

Таким образом, очевидно, что член государственной аттестационной (экзаменационной) комиссии не принимает единоличного решения, имеющего юридическое значение и влекущего юридическое последствие. Решение о выдаче диплома выпускнику вуза принимается комиссионно, а не единолично.

Более того, правовой статус (права и обязанности, ответственность и т. п.) ни председателя, ни члена государственной аттестационной (экзаменационной) комиссии данным положением не определен. Организационно-распорядительные функции относятся только к комиссии в целом. Это значит, что выполнение основных функций названной комиссии отдельными ее членами юридического значения, а главное юридических последствий не имеют.

Можно, к примеру, говорить о соучастии в получении взятки членами любой из этих комиссий, если соучастников будет не менее 50 % членов, присутствующих во время их работы, но обязательно вместе с председателем или его заместителем. Тогда только комиссия правомочна принимать решение, имеющее юридическое значение и юридическое последствие.

Таким образом, признавать должностное лицо из числа профессорско-преподавательского состава специальным субъектом должностных и управленческих преступлений оснований не имеется. Занятие должности профессорско-преподавательского состава по штатному расписанию в образовательной организации автоматически не означает выполнение им исполнительно-распорядительных или управленческих функций, за некоторым исключением, о чем было сказано ранее.

Однако это не означает, что в вузе невозможно бороться с коррупционными преступлениями и их проявлениями. Достаточно вспомнить ТК РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ[2].

Так, в соответствии с п. 7.1 ст. 81 «Расторжение трудового договора по инициативе работодателя» ТК РФ в случае непринятия работником мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, стороной которого он является, а также п. 8 той же статьи — за совершение работником, выполняющим воспитательные функции, аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы, работник может быть

[1] Положение об итоговой государственной аттестации выпускников высших учебных заведений Российской Федерации : утв. приказом Минобразования России от 25 марта 2001 г. № 1155. — URL : http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_03/1155.html.

[2] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ // СПС «Гарант».

уволен по инициативе работодателя. Конфликт интересов выявляет комиссия по урегулированию споров между участниками образовательных отношений, которая предусмотрена законом об образовании (п. 12 ст. 47) и которая создается по решению ректора. Воспитательную функцию в вузе по ЕКС осуществляет ассистент, преподаватель и старший преподаватель, что также может повлечь их увольнение.

Получение вознаграждения преподавателем, как и дача вознаграждения студентом, является основанием для рассмотрения данного факта такой комиссией с последующим выводом о возможности в дальнейшем выполнять преподавателем функции по занимаемой должности, а студентам — продолжать учебу в качестве обучающегося.

Таким образом, анализ законодательства и подзаконных актов, а также материалов судебной практики позволяет нам считать специальными субъектами составов взятки и коммерческого подкупа только руководителей вузов и их структурных подразделений. Признание судебной практикой членов аттестационных (экзаменационных) комиссий специальными субъектами названных составов преступлений противоречит нормативно-правовой базе регулирования отношений в сфере высшего и послевузовского образования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Басова Т. Б.* Уголовная ответственность за должностные преступления: правотворчество и правоприменение в условиях административной реформы Российской Федерации. — Владивосток, 2005. — 284 с.

2. Борьба с налоговой и коррупционной преступностью. Вопросы теории и практики / *П. И. Иванов* [и др.]. — М., 2012. — 383 с.

3. *Лебедев В. Б.* Преподаватели вузов как субъекты уголовных преследований и их защита от незаконного уголовного преследования по статье «взятка» (информация для преподавателей, антикоррупционных комитетов, адвокатов, омбудсменов, вузовских юристов, профкомов, служб безопасности и студентов). — URL : https://pravorub.ru/anticor/15579.html.

4. *Литвинова С. Ф.* Природа стабильности права. — Владивосток, 2012. — 252 с.

5. *Назаров О. В.* Адвокат. И еще раз о субъектах получения взятки. —URL : http://www.zakonia.ru/analytics/77/52495.

6. Российское уголовное право: курс лекций : в 5 т. / под ред. *А. И. Коробеева*. — Владивосток, 2000. — Т. 4 : Преступления в сфере экономики. — 452 с.

7. *Чаплыгина А. Ю.* Коррупция в образовательных учреждениях: проблемы квалификации деяний // Государственная власть и местное самоуправление. — 2011. — № 1. — С. 41–45.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Номоконов Виталий Анатольевич (Владивосток) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии. Дальневосточный федеральный университет (690000, г. Владивосток, ул. Октябрьская, 25, e-mail: nomokonov@rambler.ru)

Шульга Владимир Иванович (Владивосток) — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публичного права Института права и управления. Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41, e-mail: Vladimir.Shulga@vvsu.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nomokonov, Vitaliy Anatolyevich (Vladivostok) — Doctor of Law, Professor, Chair of Criminal Law and Criminology. Far Eastern Federal University (Oktyabrskaya st., 25, Vladivostok, 690000, e-mail: nomokonov@rambler.ru)

Shulga, Vladimir Ivanovich (Vladivostok) — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Chair of Public Law, Institute of Law and Management. Vladivostok State University of Economics and Service (Gogolya st., 41, Vladivostok, 690014, e-mail:Vladimir.Shulga@vvsu.ru)

УДК 343.9
ББК 67.408

Д. В. Жмуров
кандидат юридических наук
Байкальский государственный университет экономики и права

СОВРЕМЕННАЯ КРИМИНОЛОГИЯ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются основные тенденции развития современной криминологии на основе контент-анализа диссертационных исследований с 1989 по 2013 г. Приведены частотная и содержательная классификации основных криминологических трудов за последние несколько десятков лет.

Ключевые слова: криминология; диссертационные исследования по криминологии.

D. V. Zhmurov
Ph.D. in Law
Baikal State University of Economics and Law

CONTEMPORARY CRIMINOLOGY: CONDITION AND DEVELOPMENT TRENDS

The paper examines key trends in the development of modern criminology through the content analysis of dissertation theses written in 1989–2013. The author presents the frequency and content classifications of major criminological works published in recent decades

Keywords: criminology; criminology dissertation theses.

Каково состояние современной криминологии? В каком направлении движется эта наука? Данные вопросы интересуют многих исследователей. Ответить на них позволяет анализ информационного «продукта» криминологического сообщества в виде диссертационных исследований за последние 25 лет.

Для проведения указанного анализа было отобрано 1566 докторских и кандидатских диссертационных исследований по криминологии[1] с 1989 по 2013 г. Следует заметить, что существуют трудности в выборе четких критериев классификации упомянутых научных трудов. Многие работы, судя по их названиям, содержат до трех критериев, позволяющих отнести их к той или иной группе научных знаний.

В ходе анализа все криминологические исследования (табл.) по частоте встречаемости распределили на три группы, каждая из которых отражает степень проявления интереса научного сообщества к той или иной проблеме:

1. *Низкочастотные* (до 1 % в общей массе работ) — это труды, посвященные анализу преступности в целом; исследованию ее детерминации, причин и условий преступного поведения; мотивов и мотивации криминальной деятельности; механизмов индивидуального преступного поведения; криминологического программирования, прогнозирования, а также отдельных вопросов предмета и методов криминологии.

Тема «личности преступника» формально не является низкочастотной (она составляет 1,3 % в общем объеме работ). Однако большинство представленных исследований рассматривают личность в достаточно узких границах, а именно в качестве субъекта отдельного преступления, например, личность насильника, террориста, убийцы и т. п. Глубокого интереса к криминальной личности как уникальному явлению и фундаментальной проблеме в целом фактически не обнаруживается, поэтому работы по указанной теме отнесены в группу низкочастотных.

Исследования по низкочастотной тематике появляются весьма редко (один раз в 2–3 года), несмотря на то, что представляют собой ядро проблем криминологии, объединяющее ее основные концептуальные идеи. Становится очевидным, что у большинства криминологов данные проблемы не вызывают устойчивого интереса, а рассматриваются только в контексте изучения конкретного вида преступной активности.

[1] Диссертации по смежным уголовно-правовым тематикам и близким к криминологии областям научного знания не анализировались, поскольку интерес представляли исключительно криминологические труды.

© Д. В. Жмуров, 2013

Исследования в российской криминологии

Область исследования	Общее число работ	Продуктивность научного сообщества по данной проблеме	
		Доля в структуре научных работ по криминологии, %	Частота появления исследований, год
Анализ преступности в целом	15	1,0	0,6
Отдельные исследования по детерминации преступности, причинах и условиях преступного поведения	19	1,0	0,8
Исследования, посвященные мотивам и мотивация криминального поведения	11	1,0	0,5
Исследование женской преступности	37	2,0	1,5
Региональные аспекты исследования преступности	28	2,0	1,2
Проблемы предупреждения отдельных видов преступлений	81	5,0	3,2
Личность преступника	21	1,0	0,9
Индивидуальное преступное и постпреступное поведение	8	1,0	0,3
Криминологическое программирование и прогнозирование	12	1,0	0,5
Некоторые вопросы предмета и методологии криминологии	10	1,0	0,4
Криминологический анализ отдельных составов преступлений	6	0,4	0,3
Внесистемные сложно классифицируемые работы	9	1,0	0,4
Уклонение от уплаты алиментов	4	0,0	0,2
Политическая преступность	3	0,0	0,1
Криминальная и нормативная культуры, проблемы взаимодействия	14	1,0	0,6
Геронтологическая криминология	2	0,0	0,1
Религиозные проблемы в криминологии	8	1,0	0,3
Общественно опасное, докриминальное поведение	18	1,0	0,8
Организованная и групповая преступность	71	5,0	3,0
Рецидивная преступность	24	2,0	1,0
Профессиональная преступность	3	0,2	0,1
Преступность несовершеннолетних	105	7,0	4,4
Проблемы латентной преступности	12	1,0	0,5
Преступность военнослужащих или военнообязанных	17	1,0	0,7
Преступность в сфере экономической деятельности, распределения природного сырья и др.	146	9,0	6,0
Коррупционная преступность	32	2,0	1,3
Корыстная преступность	77	5,0	3,2
Служебная преступность в государственных или коммерческих организациях	60	4,0	2,5
Насильственная преступность	85	5,0	3,5
Преступления в сфере семейно-бытовых отношений (в том числе против семьи и несовершеннолетних)	24	2,0	1,0
Проблемы сексуальной агрессии	25	2,0	1,0
Криминологические проблемы вымогательств	14	1,0	0,6
Преступность против свободы, чести и достоинства личности	27	2,0	1,1
Наркотизм, алкоголизм, связанное с ними поведение в криминологии	82	5,0	3,4
Криминологические проблемы терроризма	38	2,0	1,6
Криминологические проблемы хулиганства	16	1,0	0,7
Преступления, связанные с оружием	25	2,0	1,0
Преступность экстремистской направленности	15	1,0	0,6
Преступность, связанная с миграцией населения	26	2,0	1,1
Преступность в сфере компьютерной информации	20	1,0	0,8
Экологическая преступность	30	2,0	1,3
Криминологические проблемы, связанные с преступлениями против власти и правосудия	15	1,0	0,6
Исследования, связанные с обеспечением безопасности государства, общества, его членов (пересечение границы, фальшивомонетничество, экономическая безопасность)	31	2,0	1,3
Проблемы реабилитации, ресоциализация, реадаптации	20	1,0	0,8

Окончание табл.

Область исследования	Общее число работ	Продуктивность научного сообщества по данной проблеме	
		Доля в структуре научных работ по криминологии, %	Частота появления исследований, год
Преступления, связанные с транспортом	32	2,0	1,3
Спортивная криминология	2	0,0	0,1
Криминологические проблемы проституции	5	0,0	0,2
Молодежная преступность	18	1,0	0,8
Уличная преступность	8	1,0	0,3
Пенитенциарные и постпенитенциарные проблемы в криминологии	41	3,0	1,7
Криминологические проблемы поджогов	3	0,2	0,1
Проблемы вовлечения в совершение преступлений	12	1,0	0,5
Проблемы виктимологии и виктимизации	54	3,0	2,3
Криминологические проблемы, связанные с интеллектуальной собственностью	8	1,0	0,3
Проблемы вандализма, охраны культурных ценностей	7	0,4	0,3
Средства массовой информации и криминологические проблемы	6	0,4	0,3
Неосторожные преступления	4	0,3	0,2
Трудовая криминология	3	0,2	0,1
Криминогенные традиции	4	0,3	0,2
Отклонения и их роль в преступном поведении	11	1,0	0,5
Порнография	4	0,3	0,2

По частоте встречаемости наряду с перечисленными темами сопоставимы исследования в области криминологической характеристики порнографии и проституции, поведенческих отклонений и их роли в преступном поведении, трудовой, геронтологической, спортивной криминологии, особенностей уличной и профессиональной преступности, взаимодействия криминальной и нормативной культур и т. д.

2. *Среднечастотные* (от 1 до 2 % в общей массе работ) — исследования, связанные с обеспечением безопасности государства, общества и его членов (криминологический анализ пересечения границы, фальшивомонетничества, экономической безопасности и т. д.), а также коррупционная, рецидивная, молодежная, уличная, экологическая, воинская, семейно-бытовая преступность; преступность, связанная с оружием или экстремизмом; транспортом; ущемлением свободы человека; а также в сфере компьютерной информации. Ежегодно по каждой из отмеченных тематик в среднем защищается одно исследование.

Помимо указанных внимание криминологов привлекают вопросы, касающиеся общественно опасного, докриминального поведения; сексуальной агрессии, криминогенного влияния миграции; проблем реабилитации, ресоциализация, реадаптации идевиантов, а также региональные аспекты исследования преступности.

3. *Высокочастотные* (от 2 % и выше в общей массе работ) отражают проблемы, стоящие перед обществом и особо нуждающиеся во внимании криминологов. Работы в этом направлении публикуются до 2–3 раз в год. Особое внимание уделяется профилактике и предупреждению преступности; отдельным проблемам организованной, корыстной и насильственной преступности (диссертационные исследования защищаются каждые 4 месяца).

Безусловными лидерами по числу исследователей выступают: преступность несовершеннолетних и преступность в сфере экономической деятельности. Каждые 2 месяца в рамках изучения этих явлений предлагается новая разработка. Помимо этого, значительное внимание уделяется терроризму; отдельным аспектам наркотизма, алкоголизма и связанному с ними криминальному поведению; служебной преступности всех видов; женской преступности; проблемам виктимологии и виктимизации, пенитенциарным и постпенитенциарным криминологическим вопросам.

Несмотря на то, что анализ диссертационных работ не представляет исчерпывающей информации о научной деятельности в области криминологии, тем не менее, можно прийти к некоторым выводам.

Есть все основания констатировать, что современная отечественная криминология находится как бы в позиции догоняющего, когда исследователь вынужден обращаться к уже «оформившимся» асоциальным явлениям и изучать их, а в плане прогнозирования криминальных тенденций проводятся лишь единичные разработки. Возможно, это связано с тем, что прогнозирование предполагает глубокое осмысление сущности личностных и социальных криминогенных процессов. Очевидно, что такое понимание формируют не столько прикладные исследования, сколько работы фундаментального плана. С созданием последних, как показывает проведенный анализ, существуют определенные трудности. Так, методологическую базу современной криминологии нередко составляют выдающиеся труды 70–90-х гг. XX в., которые, тем не менее, требуют новых подходов. Немалое число диссертационных исследований являются конъюнктурными, отражающими изменчивые идеологические реалии, а ключевые проблемы криминологии остаются в стороне. Так, мотивация и внутриличностная сфера индивида, совершившего преступление, почти не изучаются. За последние 22 года криминология предложила не более 5 специализированных исследований по этой проблематике. В одной работе из полутора тысяч рассматриваются проблемы педофилии, как резонансного явления. Довольно редко встречаются диссертации, раскрывающие сущность криминальной ментальности: особенности и содержание мышления преступников, их духовные ценности, интересы и потребности. Не более 10 исследований посвящены изучению криминогенного потенциала межэтнических противоречий, хотя задача разработки этнокриминологической политики является безотлагательной [2].

Современное состояние криминологии, по всей вероятности, может быть отражено в следующих положениях:

1. Фактически происходит диссоциация или «расщепление» ядра криминологии. Например, в некоторых западных исследованиях криминология выступает в качестве междисциплинарного направления, сплава социальных и медицинских наук. По мнению К. Бартола существует: социологическая криминология, которая исследует связь демографических переменных и факторов окружения с преступлением; психологическая криминология, предметом изучения которой являются психические процессы, сопровождающие совершение преступления, личностные особенности преступника; психиатрическая криминология, которая занимается поиском патологических причин преступного поведения [1, с. 7]. Эта диссоциация до известной степени обесценивает значение самой криминологии, сводя ее к очередной компиляции различных наук и тем самым определяя соответствующее отношение к ней.

2. Очевидно и то, что современная ситуация в криминологии отнюдь не способствует раскрытию ее научного потенциала. Научные приоритеты смещены большей частью в область прикладных исследований, которые составляют до 98 % от общего числа всех работ. Свойственные последним узость исследовательских интересов, отсутствие собственной методологической базы при преобладающем обращении к зарубежным разработкам, приоритет конкретно-ситуативного мышления над обобщенно-абстрактным — это и многое другое не всегда идут на пользу криминологии. Вместе с тем часть исследователей, проводя анализ, указывают на серьезные перспективы ее развития при соответствующем отношении [2].

3. Перечисленные положения обусловливают одну из важных тенденций современности, которую можно сформулировать как «разочарование криминологией». Данный тезис нуждается в пояснении.

В новейшее время криминология принимает в свой адрес множество упреков, часть из которых вполне обоснована.

Во-первых, активно обсуждается вопрос о существовании предмета криминологии как такового. Последний, в понимании некоторых научных школ, представляет собой абстракцию. Это связано с небезынтересными утверждениями конвенционалистов о том, что преступление и преступность — явления условные, договорные, не существующие в реальности. Следовательно, предметом криминологии, согласно высказанной идее, в большей степени оказывается мнение законодателя. Так, если криминология изучает «придуманное явление» стоит ли придавать ей серьезное значение?

Во-вторых, большое число узкоспециализированных криминологических исследований создают впечатление о том, что эта наука не продуцирует «отдельно стоящие» или собственные научные доктрины, она не способна конкурировать с социологией и психологией, а используется лишь в прикладной плоскости. Даже представители левой радикальной криминологии стре-

мятся согласовывать свои взгляды с традиционными социологическими теориями преступности. Но, если криминология не производит «фундаментального знания», стоит ли придавать ей серьезное значение?

В-третьих, произошла девальвация учебного потенциала криминологии, которая с санкции Министерства образования и науки РФ выведена из базовой (обязательной) части дисциплин федерального государственного образовательно стандарта высшего профессионального образования. Это свидетельствует о том, что институты власти переоценивают ее значение и место среди других наук далеко не в лучшую сторону. И, если криминология не нужна для образования, стоит ли придавать ей серьезное значение?

В связи с этим возникла настоятельная необходимость защиты криминологии от не всегда справедливой критики, в интеграции криминологических знаний, осуществления основательных исследований, делающих осмысленным огромный массив эмпирического материала, накопленного за последние годы. Таким образом, возникла потребность появления «интегративной криминологии», первостепенная задача которой достойно ответить на все поставленные нами вопросы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бартол К.* Психология криминального поведения. — СПб., 2004. — 352 с.
2. *Клейменов М. П., Клейменов И. М.* Криминология в современном мире // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2012. — № 4. — С. 5–13.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жмуров Дмитрий Витальевич (Иркутск) — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии. ФГБОУ ВПО «Байкальский государственный университет экономики и права» (664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: zdevraz@ya.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhmurov, Dmitriy Vitalyevich (irkutsk) — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Chair of Criminal Law and Criminology. Baikal State University of Economics and Law (Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: zdevraz@ya.ru)

УДК 343.85
ББК 67.515

Ю. В. Зырянова
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

ВИКТИМОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ)

В статье проводится анализ личностных и поведенческих характеристик несовершеннолетних, потерпевших от сексуального насилия в семье, а также внешних обстоятельств, которые способствуют их виктимизации. Рассмотрены основные виды виктимности — половозрастная и виктимность-патология, присущие несовершеннолетним жертвам сексуального насилия в семье, и их поведения. Описаны типичные ситуации, в которых совершаются преступления данной категории, с учетом обстановки, времени и иных факторов, их обусловливающих.

Ключевые слова: виктимогенные факторы; несовершеннолетние; сексуальное насилие; виктимность.

Yu. V. Zyryanova
Katanov State University of Khakassia

VICTIMOGENIC FACTORS OF SEXUAL ABUSE OF MINORS IN THE FAMILY (USING THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF KHAKASSIA)

The paper analyzes personal and behavioral characteristics of minors that were victims of sexual violence in their families as well as external factors contributing to their victimization. The author describes main types of victimity (sex- and age-related victimity and pathological victimity) typical of underage victims of sexual assualts in the family, and also describes their behavior. The author presents typical situations in which the crimes of this category are committed, including the environment, time and other determining factors.

Keywords: victimogenic factors; minors; sexual assault; victimity.

Беречь жизнь и здоровье ребенка — это прямая обязанность его родных и близких. Тем ужаснее, когда насилие в отношении ребенка происходит в семье[1].

Одним из видов насилия над несовершеннолетним в семье является сексуальное насилие, посягающее на половую свободу и половую неприкосновенность ребенка. Уголовная ответственность за подобные преступления предусмотрена ст. 131–133 УК РФ.

В последнее время криминальная ситуация в Республике Хакасия, касающаяся преступлений против половой свободы и неприкосновенности в отношении детей в семьях, является достаточно тревожной.

Среди насильственных преступлений против несовершеннолетних членов семьи данный вид правонарушений занимает 3-е место, их доля с 2002 по 2012 г. варьирует от 1,3 до 21,6 %. В структуре насильственных преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних в семье, наблюдаются резкие скачки при регистрации этих явлений[2]. Анализ данных о преступлениях против половой свободы и неприкосновенности, предусмотренных указанными статьями УК РФ, за период с 2002 по 2012 г. показал, что 50 % от числа сексуальных насильственных преступлений в отношении детей в семьях приходится на совершение изнасилований, 48,6 % — на насильственные действия сексуального характера, выявлено 1 преступление, предусмотренное ст. 133 УК РФ (1,4 %).

Как известно, преступник и жертва представляют собой две стороны одного явле-

[1] Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 30 нояб. 2010 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Рассматривались преступные деяния, предусмотренные ст. 105–108, 110, 111–117, 119–120, 125–127, 127.1, 127.2, 131–133, 150–151,156, 230, 240 УК РФ, а также данные официальной статистики за 2002–2012 гг. и результаты анкетирования, проведенного среди учеников 6–11 классов общеобразовательных школ Республики Хакасия.

© Ю. В. Зырянова, 2013

ния, причем нередко личность и поведение потерпевшего выступают в роли фактора, определяющего поведение преступника [5]. В этой связи представляется интересным выяснить: какие же факторы детерминируют процесс виктимизации несовершеннолетнего потерпевшего, «превращая» его в жертву сексуального насилия в семье?

Это могут быть как внутренние виктимогенные факторы (личностные и поведенческие характеристики потерпевших), так и характеристики внешней среды, в частности предкриминальные ситуации (объективные обстоятельства, складывающиеся непосредственно или в момент преступления, не связанные ни с виктимностью жертвы, ни с ее поведением) [3, с. 16]. Внутренние виктимогенные факторы тесно связаны с личностью потерпевшего, представляют собой такие виды виктимности, которые сами по себе детерминируют процесс его виктимизации (половозрастная, виктимность — патология и ролевая), так и те виды виктимности, которые реализуются в поведении жертвы (виктимогенные деформации личности, стрессовая виктимность).

Установлено, что наиболее распространенным видом виктимности, которым обладают потерпевшие данной категории преступлений является половозрастная виктимность (93 %), «второе место» занимает виктимность-патология (7 %). Вероятность стать жертвой преступления повышается для лиц, обладающих данными видами виктимности по сравнению с теми, которые таковых не имеют. Отметим сразу же, что ролевая и стрессовая виктимность для совершения сексуальных преступлений, тем более в семье, не характерна, и при исследовании не выявлены.

Потерпевшими от сексуального насилия в семье чаще становятся девочки (98,6 % от числа сексуальных насильственных преступлений в отношении детей). Однако сексуальное насилие в отношении мальчиков (1,4 %) носит более тяжелые и извращенные формы, что отчасти обусловлено спецификой рассматриваемых составов преступлений и их соотношением в структуре насильственных преступлений.

Низкие показатели по потерпевшим от сексуальных посягательств в детском возрасте лиц мужского пола связаны с тем, что мальчики чаще стремятся преуменьшить такой «постыдный» опыт или вовсе не упоминать о нем, так как испытывают большие трудности при разговоре на тему сексуального злоупотребления [2, с. 74–75].

Стоит отметить, что анализ личностных характеристик потерпевших от сексуального насилия в семье в сравнении с аналогичными характеристиками преступников показывает, что наибольшее распространение имело сочетание «девочка-потерпевшая — мужчина-преступник» (98,6 %), в остальных случаях мальчик-потерпевший — мужчина-преступник (1,4 %). Случаев совершения рассматриваемой категории преступлений женщинами не установлено. Мужчина-преступник в большинстве случаев являлся отцом (47,2 %) либо дядей или иным родственником (44,6 %), отчимом (мужем либо сожителем матери) для потерпевшей (6,7 %).

При этом из общего количества несовершеннолетних потерпевших от сексуального насилия в семье фактически в 2,2 раза чаще становились малолетние дети, не достигшие 14 лет (68 %). Данное обстоятельство обусловлено возрастными особенностями, именно вследствие состояния беспомощности, неспособности защитить себя, а также в силу нахождения в испуганном состоянии, «непонимания» происходящего (не воспринимают происходящее как насилие, тем более, когда оно исходит от родных и близких им лиц).

Иначе говоря, практически 70 % сексуальных преступлений в семье над несовершеннолетними совершены с использованием беспомощного состояния потерпевших. Виктимологи справедливо замечают, что уязвимость потерпевшего находится в прямой зависимости от его способности оказать сопротивление преступнику и реализации этой способности [6, с. 235].

Виктимность-патология встречается значительно реже (7 %), нежели половозрастная виктимность. При этом у потерпевших, изученных в ходе исследования, наблюдались в основном психические отклонения, в силу которых жертва не в полной мере понимает происходящее, фактически также находится в беспомощном состоянии. Можно привести один из примеров проявления виктимность-патологии.

В 2006 г. Абаканским городским судом рассмотрено по существу уголовное дело по обвинению М. в совершении трех эпизодов преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 132 УК РФ (в отношении малолетней), который зная, что дочери его сожительницы Я. всего 10 лет, и она страдает умственной отсталостью, неоднократно совершал в отношении нее насильственные действия сексуального характера[1].

[1] Уголовное дело № 1-158-2006 // Архив Абаканского городского суда.

Виктимогенные деформации личности в несовершеннолетнем (тем более малолетнем) возрасте не сформированы в полной мере, в связи с чем доля их наличия у потерпевших от сексуального насилия в семье невысока — 2,7 %. Виктимогенные деформации личности проявляются в виктимном поведении. Так, при проведении данного исследования у потерпевших выявлено нейтральное поведение в 97,3 % случаев, и лишь в 2,7 % — виктимное. Случаи виктимного поведения в рассматриваемых ситуациях являются достаточно редкими, как правило, проявляются в социально-неодобряемом поведении, например, в совместном распитии с преступниками алкогольных напитков, «развязанном», провоцирующем на преступление поведении. Следовательно, для несовершеннолетних жертв сексуального насилия в семье в большей степени характерно нейтральное поведение (нежели виктимное). В основном же жертва выбирается преступником именно в силу присущей ей виктимности, известной последнему. Преступник рассчитывает, что несовершеннолетний не окажет ему сопротивления и не заявит в правоохранительные органы о совершенном в отношении него преступлении. Таким образом, виктимность, а также виктимное поведение играют роль внутренних факторов, относящихся к личности потерпевшего, и способствующих его виктимизации.

Рассматривая виктимогенные факторы, нельзя не отметить внешние, не связанные ни с личностью потерпевшего, ни с его поведением объективные обстоятельства, существующие независимо от воли потерпевшего, имеющие, как правило, объективный, ситуативный характер, в которых жертва оказывается непосредственно перед собственной виктимизацией и которые облегчают или иным образом детерминируют процесс превращения в жертву:

– совокупность качеств, характеризующих жертву, способствует ее виктимизации лишь при взаимодействии с другой совокупностью качеств, характеризующих преступника, причем при наличии определенных объективных обстоятельств [4, с. 78];

– совокупность объективных жизненных обстоятельств, непосредственно предшествующих преступлению, которые являются единым объектом индивидуальной оценки взаимодействующих сторон и оказывает прямое и целостное влияние на возникновение, форму и динамику поведения, осуществляющееся через механизм мотивации, принято называть ситуацией [1, с. 16].

Внешняя среда как совокупность объективных условий совершения преступления может содержать в себе значительное количество содействующих факторов. Однако внешние условия лишь способствуют реализации уже имеющихся в сознании виновного лица установок.

Создание ситуации совершения сексуального насилия в отношении ребенка в семье может быть обусловлено воздействием различных факторов, наиболее значительными являются место и время совершения преступлений.

В результате проведенного исследования установлено, что ситуации совершения сексуального насилия в отношении детей в семьях развиваются по весьма типичному «сценарию».

Жертвы сексуального насилия в семье виктимизированы в основном по месту жительства потерпевшего и преступника, если проживают совместно, либо по месту жительства одного из них, когда второй «приходит в гости», что также объясняется спецификой предмета исследования. Достаточно редки случаи совершения насилия «вне дома» преступников и потерпевших.

Стоит заметить, что при совершении данной категории преступлений в месте совершения преступления, как правило, отсутствуют иные взрослые члены семьи, что является условием, облегчающим процесс совершения преступления.

Например, 15 ноября 2011 г. Алтайским районным судом Республики Хакасия П. осужден за совершение четырех эпизодов преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (насильственного действия сексуальные характера в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста), в отношении падчерицы К. (дочь жены) . При этом одно преступление совершено с угрозой применения насилия к потерпевшей, три преступления совершены с применением насилия к потерпевшей, в том числе одно из них — соединенное с угрозой причинением тяжкого вреда здоровью.

Все преступления П. совершены при отсутствии дома его жены — матери К., которая согласно показаниям потерпевшей работала по ночам, при этом они с братом оставались ночевать дома вместе с П.[1]

Приговором Черногорского городского суда 5 ноября 2008 г. Д. осужден за совершение преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст. 132, ст. 135 УК РФ — за совершение

[1] Уголовное дело № 1-45-2011 // Архив Алтайского районного суда.

насильственных действий сексуального характера и развратных действий в отношении своей падчерицы — малолетней Ф. (дочь жены).

Два преступления Д. совершены в бане, расположенной во дворе дома, в котором проживал Д., Ф. и ее мать, одно преступление в личном автомобиле на безлюдной территории (свалка), еще одно во времянке, при отсутствии в указанных местах матери Ф. и иных лиц[1].

Для виктимизации жертв сексуального насилия в семье чаще всего выбирали ночное (с 0 до 6 ч) 60,4 %, дневное (с 12 до 18 ч) 18,8 % и вечернее (с 18 до 0 ч) 16,6 % время, что обусловлено тем, что большинство лиц, совершающих данные преступления, нигде не работают. В утренние часы (с 6 до 12 ч) зафиксирован сравнительно невысокий уровень сексуального насилия — 4,2 %.

Сексуальные насильственные преступления в отношении детей практически в равной мере зафиксированы в течение всех дней недели, осенью совершается большинство подобных преступлений (39,1 %), по сравнению с летом (24,3 %), весной (20,3 %) и зимой (16,2 %).

При этом нельзя не отметить, что в 16,2 % случаев преступник в момент совершения преступления находился в состоянии алкогольного опьянения, что как известно является определенным катализатором реализации свойств криминогенной деформации личности.

Указанные элементы ситуации, взаимодействуя с особенностями личности основных участников, предопределяют способ поведения, который позволяет удовлетворить возникшие сексуальные потребности преступника.

Итак, типичной ситуацией сексуального насилия в семье в отношении ребенка является его совершение в ночное время в любой день недели чаще по месту жительства преступника и потерпевшего (что обусловлено спецификой предмета исследования), родственником мужского пола, стремящегося к удовлетворению своих сексуальных потребностей и находящегося в состоянии алкогольного опьянения, при отсутствии дома других взрослых членов семьи (чаще всего матери ребенка). При этом поведение потерпевшего (ребенка) в подавляющем большинстве случаев являлось нейтральным.

Таким образом, виктимизация жертв сексуального насилия в семье обусловлена действием в различной степени всех групп виктимогенных факторов. Между тем, основанием для выбора преступником будущей жертвы в большинстве случаев является все же личностная виктимность (половозрастная и виктимность-патология), которая играет куда большую роль, нежели виктимное поведение несовершеннолетнего потерпевшего. Наряду с этим при виктимизации жертв сексуального внутрисемейного насилия достаточно большое значение имеют и внешние ситуативные факторы, в которых жертва оказывается непосредственно перед собственной виктимизацией и которые облегчают или иным образом детерминируют процесс превращения в жертву.

[1] Уголовное дело № 1-120-2008 // Архив Черногорского городского суда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алимов С. Б.* Ситуация совершения преступления и ее криминологическое значение : дис. … канд. юрид. наук. — М., 1971. — 188 с.

2. Аномальное сексуальное поведение / под ред. *А. А. Ткаченко, Г. Е. Введенского*. — СПб., 2003. — 657 с.

3. Виктимологическая характеристика региональной преступности и ее предупреждение / под ред. *А. Л. Репецкой*. — М., 2009. — 304 с.

4. *Минская В. С.* Уголовно-правовой и нравственно-психологический аспекты виктимологии // Советское государство и право. — 1985. — № 7. — С. 78–88.

5. *Репецкая А. Л.* Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике. — Иркутск, 1994. — 151 с.

6. *Ривман Д. В., Устинов В. С.* Виктимология. — СПб., 2000. — 332 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зырянова Юлия Вениаминовна (Абакан) — ассистент кафедры уголовного права и криминологии. ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова» (655017, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Карла Маркса, 11, e-mail: yv_z@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zyryanova, Yulia Veniaminovna (Abakan) — Instructor, Chair of Criminal Law and Criminology. Katanov State University of Khakassia (Karla Marksa st., 11, Abakan, 655017, Republic of Khakassia, e-mail:yv_z@mail.ru)

УДК 15(075.8)
ББК 88.52.73

А. Г. Терещенко
кандидат психологических наук, доцент
Иркутский юридический институт (филиал)
Российской правовой академии Минюста России
Н. Г. Васильев
кандидат философских наук, доцент
Иркутский юридический институт (филиал)
Российской правовой академии Минюста России

НОРМАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО РЯДА КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ОРГАНИЗАЦИИ

Целью исследования явилось изучение корпоративных ценностей и анализ эффективности трудовой деятельности сотрудников организации. В соответствии с данной целью перед нами стояли задачи: проанализировать теоретическое содержание понятия корпоративная культура и вскрыть его психологические составляющие; определить уровни корпоративной культуры и разработать практические рекомендации по усвоению сотрудниками корпоративной культуры организации. В работе использовались следующие диагностические методы: метод описания корпоративной культуры «Луковица культуры», метод экспертных оценок, методика М. Рокича по изучению ценностных ориентаций сотрудников. С целью определения достоверности полученных данных применялся метод ранговой корреляции Спирмена и углового преобразования Фишера. Исследование проводилось на базе предприятия малого бизнеса, было обследовано 62 человека. Объектом исследования явилось культура организации. Организационная или корпоративная культура вбирает в себя ряд элементов. Важнейшей ее составляющей является понятие культура. Это многомерное понятие, включающее в себя определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, в создаваемых ими материальных и духовных ценностях. Значительную роль в современной корпоративной культуре играет правовая составляющая.

Ключевые слова: корпоративная культура; организационная культура; правовая культура; стиль жизни.

A. G. Tereshchenko
Ph.D. in Psychology, Ass. Professor
Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation
N. G. Vasilyev
Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor
Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation

NORMATIVE FUNCTION OF THE AXIOLOGICAL SIDE OF A COMPANY'S CORPORATE CULTURE

The goal of this research is to study corporate values and analyze the work efficiency of a company's employees. In accordance with this goal the authors faced the following tasks: to analyze the theoretical substance of the corporate culture concept and to expose its psychological components; to determine the corporate culture levels and to develop practical recommendations regarding the assimilation of corporate culture by employees. The authors used the following diagnostics methods in their work: the «Cultural Onion» methodology for describing corporate culture, expert evaluation method, M. Rokeach's value survey

© А. Г. Терещенко, Н. Г. Васильев, 2013

methodology for the assessment of employees' value orientations. They also used Spearman's rank correlation method and Fischer's angle transformation to determine the reliability of the obtained data. The study was carried out at a small business company and had 62 participants. The object of the study was corporate culture. Organizational or corporate culture encompasses a number of elements with culture being its vital component. It is a multidimensional concept that includes a certain level of social development, creative abilities and powers of people that is incorporated in the types and forms of organizing the life and activities of people, in their relations, in the material and spiritual values that they create. The legal component plays an important part in contemporary corporate culture.

Keywords: corporate culture; organizational culture; legal culture; lifestyle.

В условиях современных социальных изменений изучению проблемы управления организацией уделяется значительное внимание. Исследования корпоративной культуры, появившиеся в конце прошлого века, связаны со сферой анализа управленческих процессов, занимают большое место в работах, связанных с управлением персоналом, организационной психологией. Одним из важных факторов, позволяющих организации развиваться быстро и эффективно, является ее корпоративная культура, к изучению и формированию которой российские предприятия проявляют в последнее время оживленный интерес.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации главными угрозами национальной безопасности в экономической сфере на долгосрочную перспективу выделено наличие условий для усиления криминализации хозяйственно-финансовых отношений[1]. Закономерно, что одновременно со становлением корпоративных отношений появились корпоративные преступления, которые строятся на определенной системе ценностей и тормозят дальнейшее развитие в России института частной собственности, препятствуют установлению легитимных, здоровых рыночных отношений.

По нашему мнению, необходимо различать позитивную корпоративную культуру и коррупционную криминальную культуры. Важность такого подхода определяется тем фактом, что в настоящее время происходит качественное изменение корпоративной преступности. Она становится все более профессиональной, обеспеченной в ресурсном отношении, в том числе в коррупционном, начинает занимать все более солидное место в структуре преступности, образует все более организованные формы, такие как криминальное банкротство и корпоративный шантаж. В этой ситуации проблема возникает как перед государством, так и перед обществом. Эффективное противодействие корпоративной преступности связано, с одной стороны, развитием корпоративного права, с другой, формированием позитивной корпоративной культуры, основанной на прогрессивных ценностях. Позитивной корпоративной культуре свойственна высокая степень адекватности поведения отчетливо заданным нормам поведения и традициям. Криминальная культура предполагает отсутствие четких представлений об оптимальном, допустимом и недопустимом поведении, а также нестабильность социально-психологического статуса работников.

Корпоративная культура соединяет разные уровни организации и позволяет определить степень соответствия персонала целям и ценностям организации. Изучением организационной культуры в разных аспектах занимались такие исследователи, как А. Н. Занковский, В. Д. Козлов, Л. Кильман, И. Ладанов, Р. Сакстон, Э. Шейн и др.

Диалектика аксиологических процессов в корпоративной культуре определяется конфликтом системы личных ценностей, т.е. индивидуально-своеобразных способов их реализации и способов, форм и структуры организации деятельности, которые объективно воплощают ценности организации. Во многом, личные ценности руководителей предприятия формируют представление об оптимальной и допустимой модели поведения сотрудника в коллективе и модель группового поведения [1, с. 7–10].

Корпоративная культура образуется в результате противоречия различных систем ценностей как область реально возможных на данном предприятии способов реализации личных ценностей, тем самым определятся их доминирующее и подчи-

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание Законодательства РФ. — 2009. — № 20, ст. 2444.

ненное положение иерархии. Иерархическая система ценностей, в свою очередь, порождает наиболее адекватную совокупность способов их реализации, которые, воплощаясь в способах деятельности, формируют внутригрупповые нормы и модели поведения.

Таким образом, эффективность трудовой деятельности сотрудников организации определяется содержанием их ценностных ориентаций, т. е. частичным или полным совпадением их ценностно-ориентированной иерархии с иерархией корпоративных ценностей. Данное предположение основано на исследовании предприятий малого бизнеса, а также анкетировании 62 чел.

Организационная или корпоративная культура включает в себя ряд элементов. Корпоративная культура позволяет воспроизводить элементы накопленной культуры, продуцировать новые ценности. На основе оценочно-нормативной функции (сравнения реального поведения человека, группы, корпорации с нормами культурного поведения, с идеалами) реализуются регламентирующая и регулирующая функции культуры, т. е. применение культуры как индикатора и регулятора поведения.

Корпоративная культура выполняет смыслообразующую функцию, влияет на мировоззрение человека, при этом корпоративные ценности превращаются в ценности личности и коллектива либо вступают с ними в конфликт. При реализации коммуникационной функции (через ценности, принятые в корпорации, нормы поведения и другие элементы культуры) обеспечивается взаимопонимание работников и их взаимодействие, сохраняется общественная память, накапливается ценностный опыт корпорации.

Термин «организационная культура» появился в рамках управленческих теорий и базируется на универсальных методах регуляции трудового поведения, стимулирования и мотивации труда. Большинство авторов считают, что культура организации представляет собой сложную композицию предположений, бездоказательно принимаемых и разделяемых членами коллектива [2]. Многие авторы организационную культуру рассматривают как философию и психологию управления, предположения, ценностных ориентации, верований, ожиданий, лежащих в основе отношений взаимодействия организации, так и за ее пределами.

По мнению Р. Килмана, организационная культура — это философские и идеологические представления, ценности, убеждения, аттитюды и нормы, которые связывают организацию в единое целое и разделяются ее членами. Общей категорией, которую выделяют в понятии «корпоративная культура» многие авторы, являются ценностные ориентации — своеобразный ориентир для членов организации, помогающий понять, какое поведение следует считать допустимым. Ценностные ориентации «передаются индивидам через символические средства духовного и материального внутриорганизованного окружения» [3].

М. В. Михайловская, подчеркивая динамичность современных процессов и глобализацию бизнеса, дает следующую характеристику корпоративной культуре: «Корпоративная культура определяет ценности, нормы поведения, системы, политику и процедуры, с помощью которых организация адаптируется к сложностям глобальной атмосферы (внешней среды, внешнего окружения)» [4].

Все перечисленные подходы опираются на два методологических аспекта: рационально-прагматический, рассматривающий организационную культуру как атрибут организации, через который можно влиять на ее формирование и феноменологический, который отрицает возможность целенаправленного прямого воздействия на формирование организационной культуры.

Изучение корпоративной культуры данного предприятия велось с учетом влияния на поведение сотрудников определенных образцов, сложившихся в компании. Знакомство с организационной культурой на поверхностном уровне (первый уровень) включало в себя такие видимые внешние факторы, как применяемая технология, использование рабочего и свободного времени, наблюдаемое поведение, язык, логотипы, т. е. все то, что можно видеть, слышать, осязать. На этом уровне явления легко обнаружить, но трудно объяснить.

На втором уровне (объективном) выявлялись ценности, которых придерживается данное предприятие: осознание себя и своего места в организации, коммуникационная система и язык общения, внешний вид, одежда, представления сотрудников о своей работе, привычки и традиции, характер взаимоотношений между людьми, особенности ценностей как набора ориентиров, отношение к жизни (вера в успех, в руко-

водство, в свои силы, в этичное поведение, отношение к коллегам, клиентам, конкурентам) и др.

В качестве интегративной модели корпоративной культуры использовалась модель «Луковица культуры» Н. В. Михайловской [5]. Данная модель построена на основе учета степени регулятивного воздействия на человека. Сила этого воздействия на поведение сотрудников организации увеличивается по степени продвижения в глубинные слои луковицы, где находятся законы и ценностные ориентации: первый слой — такие видимые внешние факты, как язык, жесты, одежда, символика, видимое поведение; второй слой — традиции, ритуалы, герои, церемонии, которые символизируют имидж организации; третий слой — включает нормы, правила, поведение организации (глубинный уровень); четвертый слой — ценности, они являются стержнем корпоративной культуры организации. Чем крепче середина, тем крепче луковица.

Ценности являются обобщенным представлением людей о целях и нормах своего поведения. Именно на их основе и складываются конкретные типы поведения. Используя в качестве объяснительного принципа психики категорию деятельности, для индивидуальных ценностей характерно сближение с потребностями и мотивами, которые подчеркивают их реальную побудительную силу. Такой подход помогает понять роль корпоративной культуры организации в побудительных мотивах деятельности людей, поскольку ценности являются неотъемлемой частью корпоративной культуры.

Влияние культуры на организацию прослеживалось по следующим уровням организационного взаимодействия: организация — внешняя среда, группа-группа и индивид-организация. Для каждого из этих уровней измерялась эффективность их функционирования с точки зрения интересов организации и удовлетворенности сотрудников. Влияние культуры на организационную деятельность изучалось через кооперацию между индивидами и организацией, принятие решений, контроль, коммуникации, восприятие организационной среды, лояльность организации и оправдание своего поведения. При этом первые три перечисленных процесса корреспондируют с первым уровнем организационной культуры (поверхностным), а следующие четыре — со вторым (внутренним уровнем), имеющим ценностную основу. По сути, от того, как эти процессы протекают, зависит успешность функционирования организации.

Влияние культуры на принятие решений изучалось через разделение членами группы ценностей, которые устойчиво формировали набор базовых предпочтений. Сущность процесса контроля заключалась в стимулировании действий, направленных на достижение поставленных целей. Влияние культуры на коммуникации шло по двум направлениям — отсутствие необходимости устанавливать контакт и крайняя необходимость такого контакта.

Культура помогает людям в организации действовать осмысленно, обеспечивая оправдание своему поведению. Оправдываемые действия усиливают существующее поведение. Таким образом, влияние культуры на эффективность работы организации определяется ее соответствием общей стратегии, рассматривается с точки зрения ее влияния на реализацию интересов организации и на удовлетворенность работников.

В данном исследовании, используя интегративную модель описания корпоративной культуры, выявлена прочность ценностно-ориентационного ядра корпоративной культуры, которое заключается в сходстве ценностных профилей сотрудников. Мерой этого сходства можно считать коэффициенты ранговой корреляции Спирмена между индивидуальными иерархиями терминальных и инструментальных ценностей сотрудников (по методике М. Рокича).

В начале исследования сотрудников распределили на группы по критерию успешности или неуспешности выполнения ими трудовой деятельности (условно: успешные и неуспешные). Критерием успешности послужила вербальная оценка деятельности сотрудника линейным руководителем. Таким образом выделили три группы: руководство компании — 8 чел., успешные сотрудники — 16 чел. и неуспешные сотрудники — 28 чел. В ходе исследования обнаружили, что между среднегрупповыми профилями инструментальных ценностей руководства и успешных сотрудников наблюдаются корреляции, значимо отличающиеся от нуля, а между среднегрупповыми профилями терминальных и инструментальных ценностей руководства и неуспешных сотрудников значимой корреляции не наблюдается.

На основе иерархической модели ценностно-ориентированного ядра культуры организации проследили корреляцию терминальных (табл. 1) и инструментальных (табл. 2) ценностей.

Как видно из табл. 1, стиль жизни успешных сотрудников схож и базируется на ценностях любви, счастливой семейной жизни, интересной работе, общественном признании и свободе, а ценностно-ориентационное ядро корпоративной культуры прочно, хотя и меньше, чем у руководства компании. У неуспешных сотрудников отсутствует сходство стиля жизни, что усложняет выделение общих для данной группы ценностных приоритетов. По среднегрупповому профилю это жизненная мудрость, любовь, наличие верных друзей, материальная обеспеченность, активная деятельность и развлечения.

Таблица 1

Иерархия терминальных ценностей в исследуемых группах

Терминальные ценности	Среднегрупповой ранг ценностей		
	Руководство	Успешные	Неуспешные
Активная деятельностная жизнь	8,8	9,0	6,8
Жизненная мудрость	2,1	8,4	6,4
Интересная работа	8,9	6,3	7,1
Красота природы и искусство	15,3	15,8	14,2
Любовь	11,2	3,4	5,8
Материальная обеспеченность жизни	4,0	9,2	7,0
Наличие хороших и верных друзей	9,2	9,2	6,1
Общественное признание	15,8	7,2	11,0
Познание	6,0	7,4	11,2
Продуктивная жизнь	7,4	7,2	11,2
Развитие	3,2	8,4	8,6
Развлечения	16,2	15,8	11,4
Свобода	2,0	6,0	8,2
Счастливая семейная жизнь	11,2	4,0	12,4
Счастье других	12,0	14,2	12,2
Творчество	9,0	14,2	13,8
Уверенность в себе	13,0	12,0	7,0

Примечание. Наименьшее значение ранга соответствует более высокому месту ценности в иерархии ценностей, так как не проводилась процедура обратного ранжирования ценностей.

Таблица 2

Иерархия инструментальных ценностей в исследуемых группах

Инструментальные ценности	Среднегрупповой ранг ценностей		
	Руководство	Успешные	Неуспешные
Аккуратность	13,0	9,8	9,2
Воспитанность	12,4	9,4	7,3
Высокие запросы	6,5	15,2	13,4
Жизнерадостность	12,4	9,2	7,4
Исполнительность	4,5	3,5	10,2
Независимость	10,2	12,4	8,4
Непримиримость к недостаткам в себе и других	16,2	15,9	13,4
Образованность	3,5	4,2	8,2
Ответственность	2,8	2,0	6,4
Рационализм	2,2	3,4	13,2
Самоконтроль	6,2	9,2	9,1
Смелость в отстаивании взглядов, своего мнения	16,0	15,4	10,2
Твердая воля	11,2	10,8	7,4
Терпимость	10,8	9,6	7,4
Честность	10,4	13,6	9,4
Эффективность в делах	4,2	3,8	13,2
Чуткость	16,2	17,2	11,2

Примечание. Наименьшие значения ранга соответствуют более высокому месту ценностей в иерархии.

Таким образом, содержание ценностных ориентаций в группах руководства, успешных и неуспешных сотрудников различно, однако прочность ядра ценностей у руководства выше, чем у всех сотрудников. Можно предположить, исходя из полученных данных, наличие на исследуемом предприятии трех различных субкультур: двух прочных — культура руководства и культура успешных сотрудников, и одна несформировавшаяся культура неуспешных сотрудников, которые не сумели по разным причинам в процессе социализации усвоить корпоративную культуру успешных сотрудников.

Анализ данных табл. 2 дал возможность определить, что инструментальные ценности рассматриваются как средство достижения целей; которые базируются на инструментальных ценностях рационализма, эффективности в делах, ответственности, исполнительности. На исследуемом предприятии отсутствует осознанный характер корпоративной культуры, так как не разработана и не внедрена система организационных мероприятий, направленная на передачу сотрудникам ценностей. Единственным способом усвоения корпоративных ценностей на данном предприятии является непосредственное взаимодействие с руководством, другими сотрудниками компании, процесс социализации. Эффективность трудовой деятельности ряда сотрудников чаще определяется сходством индивидуальных ценностей личности с корпоративными.

Взятая за основу корреляционная модель прочности ядра корпоративной культуры, благодаря которой определялось попарное коррелирование ценностных иерархий сотрудников, показала, что чем прочнее ядро культуры, тем больше сходятся ценностные ориентации сотрудников, тем крепче корпоративная культура организации. Выявление сходства и различия ценностных ориентаций исследуемых групп позволяют сделать следующие выводы.

У успешных и неуспешных сотрудников наблюдалось отсутствие сходства и по терминальным, и по инструментальным ценностям. В группе руководителей единство в терминальных ценностях выше, чем в группе успешных сотрудников, а у них, в свою очередь, выше, чем у неуспешных сотрудников.

Терминальные ценности традиционно рассматриваются специалистами как стиль жизни сотрудников. Исходя из полученных данных, можно предположить, что стиль жизни сотрудников компании отличается от стиля жизни руководства, который базируется на ценностях развития, материально обеспеченной жизни и познании. Позитивная корпоративная культура фиксирует ценность профессионально-трудовой деятельности как способа реализации ценности саморазвития и субъектности, а также ценность предприятия как условия их реализации. Негативная культура отражает ситуацию, когда деятельность на конкретном предприятии может быть выгодной по тем или иным основаниям, но не ценной для сотрудника с позиции его саморазвития и самореализации.

Позитивная культура характеризуется восприятием сотрудником себя как субъекта, чья профессионально-трудовая деятельность влияет на общую результативность деятельности предприятия. Возникает осознание личной ответственности за общий продукт совместной деятельности организации и ориентацией сотрудника на поиск, разработку, выбор и воплощение наиболее оптимальных способов осуществления своей деятельности. Деятельность сотрудника приобретает творческий характер, что создает общую атмосферу увлеченности своим трудом. В корпорации формируется ощущение взаимоадекватности личных и коллективных критериев собственной ценности, при этом, успешность сотрудника в результате становится основанием и для самоуважения и для уважения со стороны коллег. При формировании позитивной корпоративной культуры очень важен процесс позитивного мифотворчества, отражающего тенденции развития сферы ценностей организации, построение соответствующих им моделей поведения, реализация которых стимулирует эффективность деятельности предприятия.

Стиль жизни успешных сотрудников основывается на ценностях любви, счастливой семейной жизни, интересе к работе, общественном признании. У неуспешных сотрудников трудно выделить базовые ценности.

Таким образом, чтобы быть успешным на предприятии, сотрудники должны усвоить стиль жизни (терминальные ценности) своей группы и средства достижения целей руководства (корпоративные инструментальные ценности). Вот почему одной из причин выявленной текучести кадров на исследуемом предприятии является то, что неуспешные сотрудники, как правило, не усвоили корпоративную культуру данного предприятия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильев Н. Г., Амосова И. В.* Методологические проблемы применения аксиологического подхода к правотворчеству // Проблемы современного российского законодательства : материалы I Всерос. науч.-практ. конф., г. Иркутск, 18 окт. 2012 г. — Иркутск ; М., 2012. — Ч. 1. — С. 7–10.

2. *Иванова С.* Корпоративная культура — эффективное средство мотивации сотрудников // Служба персонала. — 1998. — № 9. — С. 9–11.

3. *Козлов В. Д.* Управление организационной культурой. — М., 1990. — 189 с.

4. *Михайловская Н. В.* Корпоративная культура организации: технология описания и диагностирования : метод. пособие. — Иркутск, 1998.

5. *Павлова М. А.* Методы диагностики, формирования и развития организационной культуры : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.02. — М., 1994. — 138 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Терещенко Анна Григорьевна (Иркутск) — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных информационных дисциплин. Иркутский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: ngv@bk.ru)

Васильев Николай Гаврилович (Иркутск) — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и информационных дисциплин. Иркутский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: ngv@bk.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tereshchenko, Anna Grigoryevna (Irkutsk) — Ph.D. in Psychology, Ass. Professor, Chair of the Humanities and Information Disciplines. Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Nekrasova st., 4, Irkutsk, 664011, e-mail: ngv@bk.ru)

Vasilyev, Nikolay Gavrilovich (Irkutsk) — Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor, Head, Chair of the Humanities and Information Disciplines. Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Nekrasova st., 4, Irkutsk, 664011, e-mail: ngv@bk.ru)

УДК 340.1
ББК 67.2

Н. В. Майданович
Иркутский юридический институт (филиал)
Российской правовой академии Минюста России

ИЕРАРХИЯ ОБЪЕКТОВ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ВОИНСКИХ АРТИКУЛАХ ПЕТРА I

В статье говорится о сложившейся к XVIII в. относительно четкой иерархической системе ценностей, подлежащих уголовно-правовой охране, при совершении половых преступлений. Юридическая техника того времени позволила законодателю выстроить систему объектов данного вида деяний. Так, проведя анализ законодательства и изучив работы ученых, можно достаточно уверено назвать объекты половых преступлений в их иерархической системе. Первое место среди ценностей, которые законодатель счел необходимым оградить от посягательств, занимала церковь и христианская религия. Далее в качестве объекта подлежащего охране со стороны государства выступала тесно связанная с религией нравственность. На третьем месте по значимости выделялась такая ценность, как честь человека, т. е. защищались личные ценности человека, подвергшегося сексуальному насилию. В последнюю очередь законодатель видел необходимость в защите здоровья потерпевших при половых преступлениях.

Ключевые слова: история уголовного права; объект преступления; история права; уголовное право XVIII в.; законодательство Петра I; половые преступления.

N. V. Maidanovich
Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation

THE HIERARCHY OF SEXUAL OFFENCES' OBJECTS IN MILITARY ARTICLES OF PETER I

The paper argues that by the 18th century there emerged a relatively clear hierarchical system of values protected by criminal law in the cases of sexual offences. The legal rules of that period allowed legislators to construct a system of objects of such crimes. Thus, through the analysis of legislation and works of scholars it is possible to name with much confidence the objects of sexual offences and their places in the hierarchy. The top place among the values that legislators deemed necessary to protect against offences was held by the church and the Christian religion. A further object to be protected by the state was morality closely tied with religion. The third place in terms of its significance was held by the value of personal honor, i.e. the state protected personal values of a sexually offended individual. Last of all, the legislators deemed it necessary to protect the health of sexual crimes' victims.

Keywords: history of criminal law; object of crime; history of law; criminal law of the 18th century; legislation of Peter I; sexual offences.

Согласно действующему уголовному закону человеку запрещается вступать в половую связь с другим лицом без его согласия и вопреки его воле. Ответственность за половые преступления предусматривается в гл. 18 УК РФ «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности»[1]. К данному виду преступлений законодатель относит: ст. 131 УК РФ «Изнасилование»; ст. 132 УК РФ — насильственные действия сексуального характера; ст. 133 УК РФ «Понуждение к действиям сексуального характера; ст. 134 УК РФ — половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста»; ст. 135 УК РФ «Развратные действия».

Как видно из названия гл. 18 УК РФ, уголовно-правовые нормы, содержащиеся в ней, призваны охранять половую свободу и половую неприкосновенность личности.

Следует отметить, что в научных исследованиях нет единого мнения по вопросу об объектах данного вида деяний. Так, Н. В. Тыдыкова не относит к объектам насильственных половых преступлений половую неприкосновенность. Она считает ее частью неприкосновенности личности и рассматри-

[1] Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25, ст. 2954.

© Н. В. Майданович, 2013

вает в качестве гарантии половой свободы как части свободы личности [5, с. 13]. Но при таком подходе, если следовать логике автора, половую свободу также можно исключить из числа объектов изучаемых преступлений, назвав ее частью свободы личности. Следствие такой позиции — нивелирование различий и сведение всех действий к преступлениям против личности. Необходимо задуматься — стоит ли возвращать современное уголовно-правовое регулирование сферы половых отношений к временам Русской Правды? Думается, что нет. Поэтому указанная точка зрения вряд ли оправдана.

Несмотря на неприятие изложенной позиции по поводу объекта половых преступлений, нельзя сказать, что все вопросы по этой проблеме уже разрешены окончательно. Представляется, что изучение объекта данного вида преступлений — это перспективное направление исследования как в сравнительном, так и в историко-правовом аспекте.

В частности, немалый интерес вызывает процесс формирования объекта уголовно-правовой охраны отношений, связанных с интимной жизнью населения, в российском законодательстве в период абсолютизма.

Представляется, что только к XV в. законодателю стали известны нематериальные блага, нуждающиеся в защите со стороны государства, до этого в качестве объекта преступлений назывались только материальные ценности [3, с. 57–63].

Чем более развитым становилось общество, тем сложнее и специфичнее делались объекты охраны.

К XVIII в. в законодательстве сложилась относительно четкая иерархическая система ценностей. Она отражалась в правовых актах того времени. В эту систему попали и сексуальные отношения, которые долгое время относились к исключительному ведению церкви.

Предметом исследования в данной статье является законодательство XVIII в., проанализируем нормы Воинского устава Петра I (1716). Выбор данного акта обоснован несколькими соображениями.

Во-первых, Воинские артикулы Петра I, вошедшие в Воинский устав, — первый специализированный нормативно-правовой акт, основное содержание которого составляют нормы уголовно-правового характера.

Во-вторых, именно в данном документе государство берет под свою юрисдикцию деяния, которые ранее составляли исключительно церковную сферу — сводничество, аморальное поведение, преступления сексуального характера.

В-третьих, данный документ характеризуется довольно высоким уровнем юридической техники, главы данного акта расположены в определенном порядке и каждая охватывает конкретную сферу отношений, что позволяет ставить и решать вопрос об объектах каждого вида преступлений.

В Воинский устав Петра I была включена гл. XX «О содомском грехе, о насилии и блуде»[1]. Артикулы, содержащиеся в этой главе, предусматривали ответственность за половые преступления. В частности, установлена ответственность за однополые связи между мужчинами: «Ежели кто отрока осквернит, или муж с мужем мужеложствует … имеют быть наказаны. Ежели же насильством то учинино, тогда смертию или вечно на галеру ссылкою наказать»[2]; за традиционные сексуальные акты, совершенные с помощью насилия: «Ежели кто женской пол, старую или молодую, замужнюю или холостую в неприятельской или дружеской земли изнасильствует, и освидетельствуется, оному голову отсечь, или вечно на галеру послать, по силе дела»[3]; а также за другие, хоть и не насильственные, половые связи, которые, тем не менее, нарушают таинство брака и семейную целостность (прелюбодеяния). Кроме этого, в данной главе предусмотрена ответственность за скотоложство (зоофилия): «Ежели смешается человек со скотом и безумною тварию и учинить скверность, онаго жестоко на теле наказать»[4]. Следует отметить, что именно с этого деяния начинается данная глава.

Что же являлось объектом уголовно-правовой охраны при совершении этих деяний и что представляло наибольшую ценность для законодателя?

Можно выделить несколько предполагаемых объектов.

1. Исходя из анализа структуры самого документа и расположения названных артикулов в изучаемой главе, одним из объектов государственной охраны следует назвать *христианскую веру* или церковь, но не как общественный институт, а как проявление велений Божиих.

Так, гл. I Воинского устава «О страхе Божии»[5] устанавливает ответственность за различные деяния, связанные с чаро-

[1] Полное собрание законов Российской империи (1649–1825) : в 45 т. — СПб., 1830. — Т. 5 : 1713–1719. — С. 370.

[2] Там же.

[3] Там же. — С. 370–371.

[4] Там же.

[5] Там же. — С. 320.

действом и идолопоклонничеством, т. е. нарушающие христианское учение, гл. II регламентирует проведение богослужений и предусматривает ответственность за нарушение установленных порядков. Это говорит о том, какое значение имела религия в XVIII в. Вера и Божественные учения, очевидно, представляли высшую ценность, а потому в первую очередь законодатель предусмотрел ответственность за деяния, нарушающие церковные каноны. Считаем, что по этому же принципу установлена ответственность за различные деяния и в главах Воинского устава.

Следует обратить внимание на само название гл. XX — «О содомском грехе, о насилии и блуде». Несмотря на то, что законодателю уже известен термин «мужеложство», ответственность в ней предусматривается именно за «содомский грех».

Словосочетание «содомский грех» берет свое начало из Библии. В Ветхом завете в книге «Бытие» описывается уничтожение городов Содома и Гоморры за то, что жители этих городов вели «безобразный, развратный, противоестественный, греховный образ жизни, предавались наслаждениям, совокуплениям. За это Господь их наказал таким страшным наказанием — с неба сошел огонь, поразил всех жителей, и на месте этих городов появилось море»[1]. В Новом завете так же говорится о грехе жителей уничтоженных городов: «Как Содом и Гоморра и окрестные города, подобно им блудодействовавшие и ходившие за иною плотию, подвергшись казни огня вечного, поставлены в пример» [Иуда 1:7]. Разрушение Содома и Гоморры является примером и доказательством того, как Господь Бог судит и наказывает грех: «Если кто ляжет с мужчиною как с женщиною, то оба они сделали мерзость: да будут преданы смерти, кровь их на них» [Левит 20:13].

Очевидно, законодатель, используя слова «содомский грех», хотел особо указать на греховность мужеложства.

2. С пониманием греховности связан еще один объект — *нравственность*, что объясняется влиянием церкви на общество.

Со времен крещения Руси церковь преследовала цель повышения нравственности населения. Н. К. Соколов отмечал, что «ее отношения к гражданскому обществу во все времена были преимущественно нравственныя» [4, с. 68], тоже пишет и Э. В. Георгиевский: «церковь взяла под свою юрисдикцию изначально именно те объекты уголовно-правовой охраны, которые оказались незащищенными светским уголовным законодательством. Это были отношения морали, нравственности, семьи, церковные и религиозные устои и догматы» [1, с. 42].

Исходя из того, что нравственность — это качество, присущее как одному человеку, так и всему обществу, можно предположить, что в случае с добровольным мужеложством вред причинялся исключительно общественной нравственности, так как население XVIII в. вслед за церковью не одобряло поведения, нарушающего нормальный уклад половых отношений.

При насильственном мужеложстве и при изнасиловании вред причиняется не только нравственности общественной, но и нравственности потерпевшего, его внутренней установке восприятия окружающего мира. Связано это с тем, что деяние, совершенное с ним, может оставить неизгладимый след в его внутреннем восприятии жизни.

3. Следующим объектом, которому причинялся вред, следует назвать *честь* потерпевших, если таковые присутствуют (например, при добровольном мужеложстве потерпевшей стороны нет). О ценности чести женщины свидетельствуют примечания к артикулу 167, в котором даются указания как необходимо поступать если о изнасиловании заявляет «скверная» женщина. «Скверныя женщины обыкновенно, когда в своих скверностях иногда многие скверности учинят, предлагают, что насильством чести своей лишены и насильствованы: тогда судье их такому предложению вскоре не подлежит верить»[2]. Можно предположить, что честь мужчины и женщины ценилась одинаково, это явствует из санкций за насильственное мужеложство и за изнасилование. В обоих случаях предусмотрена либо смертная казнь, либо вечная ссылка на галеру.

4. С известной долей условности можно выделить в законодательстве и такой объект, как *здоровье*. Однако, судя по всему, он играет незначительную роль.

Думается, что здоровье людей, подвергшихся насилию, было дополнительным объектом правовой охраны.

Это подтверждается тем, что о причинении вреда этому благу говорится только в толковании к артикулу 167, а не в самой норме. Текст же толкования косвенно указывает на данный объект, когда перечисляются доказательства изнасилования: «А та-

[1] URL : http://orthodox.etel.ru/2006/48/arhip.htm.

[2] Полное собрание законов Российской империи (1649–1825). — Т. 5. — С. 371.

кие обстоятельства меж другим могут сии быть: (1) Ежели у женщины или у насильника или у них обоих найдется, что платье от обороны разодрано. (2) Или у единаго, или другаго, или синевы или кровавые знаки найдутся»[1]. Судя по построению текста, свидетельств нанесения ущерба здоровью может и не быть. Вполне возможно, что такую ситуацию законодатель рассматривает как не нанесшую вреда здоровью потерпевшего, следовательно, не всегда здоровье признается объектом преступления.

В заключение проведенного анализа отметим, что законодательство XVIII в. предусматривало несколько объектов половых преступлений, но выстроить четкую иерархию ценностей, подлежащих уголовно-правовой охране при совершении половых преступлений, в XVIII в. невозможно, допустимо лишь более или менее корректно истолковать намерения законодателя.

Связано это, во-первых, с той ролью, которую играла церковь в вопросах управления обществом. Религиозное влияние было очень велико, что, конечно же, отразилось в законодательстве. Но, признавая первенство за церковными правилами и верой как важнейшим объектом охраны, нельзя не учесть, что «с Петра начинается новый период — церковное законодательство стало иначе развиваться. Оно состоит главным образом в зависимости от государственной власти» [2, с. 15]. Также следует отметить, что Петром I были приняты попытки отделить грех от преступления, т. е. он старался придать светский характер преступным деяниям. «Петр I, как правило, отделял понятие греха от понятия преступления и потому не рассматривал половые извращения как тягчайшие преступления, влекущие смертную казнь»[2].

Во-вторых, важным фактором, препятствующим построению четкой системы объектов уголовно-правовой охраны, было недостаточное развитие науки того времени. Оно не позволило законодателю четко разграничить ценности, связанные с интимной жизнью населения и подлежащие уголовно-правовой охране. Об этом свидетельствует тот факт, что уголовные деяния против половой неприкосновенности (очень серьезные преступления как в прошлом, так и в настоящем) находятся в одной главе с деяниями аморальными, но не настолько опасными как насильственные сексуальные акты (такие как прелюбодеяние, двоеженство и т. д.). Например, артикул 175 включает норму, запрещающую пребывание в воинских частях женщин легкого поведения (блудниц), артикул 177 содержит меру административно-полицейского характера — запрещает непристойные разговоры и песни[3].

Несмотря на отмеченные сложности, можно выделить более или менее точную иерархию объектов, которые охранял законодатель XVIII в., предусматривая ответственность за «содомский грех» и насилие. Представляется, что важнейшим объектом, занимающим первое место среди охраняемых отношений, была христианская религия; второе место отводилось нравственности; далее как объект следовала честь, одинаково ценная как для мужчин, так и для женщин; и наконец, в качестве менее значительного объекта охраны выступает здоровье.

[1] Полное собрание законов Российской империи (1649–1825). — Т. 5. — С. 371.

[2] Памятники русского права. Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. — 1961. — Вып. 8. — С. 439.

[3] Российское законодательство X–XX веков. Законодательство периода становления абсолютизма : в 9 т. — М., 1986. — Т. 4. — С. 384.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Георгиевский Э. В.* История уголовного права России : курс лекций. — Иркутск, 2004. — 252 с.
2. *Лукренин М.* Конспект церковнаго права. — СПб., 1900. — 67 с.
3. *Майданович Н. В.* О развитии объекта преступления в уголовном праве России в IX–XV веках // Современные проблемы правотворчества и правоприменения : сб. науч. тр. — М., 2012. — Вып. 9. — 283 с.
4. *Соколов Н. К.* О влиянии церкви на историческое развитие права. — М., 1870. — 103 с.
5. *Тыдыкова Н. В.* Насильственные половые преступления: обоснованность криминализации и квалификация по объективным признакам : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08. — Тюмень, 2008. — 23 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Майданович Наталья Владимировна (Иркутск) — преподаватель кафедры теории и истории государства и права. Иркутский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: rpa38@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUHTOR

Maidanovich, Natalya Vladimirovna (Irkutsk) — Instructor, Chair of Theory and History of State and Law. Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Nekrasova st., 4, Irkutsk, 664011, e-mail: rpa38@mail.ru)

УДК 343.98
ББК 67.409

И. В. Медведев
Иркутский юридический институт (филиал)
Российской правовой академии Минюста России

КОМПЬЮТЕРНАЯ КРИМИНАЛИСТИКА «ФОРЕНЗИКА» И КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ

Рассматриваются проблемы борьбы с компьютерными преступлениями. Показано, что существенными условиями для предотвращения и успешного расследования таких преступлений является совершенствование правовой базы и развитие компьютерной криминалистики — форензики.

Ключевые слова: компьютерное преступление; киберпреступность; компьютерная криминалистика; форензика.

I. V. Medvedev
Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation

COMPUTER CRIMINALISTICS «FORENSICS» AND CYBERCRIMES IN RUSSIA

The author examines the issues of fighting computer crimes and shows that the improvement of legislative support and the development of computer criminalistics — forensics — are important conditions for the prevention and successful investigation of such crimes.

Keywords: computer crimes; cybercrimes; computer criminalistics; forensics.

В конце 1970-х гг. с появлением первых персональных компьютеры, предназначенных для эксплуатации одним пользователем в его личных интересах, началась массовая компьютеризация и информатизация общества, а с развитием в начале 1990-х гг. сети общего пользования Интернет увеличилось количество киберпреступлений — преступлений, осуществляемых с использованием персонального компьютера.

В широком смысле, под компьютерным преступлением (киберпреступлением) следует понимать запрещенные уголовным кодексом под угрозой наказания виновно совершенные общественно опасные деяния, объектом преступных посягательств которых являются информационные правоотношения, связанные с правомерным использованием охраняемой законом компьютерной информации [2, с. 93]. Спектр видов киберпреступлений обширен: интернет-мошенничество, DoSатаки, создание вредоносного программного обеспечения, нарушение авторских прав и т. д. В рамках Всемирной паутины географическое местоположение злоумышленника не играет роли, преступления, содеянные в одной стране, могут совершаться людьми, находящимися в любой другой.

Для борьбы с нарастающей проблемой киберпреступности организовали новый раздел криминалистики — компьютерная криминалистика. В США компьютерная криминалистика получила название «computerforensics», что дословно переводится как «компьютерная экспертиза». При заимствовании слова из английского языка произошло сужение значения, поэтому в русском языке «форензика» означает не криминалистику в общем, а именно компьютерную криминалистику [3].

Форензика занимается сбором, исследованием, оценкой следов преступлений в компьютерной области, а также разрабатывает систему специальных приемов, методов и средств, применяемых в ходе предварительного следствия для предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, а также при рассмотрении уголовных дел в судах.

Из-за исторических особенностей компьютерные технологии в России развивались медленнее, чем во всем мире, поэтому появление киберпреступности осталось практически незамеченным. В начале 2000-х гг. компьютеризация России поднялась на достаточно высокий уровень, т. е. когда весь мир уже активно боролся с киберпреступностью, Россия только стала знакомиться с ней, столкнувшись с вполне сформированной преступной деятельностью в сфере информационных технологий, развивавшейся в других странах постепенно.

© И. В. Медведев, 2013

Согласно исследованиям управления «К» МВД России в 2012 г. количество киберпреступлений в России выросло на 28 % по сравнению с 2011 г., чаще всего хищение финансовых средств происходило из систем дистанционного банковского обслуживания, а также со счетов физических лиц в банках[1].

По данным Group-IB, финансовые показатели оборота мирового рынка компьютерной преступности в 2011 г. составили 12,5 млрд дол. На долю русских хакеров пришлось 4,5 млрд дол., из них 2,3 млрд дол. составляют доходы от киберпреступлений, совершенных непосредственно на территории РФ. В число данных преступлений вошли:

1. Интернет-мошенничество — 942 млн дол. (41 %):

– мошенничество в системах интернет-банкинга — 490 млн дол. (21,3 %);

– обналичивание денежных средств — 367 млн дол. (16 %);

– фишинг — 55 млн дол. (2,4 %);

– хищение электронных денег — 30 млн дол. (1,3 %).

2. Спам — 830 млн дол. (36,1 %):

– спам — 553 млн дол. (24 %);

– медикаменты и различная контрафактная продукция — 142 млн дол. (6,2 %);

– «поддельное» — 135 млн дол. (5,9 %).

3. Внутренний рынок — 230 млн дол. (10 %):

– продажа трафика –153 млн дол. (6,6 %);

– продажа эксплойтов — 41 млн дол. (1,8 %);

– продажа загрузок — 27 млн дол. (1,2 %);

– анонимизация — 9 млн дол. (0,4 %).

4. DDoS-атаки — 130 млн дол. (5,6 %).

5. Иное — 168 млн дол. (7,3 %).

Согласно ежегодному докладу NortonCybercrimeReport, сделанному на основе онлайн-опроса летом 2012 г., среди жителей 24 стран 92 % пользователей из России становятся жертвами киберпреступлений в возрасте от 18 до 64 лет[2].

Всего от рук киберпреступников пострадали 556 млн пользователей Интернета (1,5 млн жертв в день). Совокупный ущерб пользователей Symantec оценила в 110 млрд дол., а от атаки на одного человека — около 200 дол. (в России — 2 тыс. р.).

С 2011 г. по 2012 г. 76 % российских пользователей стали жертвами вирусов, хакерских атак, вредоносного программного обеспечения, мошенничества, киберкраж (в среднем по миру этот показатель не превышает 46 %), у 43 % пользователей взломали аккаунт в социальных сетях. Однако стоит учитывать, что приведенные данные основываются на статистическом опросе людей и не отражают картину в полной мере.

Одна из причин сложившегося положения кроется в безразличном отношении самих пользователей к собственной безопасности. Так, согласно тому же докладу NortonCybercrimeReport, 30 % опрошенных не задумываются о киберугрозах, поскольку не ожидают, что это может случиться с ними, 21 % не принимают никаких действий, чтобы защитить персональную информацию в Интернете, а 40 % не знают, что вредоносное программное обеспечение может работать, не нарушая основных функций компьютера. Больше половины опрошенных пользователей (63 %) в России получают уведомление о необходимости сменить пароль, для того чтобы сделать его более безопасным. Так, 32 % опрошенных получили уведомление от почтовых сервисов, а ведь если преступник получит доступ к почтовому аккаунту, то он сможет получить доступ не только к личной или корпоративной информации, но и к другим аккаунтам, зарегистрированным на данный почтовый адрес.

Другой причиной активного роста киберпреступлений в России является малое количество экспертов-форензиков и существующая законодательная база. Причем основная проблема законодательства не в том, что оно слабо развито, а в том, что оно развивается медленно. Так, например, только в последней редакции Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации» даны определения таким терминам, как сайт, хостинг, владелец сайта и др.

В связи с несовершенством законодательства, наблюдались случаи, когда дела не возбуждались несколько лет. Всем понятно, что без места преступления нет и самого преступления. Но как быть, если злоумышленник украл деньги у банка в Москве, обналичил их в любом другом городе, а сам при этом находится в Иркутске[3]? Как в этом

[1] URL : http://www.securitylab.ru/news/437301.php.

[2] Nortoncybercrimereport 2012. — URL : http://now-static.norton.com/now/en/pu/images/Promotions/2012/cybercrimeReport/2012_Norton_Cybercrime_Report_Master_FINAL_050912.pdf.

[3] Киберпреступность в России. — URL : http://www.youtube.com/watch?v=qvQNe8dfSTI; DLPexpertRu. — URL : http://www.youtube.com/user/DLPexpertRu?feature=watch; Group-IB: Cyber Crimes Investigation. — URL : http://www.youtube.com/user/GroupIB?feature =watch.

случае определить место преступления? Не прояснив этот вопрос, уголовное дело не возбудишь.

Еще одной причиной является сбор улик. Если у криминалиста, собирающего улики на месте преступления, где была совершена обычная кража, не возникает вопросов, как и чем собирать улики, поскольку процедура их сбора хорошо описана в литературе и отработана годами практики, то специалист в области киберпреступлений не обладает такой информацией. Форензик как обладатель специальных знаний должен понимать и знать тонкости сбора улик из различных источников. Собираемые в компьютере улики — это сведения, которые по природе своей нематериальны, и только они являются уликой, а не их материальный носитель.

Например, если взять оперативную память, то мы знаем, что она регенерируется раз в несколько миллисекунд (записанные там сигналы фактически стираются и записываются вновь) [2]. Кроме того, память энергозависима, соответственно, при перезапуске персонального компьютера теряются все данные текущей сессии. Для эффективной работы специалиста-форензика требуются отлаженные механизмы сбора улик, подкрепленные не только знаниями, но и соответствующими инструментами.

Такими инструментами могут служить различные специальные программные продукты:

– AccessDataForensicToolkit — программное обеспечение для проведения компьютерных экспертиз, для анализа дампа оперативной памяти, использует мощный инструмент поиска, осуществляет архивацию данных и проводит полное исследование компьютера в рамках судебной экспертизы;

– BrowserForensicTool — инструмент для извлечения информации о действиях пользователя из различных браузеров;

– TheSleuthKit (TSK) — библиотеку консольных программ, предназначенных для проведения анализа данных на произвольных файловых системах. Используя это программное обеспечение, следователи могут идентифицировать и восстановить удаленные данные из образов, снятых во время расследования или с работающих систем;

– EncryptedDiskDetector — программа, которая помогает найти на локальном компьютере скрытые зашифрованные тома TrueCrypt, PGP и Bitlocker, используя подпись/сигнатуру шифрования диска в главной загрузочной области.

Описанные инструменты по большей части применяются после совершения преступления, однако существуют программные продукты, позволяющие специалисту-форензику зафиксировать момент совершения преступления и собрать необходимые доказательства. Такими программными продуктами являются различные DLP-системы (DataLossPrevention), созданные для предотвращения утечек конфиденциальной информации за пределы корпоративной сети. DLP-системы (Securit ZGate, InfoWatch Traffic Monitor, Symantec Data Loss Prevention, Search Inform Контур информационной безопасности, FalconGaze SecureTower) строятся на анализе потоков данных, выходящих за пределы корпоративной сети, в случае обнаружения передачи конфиденциальной информации такие системы либо блокируют передачу данных, либо посылают уведомления офицеру безопасности[1].

Кроме того, причиной роста количества киберпреступлений можно считать активный рост количества пользователей сети Интернет. Так по статистическим данным «Фонда общественного мнения»[2] количество людей выходящих в сеть Интернет хотя бы раз в месяц в конце 2011 г. составило 57,8 млн чел. (50 % населения), а в конце 2012 г. уже 64,4 млн чел. (55 % населения). То есть годовой прирост интернет-пользователей, выходящих в сеть хотя бы раз за месяц, составил 11 %.

Подводя итог, можно сделать вывод, что киберпреступность в России активно развивается. В значительной степени этому способствует недостаток специалистов-форензиков, проблемы в законодательстве, а также постоянный приток новых пользователей сети Интернет, большинство из которых по статистике станут жертвами киберпреступников по своей же халатности. Например, если в РФ в 2011 г. зафиксировали 2 123 киберпреступлений, связанных с хищением денег у пользователей, то в 2012 г. таких преступлений было зарегистрировано 3 645[3].

Следовательно, если противодействие останется на таком же уровне, как и сейчас — Россия займет лидирующее место в мире по количеству совершаемых киберпреступлений.

---

[1] Выбираем DLP-систему для средней организации. — URL : http://habrahabr.ru/post/141000/.

[2] Интернет в России: динамика проникновения. Осень 2012. — URL : http://runet.fom.ru/Proniknovenie-interneta/10738.

[3] URL : http://www.securitylab.ru/news/437301.php.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пархомов В. А.* К определению понятия «информационное преступление» // Вестник Иркутской государственной экономической академии. — 2001. — № 1. — С. 92–96.

2. *Федотов Н. Н.* Форензика — компьютерная криминалистика. — М., 2007. — 360 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Медведев Илья Валерьевич (Иркутск) — преподаватель кафедры гуманитарных и информационных дисциплин. Иркутский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: miv-mail@bk.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Medvedev, Ilya Valeryevich (Irkutsk) — Instructor, Chair of the Humanities and Information Disciplines. Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Nekrasova st., 4, Irkutsk, 664011, e-mail: miv-mail@bk.ru)

УДК 343.1
ББК 67.410.2

А. В. Чубыкин
Прокуратура Санкт-Петербурга

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с законодательным регулированием надзорной деятельности прокурора в уголовном процессе. Отмечается, что способ законодательного закрепления полномочий прокурора нельзя признать способствующим эффективности осуществления надзора в стадии возбуждения уголовного дела. Исходя из того, что эффективность деятельности прокурора зависит от качества регулирующих ее правовых норм, отмечается, что полномочия прокурора должны быть детально закреплены в уголовно-процессуальном законе, неоправданной является чрезмерная роль подзаконных нормативных актов в регулирования деятельности прокурора в уголовном процессе. Указаны некоторые недостатки уголовно-процессуального закона в этой части, и предложено внесение изменений в УПК РФ для устранения этих недостатков.

Ключевые слова: уголовный процесс; полномочия прокурора; стадия возбуждения уголовного дела.

A. V. Chubykin
Public Prosecutor's Office of Saint-Petersburg

TO THE ISSUE OF LEGISLATIVE REGULATION OF PUBLIC PROSECUTOR'S JURISDICTION IN A CRIMINAL PROCESS

The paper is devoted to the issues of legislative regulation of a public prosecutor's supervisory functions in a criminal process. The author stresses that the way legislation supports public prosecutor's jurisdiction cannot be acknowledged as the one contributing to the efficiency of supervision at the stage of initiating criminal proceedings. Assuming that the efficiency of a public prosecutor's work depends on the quality of its legislative support, the author notes that a public prosecutor's powers should be thoroughly described in the criminal procedure law and that the exaggerated role of subordinate legislation in regulating public prosecutor's role in a criminal process is not justified. The author also points out some drawbacks in the criminal procedure law regarding this issue and proposes changes in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to eliminate them.

Keywords: criminal process; public prosecutor's jurisdiction; the stage of initiating criminal proceedings.

Важной гарантией обеспечения законности и обоснованности возбуждения уголовных дел является деятельность прокурора в уголовном процессе, осуществляемая в форме надзора за неукоснительным исполнением законов органами дознания и предварительного следствия.

Изменения уголовно-процессуального закона в части правового регулирования прокурорского надзора на стадии возбуждении уголовного дела в целом свидетельствуют о значимости прокурорского надзора в области повышения эффективности деятельности органов, осуществляющих расследование, и в обеспечении прав человека и гражданина на первоначальной стадии уголовного судопроизводства. Приказ Генпрокуратуры РФ «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» от 2 июня 2011 г. № 162 также требует считать приоритетным направлением деятельности прокурора защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а равно защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения.

В ст. 29 ФЗ РФ «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-I[1] указаны три направления надзорной деятельности прокурора в стадии возбуждения уголовного дела:

– соблюдение прав и свобод человека и гражданина;

– законность порядка рассмотрения сообщений о преступлениях;

[1] Российская газета. — 1992. — 18 фев.

© А. В. Чубыкин, 2013

– законность решений.

Поэтому предметом прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела является точное исполнение законов органами дознания и предварительного следствия при осуществлении деятельности по приему и разрешению сообщений о преступлениях, а также защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а равно защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения. При этом содержание понятия «исполнение законов» достаточно широко и может выражаться как в действиях (бездействии), так и в правовых актах [6, с. 11], а также включать в себя «как активную деятельность по осуществлению предписаний закона, так и соблюдение законов, как следование запретам, установленным в законе» [7, с. 8]. Соглашаясь с основной мыслью, содержащейся в приведенных суждениях, считаем необходимым отметить закравшуюся в рассуждение Т. Г. Николаевой грубую ошибку. Представляется, что «следовать запретам» — это значит нарушать установленные законом требования. Учитывая, что под запретами понимаются недопустимые действия, очевидно, что следовать недопустимым действиям противоправно. Исполнение законов — деятельность в рамках закона. Законодательные запреты определяют границы, за которыми поведение перестает быть законным и становится незаконным.

Проверка исполнения законов в стадии возбуждения уголовного дела представляет собой комплекс активных целенаправленных мероприятий (действий), осуществляемых прокурором в процессе реализации предоставленных ему Федеральным законом «О прокуратуре РФ» и уголовно-процессуальным законодательством полномочий. Поэтому особенностью прокурорской деятельности в сфере уголовного судопроизводства является то, что эта деятельность всегда протекает строго в форме реализации полномочий, установленных уголовно-процессуальным законом. Следовательно, эффективность деятельности прокурора во многом обусловлена качеством регулирующих ее правовых норм.

Некоторые ученые полагают, что полномочия прокурора должны устанавливаться отдельно для каждой стадии уголовного процесса [9, с. 211]. В связи с этим предлагается в разд. VII УПК РФ «Возбуждение уголовного дела» внести отдельную ст. 145[1], регламентирующую полномочия прокурора по осуществлению надзора в стадии возбуждения уголовного дела «Полномочия прокурора при осуществлении надзора в стадии возбуждения уголовного дела» [4, с. 94].

Такое предложение представляется излишним, поскольку в уголовно-процессуальном законе содержится отдельная статья (ст. 37 УПК РФ), определяющая полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве. Как без сомнения справедливо указывал в этой связи Е. В. Васьковский, не только логическая связь с другими нормами, но и *место*, занимаемое нормой среди них и вообще в системе законодательства, отражается на ее значении (курсив наш. — *А. Ч.*). Смотря по тому, в каком разделе, в какой главе, между какими нормами помещено данное правило, оно получает разный смысл, расширяясь или стесняясь в круге своего действия, приобретая те или иные оттенки. «В законах рубрика каждой главы служит для содержащихся там постановлений тем же, чем является знамя для солдат, принадлежащих к какому-нибудь отряду: она определяет предмет и объем своих постановлений» (Roels) [2, с. 54].

Считаем, что именно ст. 37 УПК РФ должна являться таким «знаменем» и содержать в себе исчерпывающий перечень полномочий прокурора на всех стадиях уголовного процесса, а в необходимых статьях разделов, регулирующих производство по уголовному делу, должны быть только ссылки на соответствующие полномочия прокурора, относящиеся к данным статьям. Например, если предположить, что в п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ перечислены все полномочия прокурора и их ограничения по отмене незаконных и необоснованных постановлений нижестоящего прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, то, соответственно, ч. 6 ст. 148 УПК РФ необходимо сформулировать следующим образом: «Признав постановление органа дознания, дознавателя, руководителя следственного органа, следователя об отказе в возбуждении уголовного дела незаконным и необоснованным, прокурор отменяет его в порядке п. 6 ч. 2 ст. 37 настоящего Кодекса». Представляется, что такая ссылка конкретнее формулировки «в порядке, установленном настоящим Кодексом»: во-первых, в уголовно-процессуальном законе не будет такого «разброса» статей, закрепляющих полномочия прокурора (ст. 37, 123, 124, 140, 146, 147, 148 УПК РФ); во-вторых, сами статьи станут конкретнее и лаконичнее; и в-третьих, что также немаловажно, произойдет экономия интеллектуальных усилий правоприменителя. В свою

очередь, разд. VII УПК РФ «Возбуждение уголовного дела» должен содержать детальную регламентацию деятельности органов дознания и предварительного следствия на всех этапах стадии возбуждения уголовного дела, надзор за законностью которой возложен на прокурора.

Учеными-процессуалистами отмечается, что баланс нормативного регулирования деятельности прокурора и иных субъектов уголовного судопроизводства на этой стадии должен быть закономерно перераспределен в пользу урегулированности именно законодательством, а не подзаконными нормативными актами, поскольку их чрезмерная роль в регулировании стадии возбуждения уголовного дела и надзора прокурора за законностью этой стадии является неоправданной [3, с. 18].

Данная точка зрения представляется обоснованной. Так, в ч. 4 ст. 146 УПК РФ сформулировано требование к руководителю следственного органа, следователю, дознавателю о незамедлительном направлении копии постановления о возбуждении уголовного дела прокурору, но не содержится требования о направлении прокурору и материалов проверки сообщения о преступлении, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела. В связи с этим возникает вопрос, когда прокурор должен получить эти материалы, чтобы он смог в срок не позднее 24 часов с момента их получения, отменить постановление о возбуждении уголовного дела, если признает его незаконным и необоснованным? Ответа на данный вопрос закон не содержит.

Если в УПК РСФСР право прокурора требовать от органов дознания и предварительного следствия для ознакомления любые документы, материалы и иные сведения о совершенных преступлениях было отдельно закреплено в п. 1 ч. 1 ст. 211, то из УПК РФ прямые указания по этому вопросу исключены. Тем не менее, логически это право вытекает из анализа положений ст. 37 УПК РФ, поскольку без изучения соответствующих документов практически невозможно реализовать предписания п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ о проверке исполнения законов при приеме, регистрации, разрешении сообщений о преступлениях.

Такое право прокурора закреплено не в уголовно-процессуальном законе, а в Приказе Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» от 2 июня 2011 г. № 162:

«1.4. Обеспечить надлежащий надзор за исполнением органами предварительного следствия требований ч. 4 ст. 146 УПК РФ о незамедлительном направлении прокурору копии процессуального решения о возбуждении уголовного дела, а также за законностью вынесенного постановления.

В необходимых случаях истребовать у следственных органов материалы, на основании которых были приняты указанные процессуальные решения»[1].

Подобный способ законодательного закрепления полномочий прокурора нельзя признать способствующим эффективности осуществления надзора в стадии возбуждения уголовного дела.

Законодателем установлен приоритет УПК РФ перед иными федеральными законами в регулировании уголовно-процессуальных отношений. Такое установление, не нарушая прерогатив федерального законодателя вносить изменения и дополнения в действующее законодательство, облегчает работу правоприменителя, поскольку законодательство становится обозримым и тем самым существенно снижаются риски искажения аутентичной воли законодателя [5, с. 46].

Кроме этого, Федеральный закон РФ «О прокуратуре» от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ ввел новый п. 5^1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, наделяющий прокурора полномочием «истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела»[2], который изложен явно некорректно, поскольку «истребовать законность» невозможно.

Для устранения указанных недостатков уголовно-процессуального закона предлагается изложить данную норму в следующей редакции:

«5^1) истребовать материалы проверки сообщений о преступлении, материалы уголовного дела и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с настоящим Кодексом».

Как справедливо отмечает Е. А. Суханов, в отличие от действующих российских

[1] СПС «КонсультантПлюс».

[2] Там же.

законов «советские тексты законов можно сейчас ругать по существу, но по форме они написаны прекрасно — четко, ясно и понятно» [8, с. 65]. Поэтому четкое, однозначное и детальное закрепление в УПК РФ процессуальных полномочий прокурора в значительной степени будет способствовать активизации его надзорной деятельности, поскольку прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов расследования является средством, обеспечивающим законность этой деятельности на стадии возбуждения уголовного дела, а также средством, реализации гражданами гарантированного Конституцией РФ права на доступ к правосудию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Буглаева Е. А.* Участие прокурора в ходе предварительного следствия : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. — Челябинск, 2011. — 23 с.

2. *Васьковский Е. В.* Руководство к толкованию и применению законов. — М., 1997. — 128 с.

3. *Веретенников Н. В.* Обеспечение прокурором законности в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. … д-ра. юрид. наук : 12.00.09. — Ростов-на/Д, 2009. — 26 с.

4. *Исламова Э. Р.* Процессуальные полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. — Иркутск, 2009. — 202 с.

5. *Кондрат И. Н.* Рассмотрение жалоб прокурором и руководителем следственного органа в порядке статьи 124 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: проблемы законодательного регулирования и правоприменительной практики досудебного производства по уголовным делам // Вестник Российской правовой академии. — 2012. — № 4. — С. 45–51.

6. *Назаров С. Н.* Прокурорский надзор в РФ. — М., 1998. — 128 с.

7. *Николаева Т. Г.* Прокурорский надзор за дознанием : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. — СПб. , 2000. — 216 с.

8. *Суханов Е. А.* Тексты современных законов, особенно ражданских, не выдерживают никакой критики // Закон. — 2012. — № 9. — С. 64–69.

9. *Ткачев И. В.* Некоторые вопросы, касающиеся полномочий прокурора при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов расследования // Общество и право. — 2008. — № 1. — С. 209–212.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чубыкин Александр Викторович (Санкт-Петербург) — государственный советник юстиции 3 класса, заместитель прокурора. Прокуратура Санкт-Петербурга (190000, г. Санкт-Петербург, ул. Почтамтская 2/9, e-mail: vstp04@yandex.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUHTOR

Chubykin, Aleksandr Viktorovich (Saint-Petersburg) — State Councilor of Justice, 3rd class, Deputy Public Prosecutor. Public Prosecutor's Office of Saint-Petersburg (Pochtamtskaya st., 2/9, Saint-Petersburg, 190000, vstp04@yandex.ru)

Таблица 1

Состояние преступности в регионах России в первом полугодии 2013 г.

Регион	Зарегистрировано преступлений		Из числа преступлений, дела и материалы о которых находились в производстве			
			Раскрыто		Не раскрыто	
	Всего	Темп прироста, %	Всего	Темп прироста, %	Всего	Темп прироста, %
Центральный ФО	**267 784**	**–3,8**	**143 199**	**0,3**	**117 094**	**–6,1**
Белгородская область	7 785	–1,8	4 816	4,5	2 487	0,0
Брянская область	10 013	–2,0	6 806	–0,5	2 730	7,1
Владимирская область	9 376	–16,8	6 996	–3,2	2 448	–40,7
Воронежская область	14 319	1,7	7 291	–6,2	6 282	32,9
Ивановская область	7 473	–10,3	4 559	3,4	3 128	–3,7
Калужская область	7 672	4,5	4 006	–5,3	3 168	9,4
Костромская область	4 304	–11,2	3 143	–6,2	772	–5,7
Курская область	7 159	–9,4	5 068	3,0	1 693	–29,4
Липецкая область	6 889	1,6	4 446	7,2	1 931	–2,3
г. Москва	88 096	2,6	30 634	14,4	55 101	–1,5
Московская область	54 945	–3,6	32 378	–6,2	22 915	0,3
Орловская область	5 929	–17,8	3 793	–6,2	1 615	–25,3
Рязанская область	5 099	12,6	3 499	31,4	1 125	–31,2
Смоленская область	8 007	–13,1	5 547	–14,3	2 134	–23,8
Тамбовская область	5 895	–5,0	4 494	–3,1	1 238	–5,4
Тверская область	10 351	–23,3	6 078	–4,0	3 985	–48,6
Тульская область	6 741	–8,5	4 842	–4,1	1 620	–3,7
Ярославская область	7 731	–12,4	4 803	–0,1	2 722	–17,5
Северо-Западный ФО	**100 924**	**–1,4**	**59 171**	**0,7**	**36 410**	**–2,1**
Республика Карелия	5 679	–9,0	3 406	–12,0	1 688	–11,0
Республика Коми	9 462	14,5	6 490	7,6	2 567	56,0
Архангельская область (с АО)	10 803	–6,7	6 443	–3,7	4 104	–6,0
Архангельская область (без АО)	10 572	–6,1	6 222	–3,7	4 030	–5,3
Ненецкий АО	231	–28,9	221	–2,6	74	–33,3
Вологодская область	12 181	–0,4	7 074	8,2	3 947	–9,2
Калининградская область	7 348	–0,3	3 753	3,1	3 492	4,3
Ленинградская область	10 365	–3,9	6 546	–3,3	3 263	–17,9
г. Санкт-Петербург	27 559	2,8	14 076	2,2	11 858	9,8
Мурманская область	6 867	–7,1	4 350	–10,1	2 044	–21,7
Новгородская область	5 898	–4,4	4 292	15,6	1 745	–12,0
Псковская область	4 762	–13,5	2 741	–6,4	1 702	–23,4
Северо-Кавказский ФО	**38 760**	**–0,8**	**25 658**	**0,4**	**9 688**	**–7,3**
Ставропольский край	17 994	–0,8	11 786	–2,5	5 889	–5,9
Республика Ингушетия	972	10,8	583	8,2	288	19,5
Республика Дагестан	7 718	3,4	5 219	2,4	1 062	–4,1
Кабардино-Балкарская Республика	4 637	–1,1	2 617	7,2	1 479	0,9
Республика Северная Осетия — Алания	3 402	–5,4	2 470	14,1	413	–46,0
Карачаево-Черкесская Республика	1 952	–2,7	1 306	–9,2	347	–9,2
Чеченская Республика	2 085	–9,3	1 677	–6,2	210	–8,7
Южный ФО	**267 784**	**–3,8**	**143 199**	**0,3**	**117 094**	**–6,1**
Краснодарский край	7 785	–1,8	4 816	4,5	2 487	0,0
Астраханская область	10 013	–2,0	6 806	–0,5	2 730	7,1

Окончание табл. 1

Регион	Зарегистрировано преступлений		Из числа преступлений, дела и материалы о которых находились в производстве			
			Раскрыто		Не раскрыто	
	Всего	Темп прироста, %	Всего	Темп прироста, %	Всего	Темп прироста, %
Волгоградская область	9 376	–16,8	6 996	–3,2	2 448	–40,7
Ростовская область	14 319	1,7	7 291	–6,2	6 282	32,9
Республика Адыгея	7 473	–10,3	4 559	3,4	3 128	–3,7
Республика Калмыкия	7 672	4,5	4 006	–5,3	3 168	9,4
Приволжский ФО	**215 031**	**–9,8**	**134 644**	**–5,1**	**74 876**	**–7,8**
Республика Башкортостан	27 137	–24,6	17 983	–23,2	8 553	–8,7
Республика Марий Эл	4 353	–12,0	2 477	–17,9	1 536	–12,2
Республика Мордовия	4 677	13,5	3 365	17,5	925	35,2
Республика Татарстан	24 196	–8,3	12 746	1,2	10 370	–15,3
Удмуртская Республика	13 395	–4,2	8 896	–2,5	4 215	–9,1
Чувашская Республика	7 881	–10,9	5 916	–7,8	1 873	–11,6
Кировская область	10 999	17,4	7 693	35,1	2 728	9,2
Нижегородская область	25 294	–11,7	17 485	–8,7	7 880	–14,2
Оренбургская область	13 451	–2,7	8 315	–6,9	5 051	5,1
Пензенская область	6 627	–7,1	4 790	–0,6	1 751	–5,0
Пермский край	27 923	–14,0	16 252	–1,0	11 286	–4,4
Самарская область	26 716	–9,8	14 628	–0,1	11 894	–10,1
Саратовская область	14 765	–1,4	9 232	–4,9	4 415	–6,8
Ульяновская область	7 617	–7,6	4 866	–2,9	2 399	4,3
Уральский ФО	**111 271**	**–5,1**	**65 278**	**–3,4**	**40 935**	**–6,6**
Курганская область	9 498	–7,9	6 035	–0,6	2 929	–13,1
Свердловская область	34 901	–4,6	20 376	–0,2	13 879	–4,3
Тюменская область (с АО)	34 212	1,8	19 547	–2,2	12 493	2,3
Тюменская область (без АО)	15 820	–0,1	8 578	–7,3	6 040	–1,3
Ханты-Мансийский АО — Югра	13 555	1,9	8 427	5,4	4 603	–0,3
Ямало-Ненецкий АО	4 837	8,2	2 542	–7,2	1 850	26,0
Челябинская область	32 660	–11,1	19 320	–8,5	11 634	–15,2
Сибирский ФО	**198 391**	**–2,9**	**113 039**	**–2,3**	**78 456**	**–0,2**
Республика Алтай	2 389	–6,9	1 642	–9,8	482	–1,2
Республика Бурятия	12 018	–0,8	7 012	4,8	4 137	–11,2
Республика Тыва	2 911	2,2	1 955	–2,7	838	36,7
Республика Хакасия	5 370	–5,1	3 552	3,1	1 484	–5,6
Алтайский край	22 143	1,0	14 399	1,1	6 248	3,1
Красноярский край	29 464	2,8	16 665	–3,6	11 763	9,9
Иркутская область	28 258	–0,2	13 702	6,8	15 270	4,3
Кемеровская область	29 689	–8,3	18 302	–5,3	11 108	–14,6
Новосибирская область	24 041	–8,3	12 720	–11,9	10 812	–6,8
Омская область	14 366	–10,5	9 325	–0,7	4 080	–8,3
Томская область	9 956	–17,0	5 443	–12,4	4 311	–7,7
Забайкальский край	17 786	14,7	8 322	3,9	7 923	29,4
Дальневосточный ФО	**65 976**	**6,3**	**33 024**	**2,6**	**28 733**	**6,7**
Республика Саха (Якутия)	5 470	–15,2	3 790	–8,3	1 578	–36,9
Приморский край	26 566	18,2	10 167	10,9	14 294	19,1
Хабаровский край	13 788	6,5	7 612	12,4	5 853	–1,3
Камчатский край	2 305	–14,0	1 649	–9,7	514	–34,8
Амурская область	8 359	–4,5	4 981	–3,2	2 583	–10,9
Магаданская область	1 616	3,1	974	–4,4	548	16,3
Сахалинская область	5 952	24,3	2 629	–11,1	2 509	76,9
Еврейская АО	1 501	–21,9	918	2,1	759	–4,2
Чукотский АО	419	–11,0	304	7,4	95	–24,6
Всего по России	***1 117 255***	***–4,3***	***646 620***	***–2,3***	***425 482***	***–3,3***

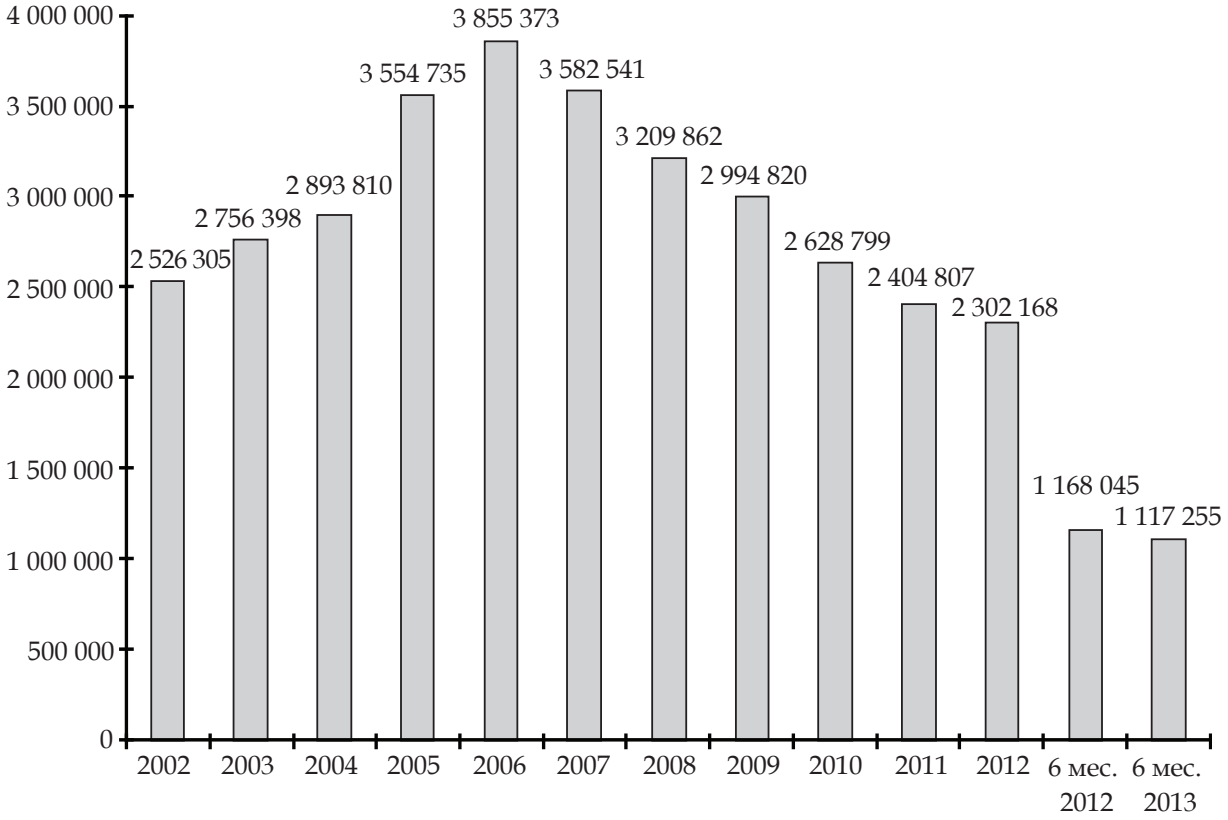

Рис. 1. Количество зарегистрированных преступлений в Российской Федерации в 2002–2013 гг.

Рис. 2. Раскрываемость преступлений в Российской Федерации в 2002–2013 гг.

Таблица 2

Структура преступности в Российской Федерации

Преступление	1-е полугодие 2012 г.		1-е полугодие 2013 г.		
	Всего зарегистрировано	Удельный вес, %	Всего зарегистрировано	Прирост к 1-му полугодию 2012 г., %	Удельный вес, %
Убийства	7 150	0,6	6 616	–7,5	0,6
Причинение тяжкого вреда здоровью	19 309	1,7	17 951	–7,0	1,6
Изнасилование	2 318	0,2	2 186	–5,7	0,2
Грабежи	55 048	4,7	46 530	–15,5	4,2
Разбои	9 131	0,8	8 156	–10,8	0,7
Кража	471 194	40,3	442 323	–6,1	39,6
Преступления экономической направленности	118 407	10,1	99 128	–16,3	8,9
Преступления, связанные с наркотиками	114 977	9,8	114 812	–0,1	10,3
Иные преступления	370 511	31,7	379 553	–	34,0

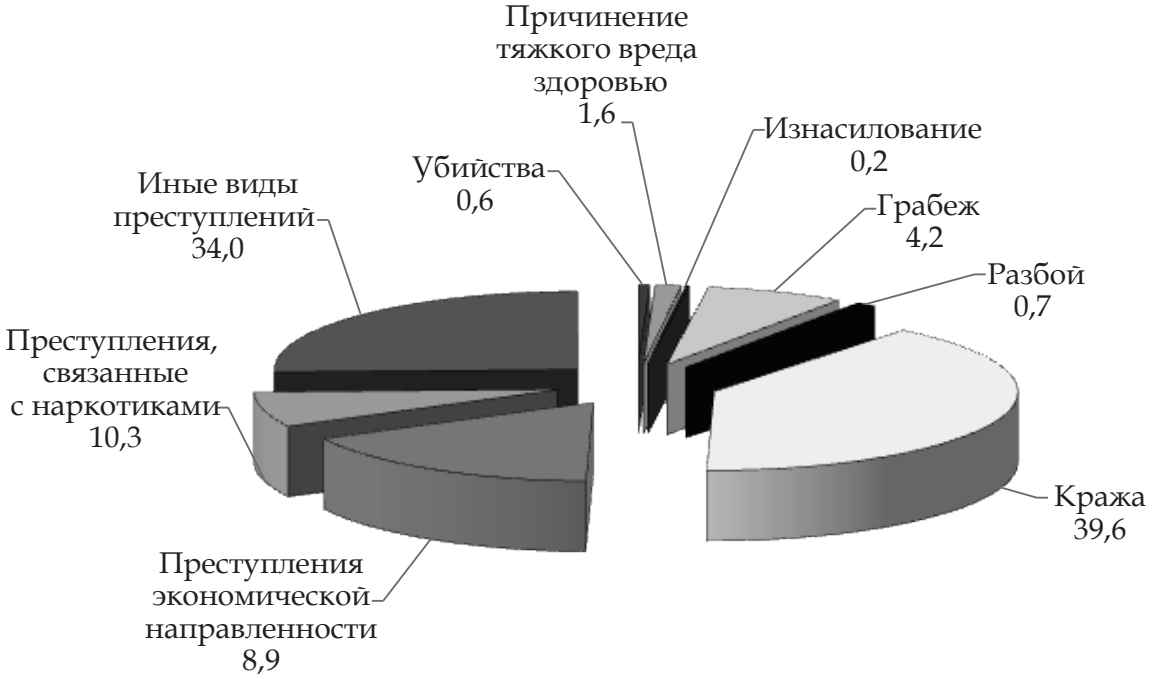

Рис. 3. Структура преступности в Российской Федерации в первом полугодии 2013 г., %

ДОГОВОРИЛИСЬ, ДОПИСАЛИСЬ, ДОРАБОТАЛИСЬ...

ДОГОВОРИЛИСЬ

— Это мой глобальный минус.

— Человек хотел убить, убил, но человек не умер.

Член экзаменационной комиссии: В чем разница между присвоением и растратой?
Студент: При присвоении — присвоил, при растрате — растратил.

— Виды невменяемости — дембилизм и идиотизм.

— Принудительные работы сейчас в России не исполняются, так как исправительная система находится в негодном состоянии.

Из ответов на государственном экзамене

— Государство не в состоянии обеспечить обитателям СИЗО нормальных условий жизни.

— Когда обнаружили первую жертву маньяка — дело заводить не стали.

Из выступлений студентов на защите дипломной работы

ДОПИСАЛИСЬ

— Похвальным является то, что автором использованы в работе не только ссылки на УИК РФ, но и на другие нормативные акты.

Из рецензии на дипломную работу

— Проститутки стали узаконенным слоем общества.

— Дикая, неподнадзорная проституция оставалась вне закона.

— Судья при отграничении смежных составов должен руководствоваться такими аксиомами, как закон и совесть.

— Лицо намеренно ввело себя в состояние опьянения.

Из дипломных работ

ДОРАБОТАЛИСЬ

— Это Ваш большой отрицательный минус.

— В настоящий момент, на сегодняшний день, на 7 июня, какая ситуация?

— Вроде бы все хорошо, но что хорошо? Реально мы должны отметить тот факт, что ничего хорошего…

Из докладов на совещании

— Впереди шел преступник, а «ВЗАДЕ» шли трое сотрудников милиции.

Из материалов уголовного дела:
протокол допроса потерпевшего — сотрудника милиции

Судья: Алкоголь употребляете?
Подсудимый: Алкоголь не употребляю, пью только пиво.

Из протокола судебного заседания

— Я, конечно, постараюсь больше не совершать преступлений, но твердо это обещать сейчас не могу.

Из последнего слова подсудимого-рецидивиста

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

I. ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ

1. Условия опубликования статьи:

– представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать, постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы;

– соответствовать правилам оформления;

– плата с аспирантов за публикацию рукописей в журнале не взимается.

2. Правила оформления статьи:

– статья направляется в редакцию журнала только по электронному адресу prolog-rpa@mail.ru;

– при компьютерном наборе материалов необходимо учитывать следующее: объем статьи — до 0,5 п.л. для соискателей ученой степени и аспирантов, до 1,0 п.л. для лиц, имеющих ученую степень и/или ученое звание, формат страницы А4, текстовый редактор Microsoft Word for Windows; шрифт — Times New Roman, размер — 14, интервал — 1,5; абзацный отступ – 10 мм; все поля — 20 мм;

– материалы сопровождаются аннотацией (не менее 500 символов) и ключевыми словами (3–4 слова или словосочетания);

– текст должен быть тщательно вычитан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала и правильность оформления заимствований;

– нумерация страниц проставляется внизу по центру;

– в конце материалов помещается список использованной литературы (источники располагаются по алфавиту), оформленный в соответствии с ГОСТ 7.1–2003. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления;

– использованная литература (без повторов) оформляется в конце текста под названием «Список использованной литературы». В тексте сноски обозначаются квадратными скобками с указанием в них порядкового номера источника по списку и через запятую – номер страницы (страниц), например: [5, с. 115]. Другой способ оформления литературы не допускается;

– ссылки на нормативно-правовые акты размещаются постранично и в список использованной литературы не дублируются;

– после списка литературы размещаются сведения об авторе(ах): ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, организация (в именительном падеже), адрес организации, электронный адрес автора(ов).

3. Сопроводительные документы к статье:

– для всех авторов заявка на имя главного редактора журнала о публикации статьи;

– для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук рекомендация о возможности публикации статьи в научном журнале, подписанная научным руководителем и заверенная печатью учреждения. В рекомендации отражается актуальность раскрываемой проблемы, оценивается научный уровень и дается рекомендация об опубликовании статьи в журнале «Пролог»;

– сведения об авторе(ах): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы (место учебы или соискательство), контактные телефоны, факс, e-mail, почтовый индекс и адрес.

II. ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Научные статьи, поступившие в редакцию проходят через институт рецензирования.

2. Формы рецензирования статей:

– внутренняя (рецензирование рукописей статей членами редакционной коллегии);

– внешняя (направление на рецензирование рукописей статей ведущим специалистам в соответствующей отрасли права).

3. Ответственный редактор определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и передает ее в редакционный совет, который направляет рукопись на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

4. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным секретарем с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

5. В рецензии должны быть освещены следующие вопросы:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и пр.;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) вывод о возможности опубликования данной рукописи и журнале: «рекомендуется», «рекомендуется с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков» или «не рекомендуется».

6. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

7. В случае отклонения статьи от публикации ответственный редактор направляет автору мотивированный отказ.

8. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

9. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционным советом.

10. После принятия редакционным советом решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

11. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала «Пролог».

III. ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ

1. Статьи принимаются по установленному графику:

– в № 1 (март) — до 15 января текущего года;

– в № 2 (июнь) — до 1 апреля текущего года;

– в № 3 (сентябрь) — до 1 июля текущего года;

– в № 4 (декабрь) — до 1 октября текущего года;

В исключительных случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема статьи в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на две недели.

2. Поступившие статьи рассматриваются редакционным советом в течение месяца.

3. Редакционный совет правомочен осуществлять научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости сокращать их по согласованию с автором, либо, если тематика статьи представляет интерес для журнала, направлять статью на доработку автору.

4. Редакционный совет и редакционная коллегия оставляет за собой право отклонить статью, не отвечающую установленным требованиям или тематике журнала.

5. Авторы в течение 7 дней получают уведомление о поступившей статье. Через месяц после регистрации статьи ответственный редактор сообщает авторам о результатах рецензирования и о плане публикации статьи.

6. Автору предоставляется бесплатный экземпляр журнала, содержащий опубликованную статью.

Подписано в печать 05.09.2013. Формат 60x90 1/8. Гарнитура Book Antiqau. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 10,0. Тираж 1000 экз. Заказ №

Иркутский юридический институт (филиал)
ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации»
664011, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4

Отпечатано в ООО Оперативная типография «На Чехова»,
г. Иркутск, ул.Чехова, 10, тел.: (3952) 209-355, 209-056
E-mail: info@print.irk.ru www.print.irk.ru